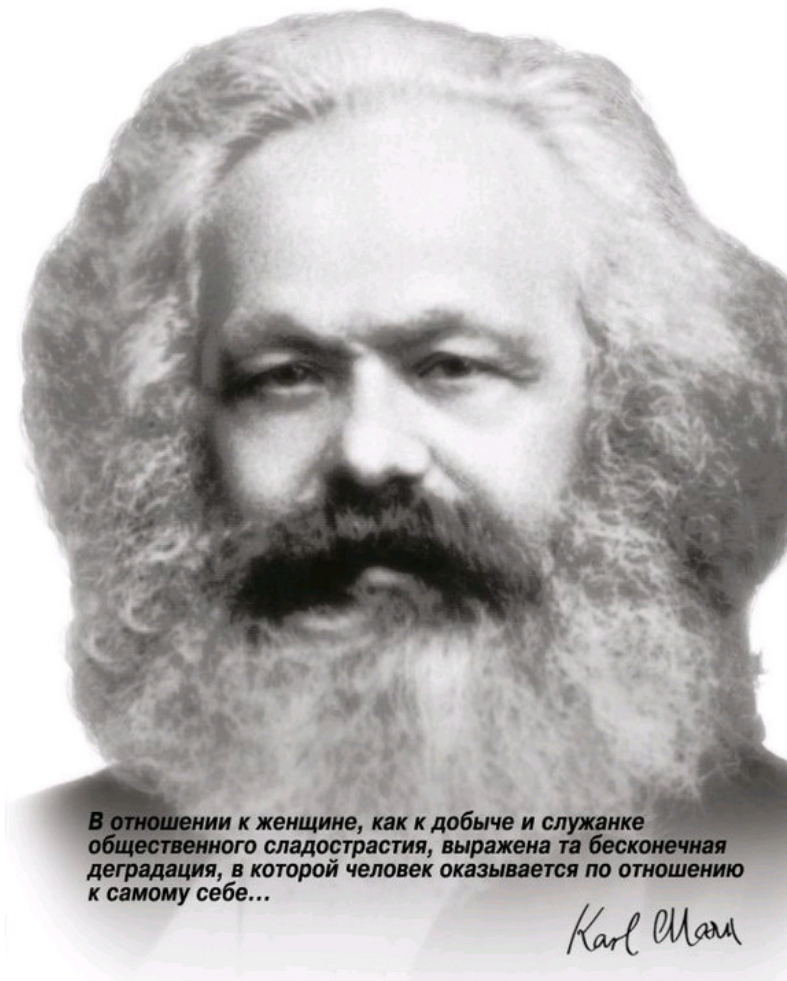

Карл Маркс

Любовь и Капитал

Биография личной жизни

В отношении к женщине, как к добыче и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в которой человек оказывается по отношению к самому себе...

Karl Marx

**Мэри Габриэл
Карл Маркс. Любовь
и Капитал. Биография
личной жизни
Серия «Гордость человечества»**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7888938

*Габриэл, Мэри Карл Маркс. Любовь и Капитал. Биография личной
жизни: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084520-0*

Аннотация

История семьи Маркс — кладезь фактов и идей, поэтому у автора была возможность попытаться пролить свет и на то, как развивались его политические взгляды на фоне зарождения современного капитализма.

Содержание

Великий повод к вековым спорам. Предисловие к биографии	6
Три источника и три составных части Маркса	6
Глобальный Маркс	38
Не догма, а руководство к действию	55
Список персонажей (именной указатель)	62
Политические события	117
Предисловие	137
Пролог. Лондон, 1851	146
Часть I	153
1. Трир, Германия, 1835	153
2. Берлин, 1838	175
3. Кельн, 1842	196
4. Кройцнах, 1843	222
Часть II	230
5. Париж, 1843	230
6. Париж, 1844	248
7. Париж, 1845	270
8. Брюссель, весна 1845	287
9. Лондон, 1845	304
10. Брюссель, 1846	318
11. Брюссель, 1847	343
12. Брюссель, 1848	362

Мэри Габриэл Карл Маркс. Любовь и капитал. Биография личной жизни

*Посвящается Джону и нежной памяти моего
деда*

Mary Gabriel
LOVE AND CAPITAL

Печатается с разрешения издательства Little, Brown
and company, New York, USA и литературного агентства
Andrew Nurnberg.

Copyright © 2011 by Mary Gabriel

© ООО «Издательство АСТ»

© ООО «Издательство “Наше слово”», перевод

Великий повод к вековым спорам. Предисловие к биографии

Три источника и три составных части Маркса

В ваших руках находится одна из интереснейших книг, которую я когда либо читал. Впечатления от ее прочтения сопоставимы с впечатлениями от книги, прочитанной мною двумя годами ранее.¹ Я долго размышлял, чем же мне близки эти биографии, чем похожи их герои? Подсознание выбросило множество вопросов – и на часть из них сознание, пожалуй, готово дать ответ.

Во-первых, качество написания этих биографий. Оба автора – Мэри Габриэл и Уолтер Айзексон – сумели подать «почти» документальные биографии в хорошей художественной форме. «Почти» – не упрек авторам. Они очень добросовестно проработали огромный фактологический материал – письма, документы, публикации Карла Маркса, личные беседы со Стивом Джобсом, свидетельства близких людей и коллег. Но все же любой автор где-то экстраполи-

---

¹ Речь идет о книге Уолтера Айзексона, биографа Стива Джобса.

рует, домысливает, вносит личностный элемент. Я рад, что оба автора сделали это с уважением к героям своих книг и к истине.

Во-вторых, герои биографий «Карл Маркс. Любовь и капитал» и «Стив Джобс» при всей огромной тактической разнице между ними (профессия, время, среда и так далее) поразительно схожи в стратегическом плане. И тот и другой изменили мир. И тот и другой сжигали себя, чтобы это сделать, мало того – они сжигали при этом и других, включая самых близких им людей. И тот и другой были чрезвычайно одарены от природы, но были при этом еще и трудоголиками. И тот и другой имели необъятную жажду познания.

Правда, здесь уже пути героев расходятся. Джобс умел концентрироваться, создавать прорывную силу, умел совмещать креативный поиск – а он всегда бесконечен – и свой перфекционизм, втискиваясь в реальные сроки реализации той или иной затеи. Маркс же был вихревой натурой, и мышление и стиль работы у него были такими же. В запланированной работе он практически никогда не укладывался в срок. Конечно, он жил в стесненных условиях, почти в нищете. К тому же мысль его растекалась по дереву. Например, работая над «Капиталом», он попутно глубоко «копал» агрохимию и минералогию. Маркс должен был познать предмет, что называется, во всех деталях. Если бы не «внешнее управление» в лице Энгельса и его моральная, интеллектуальная и финансовая поддержка, то вряд ли Маркс довел бы

свои знаменитые труды до конца (но об этом немного позже).

Ну и конечно же Маркс – при всем моем уважении к Джобсу – калибр не только мировой истории, но и мировой современности. Например, по данным опроса общественного мнения корпорации ВВС, проведенном в самом конце XX века, Маркс назван величайшим мыслителем тысячелетия.

Поэтому не проходит интерес к его жизни и деятельности. По данным библиотеки конгресса США, ему посвящено больше исследований, чем исследованию любой другой личности в истории человечества. Считается поэтому, что Карл Маркс – самая изученная личность в истории. Со многими из них я в свое время ознакомился. В данном же варианте же сделан крен на изучение контекста жизни и деятельности великого мыслителя. Если образно сравнить Маркса с планетой, то здесь чрезвычайно талантливо раскрыто влияние на саму планету спутников, оказавшихся во власти ее гравитации.

Вот что пишет по этому поводу сама Мэри Габриэл:

«Плутарх в своих «Жизнеописаниях» великих людей Рима и Афин, которые он писал до самой смерти в 120 году н. э., говорил, что ключ к пониманию той или иной личности следует искать не в сражениях, которые она выигрывала, и не в ее публичных триумфах – но в ее личной, интимной жизни, в характере, жесте или даже слове. Мне хочется верить, что, прочитав историю семьи Маркс, люди смогут лучше понять, каким человеком был Карл Маркс... согласно рецепту,

данному Плутархом. Я также надеюсь, что читатели по достоинству оценят личности тех женщин, которые окружали Маркса. Общество, в котором они родились и выросли, диктовало женщине исключительно поддерживающую, вспомогательную роль. Мне кажется, сила духа, смелость и незаурядный ум этих женщин слишком долго оставались в тени, между тем без них не было бы Карла Маркса, а без Карла Маркса наш мир был бы совершенно иным».

Разбавлю «женский» взгляд автора «мужским» взглядом ученого – нейрокибернетика и нейробиолога, защитившего в далеком 1986-м году диссертацию на философском факультете МГУ. Так уж было устроено образование в бывшем СССР, что без Маркса–Энгельса–Ленина никак и никуда. Посему работы «классиков» мне хорошо знакомы. В том числе и статья В.И. Ленина «Три источника и три составные части марксизма». В свою очередь среди трех источников, «составляющих» Маркса, женщины – и в первую очередь его Женни – стоят на первом месте.

Но прежде чем продолжить разговор о женщинах, вспомним замечательную максиму одного из главных «источников» марксизма – Людвиг Фейербаха: мужчина – не человек; женщина – не человек; человек – это единство мужчины и женщины. Ну прямо единство и борьба противоположностей – диалектика присутствует в самом что ни на есть человеческом обличье.

Когда-то в аспирантские годы я задумал книгу «Состояв-

шиеся и несостоявшиеся». Речь в ней должна была идти о талантливых мужах науки, искусства, литературы, добившихся выдающихся успехов благодаря своим половинкам, — и о тех, кого эти «половинки» задавили и не дали им реализовать свои таланты. Я бодро взялся за дело, однако очень скоро понял: первую часть я сделаю — эти люди известны, а вот со второй частью проблема, ведь поскольку эти люди не состоялись, о них никому ничего не известно.

Вот потому-то к выбору жены многие творческие личности подходили со всей серьезностью.

Вот например, выдающийся русский ученый Илья Ильич Мечников уже в молодости разработал теорию о «воспитании жены». Первый брак у него сложился драматически. Жена умерла от туберкулеза. От горя он пытался отравиться. Однако, к счастью, выпил столь большую дозу морфия, что тут же началась рвота и яд вышел из организма. Вскоре он познакомился с соседкой по даче пятнадцатилетней Ольгой Белокопытовой. Девочка настолько ему понравилась, что он, вспомнив о своей давней теории, тут же взялся за воспитание Оленьки: давал ей уроки по разным отраслям знаний, подбирал книги, которые ей следует прочитать, рассказывал о новейших открытиях в своей области — биологии и много еще всего, вплоть до советов по подбору туалетов. Через год Илья Ильич пришел к выводу, что воспитание прошло успешно, и женился на Ольге. Ольга Николаевна стала с ним единым целым: и другом, и научным ассистентом, и люби-

мой женщиной. Они достигли такой гармонии и единства, что когда случилась беда (Ольга Николаевна заболела тяжелой формой брюшного тифа и врачи не сомневались в летальном исходе), Илья Ильич снова решил покончить собой, но на этот раз решил, что эта смерть должна послужить науке – он привил себе возвратный тиф в лабораторных условиях. К счастью для семьи Мечниковых и мировой науки, они оба выжили. Позднее Мечников получил Нобелевскую премию, его имя в истории стоит рядом с Пастером. Вот такой результат единства мужчины и женщины.

Юные Карл Маркс и Женни фон Вестфален хоть и были безумно влюблены друг в друга, по разным причинам долго не могли вступить в законный брак. Но это были годы взаимной притирки и тоже своеобразного «воспитания» будущей жены, поскольку Женни, как умная девушка, вполне могла предвидеть совместную жизнь с Карлом – вихревым и непрактичным; хотя молодой Маркс после помолвки с Женни и уехал сразу в Берлин, чтобы обрести себя в качестве будущего главы семейства.

В отличие от Маркса Толстой женился уже будучи вполне солидным человеком, перебрав кучу вариантов. К своим тридцати четырем годам он вдруг увидел очаровательную девушку в дочери своих давних знакомых – семьи Берс – Соне: до этого он ее знал как очаровательного ребенка. Специалисты считают: именно с восемнадцатилетней Сони списано юное очарование Наташи Ростовой. При всей своей

влюбленности Лев Николаевич (и это отражено в его дневниках) сомневается, взвешивает, анализирует, пытается найти грань между реальным чувством и фантазиями на тему любви. «Я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны, — пишет он, — и все-таки это оно».

Толстой так делает предложение, показав при этом целомудренной девушке дневник с откровенными описаниями своих былых любовных побед... Свадьба в итоге все же состоялась, Толстой описывает эти дни в дневнике как «неимоверное счастье». Без промедления он входит в роль ответственного отца семейства.

«Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни, — пишет он в своей «Исповеди». — Вся жизнь моя сосредоточилась за это время в семье, в жене, в детях и потому в заботах об увеличении средств жизни. Стремление к усовершенствованию, подмененное уже прежде стремлением к усовершенствованию вообще, теперь подменилось стремлением к тому, чтобы мне с семьей было как можно лучше...»

Маркс же в аналогичный период так и остался неостепенившимся мятежным молодым человеком. Медовый месяц Карл и Женни провели в доме ее матери и на ее деньги, причем в отличие от Толстого эти счастливые дни не отвлекли его от «искания общественного смысла жизни». Маркс разделил себя в медовый месяц между Женни и четырьмя десятками читаемых им томов, сотворив в этот период две со-

лидные работы.

Из тринадцати детей Толстых пятеро умерли в раннем детстве. Если Петя успел прожить полтора года, то следующий – Николенька – сражен менингитом еще в грудном возрасте. В этом же году родилась недоношенная Варвара – ей суждено было прожить всего несколько часов. Дальше семья потеряла четвертого – Алешу. Но самой большой трагедией стала смерть от скарлатины семилетнего Ванечки. Дочь Маша пишет, что «мама страшна своим горем... вся ее жизнь была в нем... Папа ужасно страдает и плачет все время».

При прочтении этой книги вы обнаружите поразительные параллели в семейных потерях семьи Маркса и семьи Толстого. В семье Маркса родилось семеро детей. Четверо из них умерли в раннем возрасте. Но самой большой трагедией, сломавших супругов была смерть их любимца – шалуна и тем не менее не по годам мудрого – Эдгара (по семейному прозвищу – Муш). Но если дети Толстого умирали, если так можно выразиться, от естественных причин – неизлечимых в то время менингита, скарлатины, крупы – и никакими условиями жизни эти болезни нельзя было предотвратить, то дети Маркса свои смертельные болезни «обрели» в ужасающих условиях жизни, в которых оказались. Впрочем, и Толстой, возможно, частично виновен в семейных болезнях. У дочерей Толстого, например, выкидыши следовали один за другим. Софья Андреевна не без основания считала, что это результат вегетарианства, навязанного им Львом Нико-

лаевичем.

Опять параллели. Софья Андреевна была и хорошей матерью, умелой хозяйкой, и самоотверженной помощницей Льва Николаевича в его литературном труде. Она – как и Женни – переписывала огромное количество черновиков своего гениального супруга. А ведь и у Маркса и у Толстого был не почерк, а сущие каракули.

Часто гостивший в Ясной Поляне Афанасий Фет искренне восхищался Софьей Андреевной и писал Толстому: «Жена у Вас идеальная, чего хотите прибавьте в этот идеал, сахару, уксусу, соли, горчицы, перцу, амбре – все только испортишь». Сам Толстой, однако, признавая, что она «идеальная жена», добавлял при этом, что это в смысле «верности, семейности, самоотверженности, любви семейной... в ней лежит возможность христианского друга». «Проявится ли он в ней?» – в сомнениях продолжает он. Сравните с ее словами: «Во всем этом шуме, без тебя все равно, как без души. Ты один умеешь на все и во все вложить поэзию, прелесть, и возвести все на какую-то высоту. Это впрочем, я так чувствую: для меня все мертво без тебя. Я только без тебя то люблю, что ты любишь, и часто сбиваюсь, сама ли я что люблю или только мне нравится что-нибудь оттого, что ты это любишь». Лев Николаевич хотел абсолютного духовного слияния. «Он ждал от меня, бедный, милый муж мой, – пишет она с пониманием, – того духовного единения, которое было почти невозможно при моей материальной жизни

и заботах, от которых уйти было невозможно и никуда. Я не сумела бы разделить его духовную жизнь на словах, а провести ее в жизнь, сломить ее, волоча за собой целую большую семью, было немыслимо, да и непосильно».

Свое учение Лев Николаевич хотел реализовать там, где он, как ему казалось, мог сделать – в семье. Отсюда идеи о простой народной жизни с отказом от собственности, включая авторские права на свои произведения. Но эти права обеспечивали многочисленному семейству основные средства к существованию. Софья Андреевна – управляющая делами и литературный агент в одном лице – как никто другой понимала это и жестко стала этому противодействовать. Идеализм Толстого, который думал о человечестве в целом, и практицизм супруги, которая думала о самой близкой частичке человечества – своей семье, положили начало глубокому и драматическому разладу между ними.

У Карла и Женни не возникало таких проблем: во-первых, ни собственности, ни литературных доходов у главы семейства не было; во-вторых, Женни полностью разделяла идеи своего мужа, была беззаветно предана не только ему, но и его фанатичной вере в свою мессианскую роль. Энгельс скажет в надгробной речи: «Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, – то это была она».

Факт остается фактом: идеи человеколюбия и «муравьиного братства» супруга Толстого разделяла до определенно-

го предела. Лев Толстой считал, что в этом вопросе больше всех повезло другому великому писателю. «Многие русские писатели, – отмечал он не без зависти, – чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского». Но до Анны Сниткиной, которую имел в виду Лев Николаевич, в жизни Федора Михайловича была другая женщина – Аполлинария Сулова, в коей черпали вдохновение и горести сразу двое российских мыслителей. И первый – Федор Михайлович Достоевский. Свою роковую женщину он встретил в сорок лет при обстоятельствах, так запечатленных в воспоминаниях дочери писателя:

«Полина приехала из русской провинции, где у нее были богатые родственники, посылавшие ей достаточно денег для того, чтобы удобно жить в Петербурге. [От себя отмечу, что отец Полины, фабрикант Прокофий Сулов был в молодости крепостным].

Каждую осень она записывалась студенткой в университет, но никогда не занималась и не сдавала экзамены. Однако она усердно ходила на лекции, флиртовала со студентами, ходила к ним домой, мешая им работать, подстрекала их к выступлениям, заставляла подписывать протесты, принимала участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе...

Полина присутствовала на всех балах, всех литературных вечерах студенчества, танцевала с ними, аплодировала, раз-

деляла все новые идеи, волновавшие молодежь. Она вертелась вокруг Достоевского и всячески угождала ему. Достоевский не замечал этого. Тогда она написала ему письмо с объяснением в любви».

Оно было простым, наивным и поэтичным. Казалось, что писала его робкая молодая девушка, ослепленная гением великого писателя. Растроганный Достоевский, разумеется, попал в сети этой роковой женщины, прощая ей самые взбалмошные выходки – от требований развода с чахоточной женой до открытого шантажа, угроз покончить с собой или кем-то еще. Все бы походило на фарс, если бы не обернулось трагедией.

Сперва – чтобы, как говорится, вышибить клин клином – Достоевский сел за игорный стол, и его любовь на некоторое время, как сообщил сам писатель, отступила на второй план. Но это не помогло. Затем, когда первая жена Достоевского отошла к богу, писатель тут же предложил Полине Сусловой руку и сердце. Но та заявила, что семья стеснит ее свободу.

Нервные, бурные и мучительные отношения с роковой женщиной могли бы окончиться для Достоевского весьма плачевно. Он уже подумывал о путешествии в мир иной. Но тут его спасла Анна Сниткина – его помощница и стенографистка, восхищенная его гением. Несмотря на происки Полины, Анна сумела привести Достоевского в чувство и стала ему впоследствии верной женой.

Между тем в новой жизни Достоевский втайне продолжал

страдать о своей Полине. Тому остались свидетельством такие его строки: «Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны... Но я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее. Она не стоит такой любви. Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она никогда не найдет себе друга и счастье. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья».

Литературоведы и биографы классика ищут – и конечно же находят – черты Аполлинарии Сусловой у ряда его персонажей. Это и Настасья Филипповна из романа «Идиот», и собственно Полина – из «Игрока», Катерина – из «Братьев Карамазовых».

То, что роковая женщина не найдет себе друга – отчасти правда, смотря как понимать дружбу. Впрочем, и счастье у роковой женщины свое, отличное от тихого семейного.

Уже сорокалетняя Полина позже влюбила в себя студента третьего курса Московского университета Василия Розанова, которому годилась в матери: разница в возрасте аж шестнадцать лет. Розанов знал, что его супруга некогда была любовницей самого Достоевского, но по молодости полагал ее «самой замечательной из встреченных женщин». Она действительно была великолепно по словам плененного и покоренного ею Розанова.

Не понятно все же, любил ли он ее на самом деле или – будучи почитателем Достоевского – мнил реальную Полину

персонажем, ожидал от нее книжного поведения. Сознывая, что время для нее бежит быстрее, чем для ровесниц мужа, Суслова стала читать задним числом его личную переписку. И даже донесла на одного из адресатов, пасынка своей близкой подруги и студента Розанова: письмо содержало невольные выражения в адрес Александра III. Молодого человека посадили.

Дважды она демонстративно бросала молодого мужа, издеваясь над его книгами и называя их бездарными, но возвращалась по его же просьбе. Конечно, писатель сам выбрал себе ад, и так описывал его в откровенном письме к Полине: «Вы рядились в шелковые платья и разбрасывали подарки на право и лево, чтобы создать себе репутацию богатой женщины, не понимая, что этой репутацией Вы гнули меня к земле. Все видели разницу наших возрастов, и всем Вы жаловались, что я подлый развратник. Что же могли они думать иное, кроме того, что я женился на деньгах? И мысль эту я нес все семь лет нашего брака молча... Вы меня позорили ругательством и унижением, со всякими встречными и поперечными толковали, что я занят идиотским трудом...» И так далее.

Аполлинария ушла в третий раз. Целых двадцать лет из-за нее писатель не мог расторгнуть ставший ненавистным брак, хотя у него по факту была уже другая семья. По законам же Российской империи и церковной этики и новая его женщина была грешна вдвойне, и незаконнорожденные дети суще-

ственно теряли во всем, не имея права на наследство и даже на фамилию родителя.

Неизвестно, прибавилось или убавилось в творчестве Розанова и Достоевского от взаимоотношений с этой фурией. Но здоровья им обоим она точно не прибавила.

Как мы уже отмечали, Анна Сниткина в буквальном и переносном смысле этого слова спасла Достоевского и как человека и как творца.

Человеческими качествами, характером этот человек «болтался между тюрьмой и сумасшедшим домом». Такова уж нервная организация гениев, она граничит с психическим заболеванием. Гений – вообще-то само по себе далеко не норма. Например, гипертрофированная сексуальность Достоевского расщеплялась на противоположности – садизм и мазохизм, посему его не слишком точно называли «русским маркизом де Садом». Но Анна своей кротостью, своим ангельским характером не только сумела приглушить садомазохистские склонности писателя, но и избавила его от целого букета тяжелых комплексов. В браке с ней Достоевский избавился даже от мучившей его много лет эпилепсии – редчайший случай в медицине. Соответственно все это сказалось на его творчестве. При ее поддержке и помощи он сотворил свои лучшие книги. Через много лет после смерти писателя, в последний год своей жизни, его вдова делает запись в альбом Сергея Прокофьева: «Солнце моей жизни – Федор Достоевский. Анна Достоевская».

Для Женни Карл Генрих тоже несомненно был солнцем, светочем. Однако на каждом Солнце есть свои пятна.

К несносному характеру и Льва Николаевича, и Федора Михайловича, и Карла Генриха примешивался и интерес к «потустороннему» женскому полу. Лев Николаевич «делал это» многократно, каялся перед Софьей Андреевной и снова делал. Федор Михайлович еще долго грезил Полиной, Карл Генрих же при всей своей преданности Женни тоже не избежал «досадного» эпизода – причем с другом и членом семьи Елена Демут (к этому эпизоду мы еще вернемся). Однако небезупречны были и его отношения с голландской кузиной Нанетт... Кстати, вскоре после обручения с Женни, будучи в Берлине, Карл увлекся великовозрастной поэтессой Беттиной фон Арним. Она была некрасива и немолода, но знаменита и очень умна. Вообще есть удивительная корреляция между творческими способностями и повышенным тестостероном. Маркс, правда, горько шутил, что он – «отец семейства с крепкими яйцами» и что его биологическая плодовитость превышает творческую.

Однако есть пример другого гения из страны, где Маркс нашел политическое убежище, но избежавшего пятен и первого и второго плана при всей своей биологической плодовитости. Речь идет о Чарльзе Дарвине.

Когда через три года по возвращении из своего шестилетнего кругосветного путешествия Дарвин женился, у них с женой Эммой было десять детей. Супруги прожили вместе

чуть меньше полувека.

В 1844-м году Дарвин завершил рукопись, где впервые изложил свою знаменитую теорию естественного отбора.

«Чем больше мы познаем твердые законы природы, тем все более невероятными становятся для нас чудеса, на которые опирается христианская вера», – писал Дарвин. Изучение природы сделало Дарвина, получившего богословское образование, человеком неверующим.

А его жена Эмма, напротив, была глубоко верующей. И вот Эмма Дарвин в письме напрямую задала мужу вопрос: «Твои исследования не имеют ничего общего с религией, не правда ли?»

Дарвин, почувствовав, что его научные результаты расходятся с нравственными принципами жены, решил не публиковать при ее жизни свои революционные выкладки. В порыве чувства он составил завещание: «Я закончил труд о происхождении видов. Когда мир поймет мои теории, наука сделает огромный шаг вперед». Дарвин просил жену после его смерти передать книгу издателю для публикации... У Дарвина были все основания считать, что он умрет первым: он часто и тяжело болел. Эмма, приняв жертву супруга, целиком посвятила себя ему и семье.

«Она была моим величайшим счастьем! Я могу заявить, что за всю мою жизнь я никогда не слышал, чтобы она произнесла хотя бы одно слово, которое я предпочел бы не говорить... Она была моим мудрым советником и веселым уте-

шителем всю жизнь, которая без нее была бы очень долго несчастна из-за плохого здоровья. Она заслужила любовь и восхищение всякой живой души, которая к ней прикасалась», – писал Дарвин о жене на закате дней.

Камилла Бельгиз пишет о такого типа любви: «Тот, кто любит, отбрасывает на другого свет своего внутреннего «я» и надеется увидеть отблеск этого света. Подлинная любовь связует двоих, и надо уметь ставить другого превыше себя».

К своей научной рукописи Дарвин все-таки вернулся, но лишь двенадцать лет спустя, а книга «Происхождение видов путем естественного отбора» увидела свет лишь в 1859-м году. То есть через пятнадцать лет после идейной разработки.

Как истый ученый, Чарльз Роберт Дарвин не смог погрешить против науки и Истины, но слишком любил свою жену, чтобы сказать ей прямо «мужчина во всем, за что берется, достигает совершенства, недостижимого для женщины...».

«Женщины вдохновляют нас на великие дела, но вечно мешают нам их творить», – пошутил мастер парадоксов Оскар Уайльд. Тем не менее Дарвин сделал научный вывод даже из собственного брака и семейности. Дело в том, что Эмма приходилась ученому не только женой, но и кузиной. Многие его дети были болезненны, а трое умерли в детском возрасте. Дарвин опасался, что причина этого в их родственной близости с женой. Это отражено в его работах по болезненности потомков от близкородственного скрещивания и преимуществах далеких скрещиваний.

Но сам Дарвин, дорожа спокойствием супруги, прожил в единственном браке более тридцати пяти лет и сравнительно счастливо. Он умер на семьдесят третьем году жизни.

Жизнь великого британского ученого несколько выбивается из ряда творцов с их женами. Однако факт остается фактом. Где-то – кажется, в каком-то труде о женах олигархов – я прочитал: «С возрастом начинаешь постигать – сию формулу надобно расчленять на три составляющие. Или кроткая. Или красивая. Или умная. Соединять всех их вкупе – невыполнимо!» Добавлю к этому, что в античной Греции говорили: жены служат нам для продолжения рода, наложницы для услаждения плоти, гетеры для услаждения духа.

Из того, что я знал ранее – а главное, узнал из этой книги, – видно: соединить вкупе все три начала как по одному, так и по другому критерию в абсолютной степени смогла только Женни Маркс. Она и стала тем первым источником и составной частью Маркса.

Вторым источником и составной частью стал его друг и соратник Фридрих Энгельс. Еще в советские годы я много читал об их «дружбе – великой и трогательной», но опять же после ознакомления с предлагаемым читателю трудом мои представления об этой дружбе углубились.

Дело в том, что Маркс был человеком с очень высоким самомнением, резким и нетерпимым к другим людям и их взглядам. Безусловно равными себе он признавал только Женни и Фридриха. Возможно, поэтому великая любовь и

великая дружба соединились через этого человека. Энгельс, как и Женни, стал частью жизни Маркса.

Вот что пишет после похорон любимого сына Карл Генрих Энгельсу: «Я не могу тебе передать словами, как мы тоскуем по нашему ребенку, каждое мгновение... Я уже получил свою долю неудач и бед, но только теперь я знаю, что такое настоящее несчастье. Я чувствую себя сломленным. После похорон мне повезло – у меня так раскалывалась от боли голова, что я не мог ни думать, ни слышать, ни видеть. Среди всех этих страшных мук, которые я недавно перенес, лишь одна мысль поддерживала меня – мысль о тебе и нашей дружбе. Это как надежда – на то, что мы вместе еще совершим что-то важное и нужное в этом мире».

Именно поэтому они стали так близки – практически идейными сиаемскими близнецами. Они испытывали интеллектуальный комфорт в обществе друг друга. В интеллектуальном смысле они были прекрасным тандемом, – пишет автор, – остроумным, наделенным даром предвидения, творческим (а еще – снобистским, сварливым, нетерпимым и склонным к конспирологии). Как друзья – они были сквернословы, веселые похабники, подростки в душе. Они любили курить (Энгельс – трубку, Маркс – сигары), выпивать до рассвета (Энгельс – хорошее вино и эль, Маркс – все что угодно), сплетничать (в основном о сексуальных склонностях своих знакомых) и хохотать до упаду (в основном издеваясь над своими противниками) и в случае Маркса – до

слез, градом льющихся от хохота.

При этом они были противоположностями почти во всем: по происхождению, конституции, темпераменту, стилю мышления, ведению дел и так далее. Но синергия от их объединения была колоссальная. Друг Фридрих стал посланником материального мира, однажды постучавшим в дверь Карла Маркса, чтобы заполнить пробелы в его теоретических исследованиях.

Что касается самого Энгельса, то в 26-летнем Марксе он увидел могучую личность и огромный интеллект, равных которым никогда ранее не знал. Хороший солдат ищет хорошего командира, – пишет Мэри Габриэл, – и Энгельс нашел для себя такого человека.

На самом деле он попросту стал спасителем семьи Маркс. Он не только предоставлял множество исходных данных для статей Маркса, но еще и материально обеспечивал существование всей его семьи.

Энгельс, конечно, понимал, что их интеллекты вполне сопоставимы – но даже в тандеме кто-то должен был быть ведомым, а кто-то ведущим. В начале их дружбы Энгельс разглядел в Марксе гения, способного сокрушить интеллектуальные барьеры в вопросах революционной теории и практики. Но гения потенциального, которым еще надо стать. Энгельс отдал все, что у него было, чтобы гений Маркса помог изменить мир к лучшему.

Вообще, что касается друзей – у Маркса они получались

какими-то однообразными. Вот, например, Мозес Гесс – богатый промышленник, пригласивший еще совсем молодого Карла Генриха главным редактором «Рейнской газеты» с окладом аж 500 талеров. Он считал Маркса феноменом, соединявшим в себе «Руссо, Вольтера, Лессинга, Гейне и Гегеля». Маркс тогда быстро оправдал надежды Гесса и вывел газету в лидеры печатного рынка. Увы, несмотря на дипломатический такт Маркса (редкий случай), газету закрыли, а с Гессом они быстро стали врагами – как впрочем и соратниками.

Безусловно, истории как с газетами, так и с друзьями были сильно замешаны на обстоятельствах. Сам Маркс говорил, что обстоятельства в той же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства. И прежде чем продолжить эту тему, приведем альтернативную подборку высказываний на эту тему:

Величайшей заслугой человека остается, конечно, то, что он как можно больше определяет обстоятельства и как можно меньше дает им определять себя. *Йоганн Гете.*

Обстоятельства не творят человека. Они просто раскрывают его самому себя. *Эпиктет.*

Обстоятельства образуют великих людей, а потом великие люди образуют обстоятельства. *Константин Батюшков.*

Обстоятельства переменчивы, принципы – никогда. *Оноре де Бальзак.*

Человек не создается обстоятельствами, обстоятельства создаются человеком. *Бенджамин Дизраэли.*

Скорее всего здесь ближе к истине слова Батюшкова, хотя она недалеко отстоит от слов самого героя книги.

Один из самых ярких представителей отечественной философии – Михаил Александрович Розов – ввел в свое время в оборот термин «пересечение традиций». Именно на пересечение традиций пришлось время и место рождения Маркса.

С одной стороны – традиция иудейских мыслителей. Ее носителями были раввины из рода Маркс, не чуждые политическим размышлениям (один из предков за два десятка лет до французской революции написал трактат о демократических ценностях). Пластичность в пространстве и времени – один из самых главных способов выживания евреев в чужеродной среде. За короткий период французской оккупации, когда в Германии действовал гражданский кодекс Наполеона, отец героя Гершель Маркс успел не только получить юридическое образование и стать первым евреем-адвокатом, но и стремительно возглавить городскую ассоциацию адвокатов. Когда после изгнания французов последовал вновь запрет на профессии, иудей Гершель превратился в лютеранина Генриха. За примером ему не пришлось далеко ходить, поскольку его собственный отец Меир Халеви еще при жизни стал Марксом Леви. Отец Маркса формировал свои убеж-

дения на работах Вольтера и Руссо и знал их наизусть. И вообще он был большим книголюбом и интеллектуалом. Таким же, как и его земляк барон Людвиг фон Вестфален. Они ходят в одну протестантскую общину, равны в социальном статусе, однако семья Вестфаленов несравнимо богаче и образованней (латынь, Гомер, Данте, Шекспир). Однако уже в гимназии Генрих Маркс интеллектуально уйдет далеко в отрыв от своего одноклассника Эдгара фон Вестфалена и будет на равных общаться с его отцом, поражая последнего своими способностями.

Это пересечение традиций, выражаясь марксистскими терминами, происходило на уровне надстройки, но было подкреплено и материальным базисом – соединением в одну семью Карла Маркса и Женни фон Вестфален. Они практически реализовали то, что в том обществе, в то время было теоретически возможно. Такое вот переплетение человеческой воли и складывающихся обстоятельств.

Генрих Маркс был очень мудрым человеком и воспитывал сына по принципу: «Умный найдет выход из любой ситуации, а мудрый такой ситуации не допустит». Он пишет сыну-студенту: «Я бы хотел видеть в твоём лице того, кем бы я мог стать, приди я в этот мир с твоими благоприятными перспективами. Ты можешь воплотить или разрушить мои самые сокровенные мечты». Конечно же отец видел, что сын идет не «в ту сторону», однако надеялся, что это издержка молодости, и пытался мягко наставлять сына в стиле горькой

иронии: «... беспорядочные метания по всем областям знаний сразу... все силы тратящий лишь на безумное обогащение собственной эрудиции...»

Сын мучил своих родителей своими метаниями из крайности в крайность: «то он хотел быть адвокатом, то драматургом, то театральным критиком». Он даже сотворил ряд объемных поэтических произведений. Его отец осторожно отметил, что эти «стихи не для моего разума». Поэтом, конечно, Маркс был никаким, в отличие от Энгельса – тот как раз-таки был наделен этим даром. Конечно, родителям трудно было переварить ту энтропию, которая была сущностью его натуры. В роду Марксов – последовательных, рациональных и прагматичных – он был мутантом в прямом и переносном смысле этого слова. Вот как дипломатично описывает это отец: «Несобранность, беспорядочные блуждания по всем отраслям знаний, смутные раздумья при свете коптилки, нечесанные волосы...» На письма Карл отвечал редко, не навещал родителей на каникулах. И тратил очень много родительских денег...

Я называю такого типа личность турбулентной – с одноименным типом мышления. У такого типа мышления и таких натур мысль не последовательна, а турбулентна и затруднена на выходе в рациональном варианте в прогнозируемые сроки. Мы с коллегами исследовали такое мышление в недавней книге, которая так и называется – «Турбулентное мышление. Зарядка для интеллекта».

Всю свою жизнь Маркс был очень большим лицемером в отношении собственной работы, – пишет Мэри Габриэл. – В ответ на вопрос, когда будет закончена работа, он обычно отвечал, что ему осталась неделя или две на окончательную отделку текста, или утверждал, что вычитывает последнюю корректуру, или сетовал на то, что столкнулся с финансовыми или личными трудностями, которые его немного задержали, но теперь он уже вернулся в нормальное рабочее русло и близок к завершению работы... На самом деле чаще всего он был очень далек от этого завершения. Новые идеи кипели в его мозгу, сталкиваясь с уже записанными на бумаге и порождая выводы, которые он считал неожиданными и необычайно важными. Как же он мог приказать своему мозгу остановиться, чтобы он мог сесть писать?

Уже после смерти Маркса Энгельс, разбирая черновые наброски Маркса третьего тома «Капитала», пишет: «Мысли записаны в том виде и в том порядке, в котором они появлялись в голове автора...».

Всю жизнь бурный поток идей, который сам хозяин потока никак не мог взять под контроль, будет мешать Марксу не только планомерно строить новую идеологию, но и элементарно зарабатывать на жизнь.

Кстати о деньгах. Отец с горькой иронией пишет ему: «Как может человек, каждые две недели придумывающий новую систему мироздания и рвущий в клочья свои прежние работы, думать о таких презренных мелочах, как деньги?»

Да, деньги Карла Генриха «не интересовали»: он бесшабашно тратил огромное количество отцовских денег, не задумываясь о том, что у его родителей еще семеро братьев и сестер. Вслед за матерью в эгоизме упрекает его и отец: «Не могу избавиться от мысли, что эгоизма в тебе гораздо больше, чем это требуется человеку для самосохранения». В другом письме, тщетно пытаясь достучаться до разума сына, отец говорит: «Будущее Женни должно быть достойным ее, она должна жить в реальном мире, а не ютиться в прокуренной комнате, пропахшей керосином, в компании безумного ученого».

К несчастью, случилось именно то, чего больше всего опасался отец, которому оставалось жить несколько месяцев. Еще меньше осталось жить брату Карла – одиннадцатилетнему Эдуарду. Карл Генрих же и мало писал и еще меньше навещал родных. И этот человек несколькими годами ранее в выпускном сочинении написал такие строки: «Но ГЛАВНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН НАС НАПРАВЛЯТЬ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ, ЯВЛЯЕТСЯ БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, наше собственное совершенствование... Человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага. Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать

истинно совершенным и великим человеком...»

Можно думать о человечестве вообще, в целом и забывать при этом о том, кто с тобой рядом. Сама Мэри Габриэл так оценивает поступки своего героя: «Кто-то может обвинить его в эгоизме. Он назвал бы это самоотверженностью. Своей кропотливой и неустанной работой, закладывающей основу для будущих глобальных перемен, своей тревогой и страхом перед внезапной, неподготовленной революцией Маркс менее всего делился с собственным поколением – и даже с поколением своих детей. Он обращался к поколениям будущего. Для Маркса жертвы его семьи были необходимы, политически оправданы».

Из семерых детей Маркса дожили до совершеннолетия только трое. Дети недоедали, жили в ужасающей нищете и тесноте, а учитывая лондонский смог и тогдашнюю антисанитарию столицы Англии, огромное количество «революционных посетителей» маленькой квартиры Марксов, ее прокуренность и сырость, не заболеть, например, туберкулезом в такой обстановке было трудно. А ведь именно от этой болезни умер любимец всей семьи Муш. Дети, которые выжили, получали блестящую интеллектуальную подготовку, знали все шедевры мировой литературы. И в то же время они пишут с восторгом из Манчестера, будучи в гостях у Энгельса, что ели хлеб с маслом на ужин, а до этого на обед – ромштексы, горошек и картофель. Тем не менее, несмотря на любовь к детям, – пишет автор – для своих детей Карл Маркс

не сделал всего, что мог – ни для дочерей, ни тем более для тех четверых малышей, что умерли совсем маленькими.

Женни была умнейшей женщиной и прекрасно осознавала, что их дети приносятся в жертву во имя «справедливого переустройства» мира, но она безоговорочно выбрала сторону мужа и продолжила расшифровку его судьбоносных каракулей. Кстати, когда Женни совсем занемогла, этим занялись подросшие дочери Маркса.

Жертвовали всем и другие люди. С весны тысяча восемьсот сорок пятого года практически полноправным членом семьи Марксов становится Елена Демут (Ленхен): мать Женни прислала ее для помощи. Она была умна и миловидна, но отвергла ряд предложений, так и не выйдя замуж. Она полностью посвятила себя семье Маркса. Взяла на себя огромное количество обязанностей, работая практически бесплатно. Энгельс со слезами на глазах во время похорон Ленхен рассказал о тех жертвах, на которые она пошла ради семьи Маркса. О том, как она поделила с ними жизнь в нищете, а также о том, как она отказалась от своего единственного ребенка, чтобы уберечь Маркса от злословия врагов, а Женни – от сомнений в верности мужа. Вообще без Энгельса и Ленхен семья Маркса не выжила бы физически.

Жертвовали Марксу и другие его друзья. Когда один из его немецких оппонентов спровоцировал ссору и вызвал его на дуэль, молодой друг семьи Конрад Шрамм устроил контрссору, переведя дуэль на себя. И это при том, что, как пи-

сал Либкнехт: «Шрамм никогда в жизни не стрелял, а Виллих никогда в жизни не промахивался». К счастью, Шрамм отделался легким ранением, скорее всего потому, что не его планировалось убрать с политической арены. И все же это поступок настоящего друга и мужчины. Помогал семье в парижский период старший друг Маркса Генрих Гейне – кстати, именно он спас Женнихен – первенца семьи Марксов, когда та тяжело заболела. Друг Маркса и Энгельса немецкий журналист и учитель Вильгельм Вольф по кличке Люпус (это перевод на латынь его немецкой фамилии, означающей «волк») долгие годы откладывал деньги на черный день. После его скоропостижной смерти обнаружилось, что большую часть своих солидных сбережений он завещал Марксу. Тот был потрясен и посвятил другу первый том «Капитала».

Деньги подоспели вовремя. Они были заботой, фетишем, предметом ненависти и темой исследований Маркса. «Не думаю, чтобы кто-нибудь когда-нибудь писал о деньгах, испытывая в них такую нехватку!» – невесело шутил он. Они, точнее их нехватка, довела Карла Генриха – и без того не ангельского характера – до предельного цинизма. Он, например, пишет о «большой радости» – смерти престарелого дядюшки – и предвкушает долю наследства. Потрясенного смертью своей гражданской жены Энгельса Маркс вяло утешает мыслью о том, что лучше бы скончалась его (Карла Генриха) матушка, которая достаточно пожила. А ведь она с любовью растила его, помогала чем могла всю жизнь и незадолго

до своей смерти порвала долговые расписки Карла Генриха, чтобы не уменьшилась его доля в наследстве!

Но вернемся к детям Маркса. Он безусловно любил их. Он играл с ними, заботился об их воспитании и образовании. Маркс начал прививать детям любовь к литературе в самом раннем возрасте; как и отец Женни, он сделал Шекспира самым драгоценным и заветным гостем в их доме. Они с Женни чудесным образом превращали их крошечный чердак в роскошный палаццо в Вероне, гремящее поле битвы во Франции или ледяную башню Тауэра, читая сцены из пьес Шекспира до тех пор, пока малыши не запоминали действующих лиц и сюжетные линии, чтобы впоследствии присоединиться к игре. Еще Маркс читал детям Данте, Сервантеса, сэра Вальтера Скотта, Джеймса Фенимора Купера и Бальзака – когда это было возможно, то на языке оригинала. Письма детей показывают, что они были хорошо знакомы с персонажами этих книг, словно с добрыми друзьями; эти маленькие студенты частенько ссылались на самые разные литературные источники и довольно изящно каламбурили на разные темы. Дом Маркса был по-своему богат – интеллектуально, и это помогало справляться и мириться с бедностью материальной. Удивительно противоречивая картина. Ведь именно Маркс в своем «диамате» провозгласил, что прежде чем «потреблять» духовные ценности, человек должен есть, пить, одеваться...

Я сам рос в семье учителей в маленьком провинциальном

городке. Нас было пятеро детей и тяжело больная бабушка. Родители «пахали» в школе по две смены, а отец еще подрабатывал в вечерней школе. Он был заслуженным учителем, разрабатывал великолепный проект по программированному обучению, в доме была богатейшая библиотека. Но когда тяжело заболела сестра и врачи прописали на длительный период полусырую печенку и дорогостоящие импортные лекарства, отец без колебаний отодвинул все в сторону и занялся этим вопросом. А ведь килограмм парной печенки стоил на рынке больше дневного заработка отца. Были подобные эпизоды и в дальнейшем... В итоге отцу не хватило сил и времени закончить свой проект. Это был, конечно, не «Капитал», но революция в среднем образовании могла бы состояться.

Это я к чему? Перефразируя Антуана де Сент-Экзюпери: «Ты в ответе за тех, кого родил». И еще Ф.М.Достоевский: «Даже счастье всего мира не стоит одной слезинки на лице ребенка». И тут же Оноре де Бальзак: «Гений отвечает лишь перед самим собой; он один знает свою цель и волен выбирать для ее достижения любые средства». А еще Джордж Бернард Шоу: «Он совершил величайший подвиг, на который только способен человек. Маркс изменил мир».

Кто прав? Выбор за Вами, читатель.

Глобальный Маркс

После выхода первого тома «Капитала» Маркса и «Анти-Дюринга» Энгельса, пожалуй, не осталось ни одного высокопоставленного европейского политика, не обеспокоенного деятельностью Маркса. Очень интересный факт: дочь британской королевы Виктории поручила члену британского Парламента Даффу, сэру Маунтстюарту Эльфинстону Гранту разузнать побольше о Марксе и его взглядах. В итоге сэр Дафф встретился с Марксом лично и после почти трехчасовой беседы сделал вывод, что идеи Маркса слишком «идеальны, чтоб представлять опасность...» Среди «идеальных» идей Маркса в этой беседе было и предсказание переворота в России, за которым последуют и революционные события в Германии. Но самый парадоксальный вывод Даффа о Марксе, как показала дальнейшая история: «Уж никак не ему – хочет он того или нет – перевернуть мир вверх тормашками».

Но именно он через своих последователей, конкретно Ленина и Сталина, перевернул этот мир. И именно марксизм был им точкой опоры.

Один из видных представителей мировой финансовой элиты, Жак Аттали, высказал мысль: «Ни один человек не оказал на мир большего влияния, чем Карл Маркс в XX веке». Однако, как показывает ход событий последнего време-

ни, и ХХІ век, пожалуй, без Маркса не обойдется. Тиражи его трудов – особенно «Капитала» – подскочили до невиданных высот, и происходит это не директивным порядком, как в странах советского блока, а самым что ни на есть рыночным способом на благополучном Западе. Хотя, справедливости ради, стоит отметить: пошатнувшееся в последние годы благополучие того же Запада и сподвигло многих его граждан – политиков, экономистов, простых обывателей – «сверить часы» с политэкономией Маркса.

Ведь именно Маркс, по сути, и создал на базе различных политэкономических теорий взглядов цельную и логически непротиворечивую систему – политэкономию. Сам термин политэкономия введен в оборот вовсе не Адамом Смитом: «Впервые словосочетание политическая экономия использовал драматург и писатель Антуан Монкретьен («Трактат о политической экономии», 1615-й год)». Но именно у Смита появилась смысловая определенность этого термина: политическая жизнь общества во многом определяет законы его экономического развития. Главный же творец системной политэкономии не был, как это ни парадоксально, профессиональным экономистом. Он был профессиональным философом (начинал как юрист). Исследуя закономерности развития общества инструментарием диалектического материализма, который он сам и создал, Маркс пришел в конечном счете к «Капиталу». Не случайно его сравнивали с Аристотелем: возможно, Маркс и был последним на-

турфилософом нового времени. Маркс – частично натурфилософски, частично с применением новых естественно-научных данных и экономической статистики – уловил и развил в трудах Смита исследование пределов захватов новых рынков, а следовательно, и конечности капитализма.

Очень интересные работы по этому поводу публикует замечательный экономист-исследователь Михаил Хазин: «Собственно, весь современный капитализм – это углубление уровня разделения труда с использованием для этого капитала, сегодня это общее место всех экономических теорий, тут даже экономика с политэкономией не спорят.

Уже Адам Смит сделал блестящий и гениальный вывод. Он понял, что если есть замкнутая экономическая система (то есть, не связанная с внешним миром), то уровень разделения труда будет углубляться только до некоторого предела, связанного с размерами этой системы. Или, другими словами, масштаб экономической системы определяет максимальный уровень разделения труда. Важность этого вывода трудно переоценить! Из него, в частности, следует, что любая экономическая система, достигнув некоторого уровня разделения труда, просто вынуждена расширяться – в противном случае научно-технический прогресс в ней будет остановлен. Именно эта идея определила развитие мира, в том числе и на геополитическом уровне, в XX веке, именно она ответственна за Первую и Вторую мировые войны, именно она разрушила СССР и сегодня разрушает США...»

Маркс очень многое предвидел и предсказал, а самое главное – подвел базис под свои революционные исследования, ведь революционером он был в первую очередь (панегирик Энгельса). Вообще Маркс с Энгельсом усердно разрабатывали идеологическую надстройку коммунизма, параллельно подводя под нее соответствующий базис. Получился в итоге марксизм – революционная идеология с мощным философским и политэкономическим базисом.

Силу этого базиса и имел ввиду выдающийся экономист Василий Леонтьев, когда писал:

«Значение Маркса для современной экономической теории заключается в том, что его работы – это неистощимый источник прямых, непосредственных наблюдений действительности. Значительную часть современных теорий составляют производные, вторичные концепции. Мы часто рассуждаем не о предприятиях, заработной плате или деловом цикле, а о представлениях различных людей о прибыли, заработной плате, циклических колебаниях экономики. Если перед тем как пытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах «Капитала» более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных выпусках «Цензов США», в дюжине учебников по современной экономике и даже, осме-

люсь сказать, в собрании сочинений Торстена Веблена».

Кстати, о Торстене Веблене. Этот американский экономист считал, что в рамках рыночных отношений потребители подвергаются изощренным видам психологического давления, вынуждающих их принимать неразумные решения («демонстративное потребление» или «эффект Веблена»).

Но ведь задолго до Веблена тот же Маркс прогнозировал, что склонность капитализма приписывать нереальную ценность ненужным товарам сделает человека «изобретательным и расчетливым рабом нечеловеческих... надуманных желаний». То есть, как правильно заметил Леонтьев – все опять же из «Капитала». Все дело в том, что попытки западных экономистов обойти Маркса и «расти прямо из Смита и Рикардо обрекли их теории на ограничения. «Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла, – говорил Альберт Эйнштейн. – Нужно стать выше этой проблемы». Политэкономия Маркса как раз и является метауровнем подавляющего большинства экономических проблем.

Маркс, кстати, в «Капитале» дал «подсказку» для выживания капитализма, провозгласив, что в последней инстанции «причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс».

Этой подсказкой воспользовался в первую очередь «менеджер» советского госкапитализма Сталин. Успех был очевидным: СССР несколько раз с интересом посетил извест-

ный экономист Дж. М. Кейнс. Достоверно известно, что проведенные генсеком ВКП(б) экономические преобразования в стране «победившего социализма» он воспринял с пониманием и даже долей симпатии. В этот же период появляется работа Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», где впервые с позиции буржуазной экономической науки рассматривается проблема нестабильности рыночной экономики, а также системно развиваются идеи непосредственно Адама Смита.

Практическое воплощение эти разработки получили в новом курсе Франклина Делано Рузвельта в США под лозунгом «накопления социальной справедливости» в рамках рыночной экономики, «благополучия для всех» канцлера Людвига Эрхарда в ФРГ. Однако даже «социалистический курс» (с точки зрения ястребов) нынешнего президента США Барака Обамы не может ныне повлиять на общее злокачественное перерождение капитализма, в первую очередь американского. Очень хорошо об этом написал Ю.М. Лужков:

«США настроились играть в деньги. Произошло преобразование капитализма, формирование его новой фразы. «Вчера» работала формула капитализма «деньги–товар–деньги», и капиталист, чтобы получить большие деньги, производил товар, совершенствуя в первую очередь товарное производство. Эта формула справедлива и сегодня. Сколько бы ни говорил Китай о социализме, в его стремлении к получению

доходов лежит товарное производство, его он собирает со всего мира и успешно конкурирует с другими странами.

А вот Штаты стали жить уже по другой модели: «деньги–ценные бумаги–деньги». Америка перестала делать товары и перешла на производство денег.

В результате, начиная с 70-х годов прошлого века, американская экономика, а с ней и глобальный капитализм стали – сначала медленно, но верно, а затем уже быстро и неизбежно – обнаруживать характер преимущественно финансового спекулятивного капитализма».

В результате под «мудрым руководством» американских либералов была построена глобальная виртуально-финансовая пирамида, где только объем экономики так называемых деривативов достиг по разным оценкам от одного до полутора квадрильонов (!!!) долларов США. Масштабы реальной мировой же экономики на порядок меньше!?

Кризисы следуют один за другим, однако капитализм пока не умирает – и, как это ни парадоксально, благодаря тому же Марксу. Дело в том, что марксизм стал идеологическим знаменем «советского проекта», и этот проект благодаря своим успехам заставлял капиталистические страны модернизироваться, социализироваться.

Но это еще не все. К сожалению, в 70-е годы советская верхушка в худшем смысле обуржуазилась до степени известного заявления Карла Маркса: «Я не марксист». Мобилизационная экономика Сталина, оправданная в период вой-

ны и восстановления страны, затем сменилась опорой на извлечение ренты из сырьевых ресурсов. «Сверх того, проблемой социализма всегда была полная монополизация государством любых вопросов развития, что уничтожало энергию экономики. Вместо борьбы с пороками капиталистической модели накопления и воспроизводства капитала социализм предпочел уничтожить капитал и предпринимательский дух как таковые вместе с их позитивной энергией развития» (Ю.М. Лужков).

В итоге рухнувшая не без «помощи» извне, обеспеченной тем же спекулятивным капиталом, социалистическая система оставила гигантское экономическое пространство для расширения рынков, без которых уже билась в конвульсиях западная экономика.

Социализм пожертвовал своим существованием, чтобы спасти капитализм!!!

Однако тогда был захвачен только первый этаж этих рынков (в Прибалтике сразу все). Сегодняшние события на Украине показывают: злокачественный капитализм проявляет волю к жизни (своей, конечно). И если в первом акте драмы была пролита кровь только социализма как системы, то во втором речь идет о возможном пролитии крови евразийского этноса.

Кстати, к «социалистическому» Китаю проводится другой подход. Пока на пробный шар (формирования двойки США–КНР) китайское руководство не клюнуло... Хотя и

здесь речь идет о промышленном базисе Китая и финансовой надстройке США. Но по Марксу такая «надстройка» неизбежно высосет и выхолостит бизнес.

В нашей же стране Маркса ныне почитают значительно меньше, чем на Западе. Не мудрено: ведь его «учение» стало разменной монетой как в Советский так и Постсоветский период. «Марксисты» советского периода плодились, например, на многочисленных кафедрах научного коммунизма, где аспиранты буквально склеивали свои диссертации из обрезков «Правды». Я сам неоднократно видел такие картинки. При этом нас – аспирантов «Кафедры философии естественных факультетов МГУ», специализирующихся на методологии науки без всяких там «измов» – они презрительно именовали «советскими позитивистами». Не дремали и старшие товарищи: секретарь ЦК КПСС, курирующий идеологию, Яковлев ни уха ни рыла не смыслил в работах классиков марксизма; марксист-ленинист в советское время профессор Ракитов, как только его пригрел по земляческим основаниям Ельцин, превратился в пламенного антикоммуниста.

Дальше больше. В то время как с последней четверти XX века на Западе стала нарастать критика марксовской концепции «начального (примитивного) накопления» капитала, «либералиссимусы» Гайдар и Чубайс в то же время подтянули ее для обоснования «шоковой терапии», варварской приватизации, чтобы, как они выражались, ускоренно создать

пролетариат, отделенный от средств производства (в смысле владения), и класс, которому эти средства достанутся – «класс капиталистов». Или взять «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и сравнить с захватом власти Ельциным. Маркс – ученый и журналист – наблюдал в парижский период своей жизни, как скандально чиновники правительства искусственно создали дефицит бюджета и разбалансировку экономики для того, чтобы узкая прослойка людей сказочно обогатилась. Воистину история развивается по спирали – теперь «поспирали» все в нашей стране.

И только пресловутая спираль у нас какая-то избирательная. Вот, например, профессор Российской экономической школы Владимир Попов пишет:

«Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в переделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции. Используя сравнение Пола Кругмана, сделанное по другому поводу, можно сказать, что Запад разбогател не благодаря вдохновению (*inspiration*), но благодаря поту и крови (*perspiration*), или, чтобы быть более точным, благодаря безжалостному «большому толчку» – ускорению накопления капитала, которое стало возможным только из-за роста неравенства по-

сле экспроприации мелких земельных собственников».

Только вот жестокий передел собственности в наши лихие девяностые до сих пор не привел к увеличению инвестиций в изобретения и их реализацию «в металле». То есть диалектическая спираль получается у нас не марксовская, не гегелевская, а какая-то «своя особенная статья».

Что же касается механизмов первоначального накопления, то если даже Маркс в этом вопросе ошибался, в целом он все равно правильно оценил колониальную (рабовладельческую) компоненту в становлении капиталистической промышленности. «Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля – необходимое условие крупной машинной промышленности».

Но если в этом высказывании речь идет о генетике капитализма, которая сочится «потом и кровью», то и вполне современные язвы им поразительно спрогнозированы. Пресловутые деривативы, кредитно-финансовые свопы и прочие финансовые инструменты, оторвавшиеся от материальной основы, Маркс называл «фиктивным капиталом». В США среди граждан подхлестывалась кампания продаж недвижимости по ипотеке, параллельно сокращались доходы. В ответ росли новые заимствования. В какой-то момент началась

цепная реакция невыплаты кредитов – пузырь лопнул?.. И мировой финансовый кризис случился ровно по Марксу. Мы тоже его «очень» почувствовали – цены на нефть упали аж в пять раз. Ведь наш «сырьевой капитализм» – дальнейшая мутация нашего «сырьевого социализма».

Ход этой сырьевой мутации социализма в нашей стране очень точно описал один из лучших специалистов отрасли. В.Ю. Алекперов в своей монографии «Нефть России: прошлое, настоящее и будущее»: «В начале 70-х гг. XX столетия Советский Союз вступил в полосу широкомасштабного структурного кризиса, в основе которого лежало исчерпание возможностей дальнейшего экстенсивного развития сверхмонополизированной авторитарно-бюрократической индустриальной системы и ее способности ответить на вызовы нового времени».

В течение нескольких десятилетий явственно сказалась неспособность экономики СССР в условиях нового этапа глобальной научно-технической революции перейти к широкомасштабному производству и внедрению технологий постиндустриального (информационного) общества. В условиях мирового энергетического кризиса экономика ведущих стран Запада вынуждена была достаточно быстро перейти от индустриальной модели своего развития к постиндустриальной! На этом этапе ими достаточно быстро осуществлен переход к ресурсосберегающим технологиям (США на их основе обновили 86% своего оборудования, страны ЕЭС – 70–

75%, Япония – 82%), а также наукоемким производствам (микроэлектроника, информатика, биотехника, робототехника).

Эти глобальные изменения были очевидны, но советское партийно-политическое руководство во главе с Леонидом Брежневым, формально провозгласив основным приоритетом в годы 9-й пятилетки (1970–1975 гг.) и 10-й пятилетки (1976–1980 гг.) перевод экономики на интенсивный путь развития, в действительности по-прежнему продолжало курс на экстенсивное развитие индустриальной экономики сталинского образца с помощью традиционных отраслей-доноров, включая нефтяную и газовую промышленность.

Однако физический износ и моральное старение оборудования и основных фондов делали бессмысленной практику увеличения из пятилетки в пятилетку объемов капитальных вложений в промышленное строительство с планируемой отдачей через десятилетия. В условиях быстро ускоряющейся темпы научно-технической революции новые объекты часто уже на стадии проектирования морально устаревали. Рос объем незавершенного строительства, «омертвлялся» капитал. Гигантомания многих проектов нанесла непоправимый ущерб экосистемам некоторых регионов страны. Вложенные в капитальное строительство средства не приносили отдачи. Если в 1970 г. каждый рубль, вложенный в капитальное строительство, приносил прирост продукции в

размере 1 руб. 39 коп., то в 1973 г. – 1 руб. 10 коп., а в 1981 г. – только 81 коп. Таким образом, по существу страна стала последовательно разоряться... К середине 1980-х гг. по уровню потребления на душу населения СССР занимал 77-е место в мире. В целом советская экономика становилась все более и более неконкурентоспособной на мировом рынке, доля ее в 1970–1980-е гг. в мировой торговле составила всего 4%. Мировой энергетический кризис начала 1970-х гг. придал советской экономике сырьевую направленность. Стало выгодно просто продавать углеводородное сырье, а за валюту приобретать все необходимое для страны, включая пшеницу, товары широкого потребления, продовольствие. 83–85% советского экспорта составляли сырье, полуфабрикаты, только 15–17% – доля готовых изделий.

Социализм как строй при такой экономике не мог не рухнуть. Все по Марксу: базис определяет надстройку. Рухнул и СССР, поскольку «злодеи» Ленин и Сталин скрепили его социалистическим цементом.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве пробуксовывают именно потому, что лучшей интеграционной модели, нежели социализм, пока нет и не предвидится. Да и сверхдержавами сначала СССР, а затем и КНР стали в рамках социалистической модели.

О перспективах социализма замечательно написано в сети, к сожалению, не зафиксировал имени: «Человечеству не менее 10 000 лет. Из них порядка 1000 лет на рабовладель-

ческий строй и 1500 лет на феодальный. Капитализм в этой истории занимает самое большее 400 лет в Англии и Голландии. О какой устойчивости вы говорите, ради бога? Через 100 лет его существования во Франции – Парижская коммуна, через 50 лет в России – СССР. То что первые революции закончились отступлением, так и английская буржуазная революция шла в два этапа, и Великая французская революция после себя имела еще три, и в Германии не менее двух буржуазных революций. Новая формация приходит волнами. Римское рабовладение гибло 400 лет...»

Но с таким же оптимизмом смотрит на будущее социализма другой человек, но уже с именем, да еще каким!

Речь идет об Анатолии Вассермане. Он на моих глазах за десять лет прошел эволюцию из обезьяны в человека. Шучу, конечно: речь идет об эволюции из либерала в социалиста. Посему в качестве приложения к предисловию я приведу программную статью А.А. Вассермана о возможности построения социализма как в отдельно взятой стране, так и во всем мире.

Марксизм реален, а посему его боятся, им пугают. Скажем один из самых влиятельных консерваторов США Раш Хадсон Лимбо (он к тому же является популярным радиоведущим, настолько популярным, что имеет восьмилетний контракт с одной из радиостанций на сумму 400 000 000\$ США), обвинил Папу Римского Франциска ни много ни мало в продвижении «чистого марксизма». Газета Washington

Times назвала мэра Нью-Йорка Билла де Блазио «упорствующим марксистом».

Самого президента США консерваторы тоже обвиняют в социалистической ереси.

Но в тех же США раздаются и трезвые голоса. Например, весьма популярный журнал «Rolling Stone» пишет: «Карл Маркс во многом был неправ. В большинстве своих трудов он критикует капитализм, но оставляет открытым вопрос об его альтернативах – именно это привело к тому, что его идеи позже неверно трактовались многими безумцами, такими как Сталин. Но работы Маркса по-прежнему определяют очертания нашего мира в положительном ключе. Когда в «Манифесте Коммунистической партии» он выступил за введение прогрессивной шкалы подоходного налога, в мире не было ни одной страны, которая бы ее использовала. Теперь в мире практически не осталось стран, где нет прогрессивного налога, – он стал одним из инструментов, с помощью которого в США борются с неравенством доходов. Таким образом, Маркс и его критика моральных принципов капитализма, а также четкое видение его последствий в историческом контексте по-прежнему стоят того, чтобы обратить на них пристальное внимание. Сегодня в мире неслыханного богатства и безнадежной нищеты, где 85 самых богатых людей планеты имеют больше средств, чем 3 миллиарда бедняков, знаменитый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять кроме своих цепей» так и

не утратил своей актуальности».

Роберт Хейлброунер – выдающийся экономист, автор знаменитой книги «Мудрецы мира сего» о жизни и взглядах Адама Смита, Карла Маркса и Джона Мейнарда Кейнса – говорил: «мы обращаемся к Марксу не потому, что он непогрешим, а потому, что он неизбежен».

Не догма, а руководство к действию

Во времена Маркса терминология, связанная с хозяйственным управлением, еще не устоялась: ведь сама мысль об управлении многими предприятиями как единым целым возникла, по сути, только в рамках его трудов. Поэтому он почти не употреблял слово «план». Но его постоянное противопоставление рыночной стихии сознательному хозяйствованию доказывает: он думал именно о том, что ныне именуется централизованным планированием.

Между тем само это планирование далеко не так тривиально, как может показаться при чтении самого Карла Генриха. На рубеже 1960–1970-х годов появились фундаментальные исследования, выявляющие несколько непреодолимых тогда технических препятствий к нему. В 1996-м краткое изложение этих препятствий опубликовано в статье Анатолия Александровича Вассермана «Коммунизм и компьютер». Статья оказалась достаточно краткой и понятной, чтобы в ее обсуждение включилось множество специалистов разного профиля. Поэтому здесь я пересказываю лишь основные тезисы этой статьи.

Еще в 1920-е годы, когда в СССР – впервые в мире! – поставили задачу планирования хозяйства страны в целом, Василий Васильевич Леонтьев – впоследствии американский экономист, лауреат нобелевской премии по экономике 1973-

го года – показал: в основе плана лежит матрица производственного баланса. Строки и столбцы этой квадратной матрицы представляют различные производства. В каждой клетке – указание: сколько продукции, представленной в строке, уходит на выпуск единицы продукции, указанной в столбце. Сам Леонтьев рассматривал межотраслевой баланс – то есть каждая строка и каждый столбец представляли целую отрасль хозяйства. Но понятно: чем внимательнее рассматривать производство, тем точнее можно составить план. В идеале матрица должна отражать каждое название производимого изделия.

Великий советский математик Виктор Михайлович Глушков указал: балансировка плана представляет собою решение матрицы – системы линейных уравнений – и требует арифметических действий в количестве, пропорциональном числу самих уравнений в степени, примерно равной двум с половиной. Другой не менее великий советский математик – лауреат нобелевской премии по экономике 1975-го года – Леонид Витальевич Канторович отметил: чтобы выбрать оптимальный план, надо рассмотреть примерно столько сбалансированных планов, сколько строк (и столбцов) есть в матрице. То есть сложность составления наилучшего возможного плана пропорциональна числу названий изделий примерно в степени три с половиной.

Уже во времена Глушкова и Канторовича в СССР производилось примерно 20 миллионов разных видов изде-

лий. Даже общегосударственная автоматизированная система управления (ОГАС), разрабатываемая под руководством Глушкова, могла бы точно оптимизировать план их производства за триллионы лет. Любой практически достижимый план заведомо был приближенным.

Канторович исследовал различные виды приближенной оптимизации плана. Из его анализа следует: децентрализованное планирование – основа рыночной экономики – дает результаты в среднем в 3–5 раз хуже теоретически возможного точного расчета. Это, конечно, довольно плохо. Но централизованное приближение дает результаты в среднем еще в 3–5 раз хуже.

Правда, на любом заранее выбранном направлении единый план позволяет сосредоточить больше ресурсов и получить лучший результат, чем на рынке. Но эти достижения оборачиваются существенными потерями на многих других направлениях. Скажем, СССР смог создать лучшую в мире систему массовой медицинской профилактики множества распространенных заболеваний. Но некоторые сравнительно редкие болезни у нас даже не пытались лечить или в лучшем случае копировали методики, созданные за рубежом.

Вдобавок австрийский, а потом американский экономист, лауреат нобелевской премии по экономике 1974-го года Фридрих Августович фон Хайек показал: значительная часть сведений, необходимых для составления матрицы планирования, появляется только в процессе производства, а

то и в процессе потребления. То есть план нельзя правильно рассчитать не только из-за вычислительных сложностей: нельзя даже правильно поставить задачу его расчета.

Исходя из всего изложенного, статья «Коммунизм и компьютер» завершена выводом: в обозримом будущем рыночное хозяйствование в разы эффективнее планового, а потому надлежит устранять любые препятствия рынку как вредные для благосостояния человечества в целом.

На основе этого вывода ее автор много лет подряд отстаивал либертарианство – полную экономическую свободу личности без оглядки на общество. Но постепенно стал отмечать издержки такой свободы. В конце концов даже признал: в некоторых обстоятельствах они могут перекрыть любую возможную выгоду, а на определенных направлениях планирование необходимо.

Результатом этих исследований стала статья «Отрицание отрицания», опубликованная ровно через 15 лет после «Коммунизма и компьютера». В ней показано: при сохранении существующих темпов роста мирового компьютерного парка и числа названий производимых изделий уже в 2020-м году суммарная вычислительная мощность, доступная через Интернет, станет достаточна для расчета полного точного оптимального плана всего мирового производства менее чем за сутки. А большей скорости в хозяйстве не требуется: этого уже достаточно для оперативного реагирования на любые неожиданности – от землетрясения до изобретения.

Ограничение, указанное Глушковым, снимается.

Вдобавок уже сегодня основная масса разработок и проектов ведется на компьютерах, основная масса производств управляется компьютерами, основная масса торговых заказов проходит через компьютеры... Все, что во времена фон Хайека было недоступно планирующему органу, теперь может использоваться в реальном времени. То есть задача планирования будет поставлена, – значит, и решена – точно.

Поскольку план будет точным, он окажется эффективнее любого – в том числе и рыночного – приближения. Отмеченный Канторовичем недостаток приближенных централизованных решений снимается. Предприятия, следующие плану, смогут работать наилучшим возможным образом.

Правда, когда оптимальный план производства известен всем, у каждого хозяйствующего субъекта появится сильнейший соблазн – извлечь дополнительную выгоду из сокрытия от планирующего органа части доступных ему сведений или из уклонения от уже сформированного плана. Конечно, эта выгода повлечет несоразмерные потери в других звеньях хозяйственного механизма. Но если у каждого звена свой владелец – какое ему дело до других? Полноценное планирование неотделимо от социализма – единой собственности на все средства производства.

Согласятся ли нынешние владельцы отказаться от своей частной собственности? На этот вопрос ответил сам Маркс еще в 1862-м году. Работа по единому плану обеспечит зна-

чительный прирост производительности труда (исходя из вышеописанных рассуждений – суммарно по всему миру по меньшей мере втрое). Следовательно, в распоряжении человечества окажутся ресурсы, достаточные, чтобы возместить потери всех, кому на переходе к новой системе придется чем-то жертвовать. Взамен потерянного можно будет получить куда больше – хотя и в другом формате. Хотя, конечно, подобрать каждому собственнику возмещение, подходящее именно ему, – задача непростая и требующая серьезно-го психологического подхода, но вполне разрешимая.

Значительно сложнее задача целеполагания. На рынке, где каждый действует в меру собственного понимания собственных интересов, бессмысленно даже спрашивать о цели деятельности. Но когда все хозяйство мира превращено в единый механизм, у него неизбежно должна быть общая цель – и надо заранее позаботиться об ее приемлемости для всех. Пока способ выработки этой цели неясен. Понятно лишь, что он будет включать анализ обширных разнородных сведений – от текущего спроса до фантастических романов – с применением методов математической теории рефлексии, созданной полвека назад Владимиром Александровичем Лефевром.

Есть и многие другие задачи, подлежащие решению за годы, оставшиеся до перехода количества – в данном случае количества операций, выполняемых мировым парком вычислительной техники в единицу времени – в качество –

точность и эффективность управления хозяйством. Если их удастся решить вовремя, переход – по выражению Маркса – из царства необходимости в царство свободы будет безударным: не только никто не пострадает на переходе, но и сопротивляться ему почти никто не пожелает. Впрочем, сам Маркс, хотя и называл революцию повивальной бабкой истории, не считал присутствие акушеров обязательным при любых родах. Как бы то ни было, главные его прогнозы – о неизбежности появления новых производственных отношений по мере созревания надлежащих производительных сил, о созревании условий для социализма по всему миру сразу – сбываются, хотя и со значительным запозданием и благодаря той технике, какой в его времена вовсе не было.

*Кандидат философских наук, методолог
Нурали Латыпов*

Список персонажей (именной указатель)

Адамс, Чарльз Фрэнсис – юрист, посол США в Великобритании при администрации Авраама Линкольна, сын шестого президента США Джона Куинси Адамса.

Адлер, Виктор – австрийский журналист, лидер австрийских социал-демократов, близкий соратник Энгельса.

Александр II (Александр Николаевич) – русский царь с 1855 по 1881 год. Отменил крепостное право в 1861 году, при нем произошла заметная модернизация политической и экономической жизни России. Однако его правление отличалось обилием репрессий и ростом бесправия граждан России. Убит террористами в 1881 году.

Альберт (Альберт Франц Карл Эммануэль Август Саксен-Кобург-Готский) – женился на королеве Виктории в 1840 году и стал принцем Альбертом. Сыграл важную роль в развитии культуры и науки в Англии.

Ангус, граф – потомок одного из старейших родов Шотландии, известного с X века. Впервые Ангусы получили титул в 1389 году. Первый граф Ангус умер в тюрьме, попав в плен к англичанам.

Аннеке, Фриц – бывший прусский военный офицер, журналист и один из первых коммунистических агитаторов в

Кельне, позднее демократ. В 1848 году он был заключен в тюрьму на шесть месяцев – за попытку организовать союз рабочих; участвовал в беспорядках в Бадене 1849 года; эмигрировал в Соединенные Штаты, где во время Гражданской войны воевал на стороне конфедератов.

Анненков, Павел – богатый русский либеральный журналист и друг Маркса.

Аппиан – античный историк, родился в Александрии, столице римского Египта, в 95 году н. э. Около 165 года написал «Римскую историю».

Аргайл Арчибальд Кэмпбелл, граф – потомок одного из самых влиятельных и непокорных родов Шотландии. Арчибальд Кэмпбелл, 7-й граф Аргайл, был казнен в Эдинбурге в 1661 году за бунт против английского короля Карла II.

Базалгетт, Джозеф – английский инженер XIX века, создатель системы очистных сооружений и канализации Лондона, которые спасли город от жестоких эпидемий холеры, уносившей тысячи жизней.

Бакс, Эрнест Белфорт – британский журналист и автор первого независимого английского обзора первого тома «Капитала». Позднее участвовал в крепнувшем социалистическом движении в Англии вместе с Элеонорой Маркс. Будущий лидер Британской социалистической партии.

Бакунин, Михаил – русский аристократ XIX века, стал знаменитым анархистом и теоретиком движения, имел верных поклонников в Италии, Франции, Польше, Испании,

Швейцарии и России, был вечным политическим соперником Маркса.

Бакунина, Антония (урожденная Квятковская) – дочь польского коммерсанта, супруга Михаила Бакунина.

Бальзак, Оноре де – французский писатель, автор романов, в которых успешно сочетались черты романтизма и реализма. Достоверно и подробно показал картину социальной, политической и экономической жизни Франции в начале XIX века.

Бангья, Янош – венгерский журналист, осведомитель прусской полиции, внедрившийся в окружение Маркса в Лондоне. Позднее стал сотрудником тайной полиции в Париже при Наполеоне III.

Барбес, Арман – ветеран Французской революции, возглавлявший пролетарский клуб «Общество сезонов». Руководил неудавшимся восстанием в 1839 году. При Луи-Филиппе был заключен в тюрьму, освобожден после революции 1848 года, непродолжительное время был членом Национального собрания.

Барретт, Майкл – ирландец, публично повешенный в 1868 году в лондонской тюрьме Ньюгейт за участие в террористической атаке на тюрьму Клеркенвелл, во время которой погибли двенадцать человек. Барретт был последним человеком, публично повешенным в Англии.

Бартеlemi, Эммануэль – французский революционер, последователь Огюста Бланки и участник июньских боев в Па-

риже 1848 года. В 1849-м приехал в Лондон примерно в одно время с Марксом, вращался в одних с ним кругах. Считал Маркса излишне консервативным и планировал его физическое устранение. Бартелеми был казнен в Лондоне за совершение двух убийств.

Бауэр, Бруно – младогегельянец, немецкий радикальный теолог и философ, коллега Маркса во время жизни в Берлине.

Бауэр, Генрих – немецкий сапожник, основатель Союза за справедливых в Лондоне. Позднее стал членом Союза коммунистов, много раз приезжал из Лондона в Германию, чтобы пропагандировать идеи коммунизма. В конце концов эмигрировал в Австралию.

Бауэр, Людвиг – немецкий врач семьи Маркс в Лондоне, впоследствии преследовавший Маркса за неоплаченные счета.

Бауэр, Эдгар – младогегельянец, немецкий философ и писатель, Маркс и Энгельс жестко критиковали его и брата в работе «Святое семейство», однако в Лондоне они с Марксом были дружны.

Бebelь, Август – ведущая фигура рабочего движения в XIX–XX веках, один из основателей и учредителей социал-демократической рабочей партии, депутат немецкого рейхстага. После смерти Маркса и Энгельса станет самой сильной и неоднозначной фигурой рабочего движения.

Безант, Анни (урожденная Вуд) – английская обществен-

ная деятельница и писательница. Активно выступала в защиту контроля над рождаемостью и была обвинена противниками в непристойной клевете. Бывшая любовница Эдварда Эвелинга, она стала одной из его самых ярых критиков после того, как он вступил в отношения с Элеонорой Маркс. В последующие годы она стала теософом, ратовала за независимость Индии.

Беккер, Герман – немецкий юрист и журналист, начавший публикацию собрания сочинений Маркса и издававший серию вплоть до своего ареста весной 1851 года в рамках судебного процесса над коммунистами Кельна. Он был приговорен к пяти годам тюрьмы по обвинению в государственной измене. В последующие годы был мэром Кельна и Дортмунда, избирался в рейхстаг.

Беккер, Иоганн – ветеран немецкого революционного движения. Жил в Швейцарии. Участвовал в революции 1848 года, в Первом интернационале, принимал активное участие в швейцарском рабочем движении. Всю жизнь оставался другом Карла и Женни Маркс.

Берлин, Исаия – английский либеральный философ и историк XX века, родом из России. Стал известен благодаря первой же своей работе «Две концепции свободы».

Бернайс, Карл Людвиг (Лазарус Фердинанд Колестин) – редактор баварской газеты, изгнанный за свои либеральные взгляды. Работал с Марксом в Париже в двух газетах – и под давлением Пруссии был взят под стражу за антимонархи-

ческую статью, Впоследствии эмигрировал в Соединенные Штаты, где известен под именем Ф.К. Бернайс.

Бернс, Джон – английский рабочий, лидер профсоюзного движения, член Социал-демократической федерации, организатор лондонской забастовки докеров, член британского парламента и кабинета министров от Либеральной партии в правительстве Великобритании.

Бернс, Лидия – ирландка, работница фабрики, младшая сестра Мэри Бернс, гражданская жена Энгельса после смерти ее сестры в 1863 году. Упоминается как Лиззи.

Бернс, Мэри – ирландка, работница фабрики в Манчестере, гражданская жена Энгельса. Умерла в 1863 году.

Бернс, Мэри Эллен – племянница Марии и Лиззи Бернс. Энгельс и Лиззи вырастили ее как родную дочь. Упоминается как Пампс.

Бернштейн, Генрих – немецкий журналист и бизнесмен, основавший в Париже газету «Vorwärts!». Позднее эмигрировал в Соединенные Штаты и редактировал газету в Сент-Луисе.

Бернштейн, Эдуард – редактор немецкой газеты в Швейцарии, немецкий социал-демократ. Маркс и Энгельс считали его одним из самых способных деятелей партии молодого поколения. После смерти Энгельса был обвинен в ревизионизме. После переезда в Англию стал близким другом Элеоноры Маркс. Упоминается как Эд.

Бискамп, Элард – участник революции 1848–1849 годов

в Германии, основатель лондонской эмигрантской немецкой газеты «Das Volk». Работал вместе с Марксом над публикациями 1859 года.

Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд фон – посол Пруссии в России и Франции, затем премьер-министр и канцлер новой Германской империи, созданной в 1871 году. Он был, пожалуй, самой важной фигурой в деле объединения Германского союза в Германскую империю, обладал огромной властью внутри страны и незыблемым авторитетом в Европе. Он добился введения законов против социалистов, проводил репрессии в отношении рабочих.

Блан, Жан Жозеф Луи – французский социалист, писатель и активист, министр французского Временного правительства в 1848 году. Курировал весьма противоречивые программы, отчасти и спровоцировавшие Июньское восстание. Упоминается как Луи.

Бланк, Мари (урожденная Энгельс) – любимая сестра Фридриха Энгельса, вышла замуж за социалиста Эмиля Бланка.

Бланки, Луи Огюст – ветеран Французской революции, анархист, коммунист, пропагандист и активный участник всех основных революционных событий во Франции XIX века: в восстаниях 1830, 1848 и 1871 годов. Упоминается как Огюст.

Блинд, Карл – немецкий писатель, вместе с Марксом занимавшийся в Лондоне вопросами беженцев. Тесно общал-

ся с семьей Маркса в начале 1850-х годов в Лондоне.

Блос, Вильгельм – журналист, член Социал-демократической рабочей партии, будущий депутат рейхстага и министр-президент временного правительства в Вюртемберге с 1918 по 1920 год.

Блэк, Клементина – английская писательница и художница, портретистка, активный деятель рабочего движения, президент Женского Промышленного союза, подруга Элеоноры Маркс.

Бодлер, Шарль – один из самых влиятельных и известных поэтов Франции. Он исследовал темные, мистические устремления человеческой души, человеческую жестокость, которую видел в окружающем его обществе. Был другом будущего зятя Маркса, Шарля Лонге, в Париже в 1860-х годах.

Бонапарт, Пьер Наполеон – двоюродный брат Наполеона III и член французских Учредительного и Законодательного собраний.

Борн, Стефан (Симон Буттермильх) – немецкий наборщик, член Союза коммунистов. Энгельс представил его Марксу в Брюсселе. Позднее Борн стал лидером немецкого рабочего движения в Берлине.

Борнштедт, Адальберт фон – немецкий журналист, австрийский шпион и провокатор. Помощник редактора парижской газеты «Vorwärts!» и редактор «Дойче-Брюсселер-Цайтунг» в Брюсселе.

Бранденбург, Фридрих Вильгельм фон – незаконнорож-

денный сын прусского короля Фридриха Вильгельма II, военачальник, премьер-министр контрреволюционного прусского правительства, сформированного в ноябре 1849 года. Оставался на этом посту до самой смерти в ноябре 1850 года.

Бюринг, Карл Иоганн – немецкий краснодеревщик, член Союза коммунистов. По его паспорту Маркс ездил в 1861 году в Голландию и Берлин.

Бюргерс, Генрих – радикальный немецкий журналист и будущий депутат рейхстага, работавший с Марксом в Париже, Брюсселе и Кельне. Провел шесть лет в тюрьме по обвинению в участии в кельнском Союзе коммунистов.

Вагнер, Рихард – немецкий композитор XIX века, придерживался националистических взглядов. Его влияние распространилось далеко за пределы музыки, проникнув и в литературу, и в политику.

Веерт, Георг – немецкий поэт, журналист, член Союза коммунистов. Работал вместе с Марксом в Париже, Брюсселе и Кельне, с Женни Маркс познакомился в Лондоне.

Вейдемейер, Йозеф – бывший лейтенант прусской армии и будущий солдат Конфедерации в Гражданской войне в США. Был одним из ближайших соратников Маркса в Германии, а затем сотрудничал с ним, печатая труды Маркса в Нью-Йорке. Упоминается как Вейвей.

Вейтлинг, Вильгельм – немецкий портной, автор нескольких печатных работ, заметный и значимый участник социалистических и рабочих кружков в первой половине XIX

века. Выступал за утопический социализм, основанный на культе его личности.

Верлен, Поль – французский поэт-символист XIX века. Участвовал во Франко-прусской войне, а затем поддержал Парижскую коммуну, много писал о революционной борьбе. Заключен в тюрьму в 1873 году по обвинению в покушении на убийство своего возлюбленного, поэта Артюра Рембо, и выпущен в 1875 году.

Вестфален, Луиза фон – жена Фердинанда фон Вестфален.

Вестфален, Людвиг фон – прусский барон, правительственный чиновник в Трире, отец жены Маркса, Женни. Он был одним из первых защитников идей социализма и познакомил с этой научной концепцией Маркса.

Вестфален, Каролина фон (урожденная Гейбель) – вторая жена Людвига фон Вестфален и мать Женни Маркс.

Вестфален, Фердинанд фон – реакционный прусский министр внутренних дел с 1850 по 1858 год и старший сводный брат жены Маркса, Женни. Его министерство всячески мешало Марксу работать.

Вестфален, Эдгар фон – единственный брат Женни Маркс. Один из первых последователей Карла Маркса. В дальнейшем сражался на стороне Конфедерации во время Гражданской войны в США, затем вернулся в Пруссию.

Виктория (в девичестве Мария Аделаида Луиза) – дочь королевы Виктории, наследная принцесса Великобритании

и будущая императрица Германии – она вышла замуж за Фридриха, сына Вильгельма I, который пробыл императором всего 99 дней.

Виктория, королева (урожденная Александрина Виктория) – правительница Великобритании и Ирландии с 1837 по 1901 год. Ранний период ее правления характеризовался подъемом промышленности, экономики, ростом военного превосходства и началом классовой борьбы. Неприятие перемен, происходивших в обществе, омрачило последние годы ее правления.

Виллих, Август – бывший офицер прусской армии. Коммунистический агитатор в Кельне, член Союза коммунистов, один из лидеров повстанческой армии в Бадене в 1849 году. Эмигрировал в Лондон и сотрудничал с Марксом в 1849–1850 годах, но разошелся с ним из-за личных и политических разногласий. Эмигрировал в Соединенные Штаты и воевал в армии Союза во время Гражданской войны.

Вильгельм I (Вильгельм Фридрих Людвиг) – наследный принц Пруссии, стал регентом в 1858 году, когда его брат Фридрих Вильгельм IV был признан недееспособным, а в январе 1861 года – королем. В 1871 году провозглашен императором Вильгельмом в Версале, после победы над Наполеоном III и французской армией во Франко-прусской войне 1870 года.

Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт) – немецкий император с 1888 по 1918 год. Изначально более

либеральный, чем его престарелый канцлер Бисмарк, ушедший в отставку под его давлением, Вильгельм со временем стал более консервативным правителем. Главнокомандующий германскими вооруженными силами в Первой мировой войне. В 1918 году отрекся от престола и бежал с семьей в Голландию.

Винуа, Жозеф, генерал – недолгое время был главой французского правительства Национальной обороны (с января 1871).

Вольф, Фердинанд – немецкий журналист и ближайший соратник Маркса в Брюсселе, Кельне, Париже, Лондоне и Манчестере. Упоминается как Красный Вольф.

Вольф, Вильгельм – немецкий журналист и учитель, бежавший от преследований в Силезии по обвинению в нарушении законов о печати. Член ЦК Союза коммунистов, один из ближайших соратников Маркса в Брюсселе, Кельне, Лондоне и Манчестере. Маркс посвятил ему первый том «Капитала». Известен как Люпус.

Вошберн, Элия Бенджамин – посол США во Франции во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов и осады Парижа. Он служил в этой должности до 1877 года.

Гайндман, Генри – английский социалист XIX века. Вначале – ученик и последователь Маркса, позднее основал Социальную демократическую федерацию в Великобритании и, хотя к тому времени отошел от Маркса, тесно общался с Элеонорой Маркс, обсуждая с ней вопросы социализма и

трудовых отношений в обществе.

Гамбетта, Леон – французский государственный деятель, агитировал за республиканцев во Временном правительстве 1870 года.

Ганземан, Давид Юстус – прусский бизнесмен и будущий прусский министр финансов. Был финансовым спонсором газеты «Rheinische Zeitung» в Кельне, когда в ней работал Маркс.

Гарибальди, Джузеппе – итальянский герой-революционер, участник революций 1848–1849 годов в Италии. Сыграл важную роль как военный стратег и боец в борьбе за Италию и ее объединение в течение следующих двух десятилетий, поддержал Парижскую коммуну.

Гарни, Джордж Джулиан – британский журналист, активист и пропагандист реформ, лидер чартистского движения. Его газета «The Red Republican» первой опубликовала «Манифест Коммунистической партии» Маркса на английском языке и открыто назвала авторов – Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Гартман, Лев (Лев Николаевич Гартман) – русский революционер, член «Народной воли», бежавший из Санкт-Петербурга в 1879 году после попытки покушения на царя Александра II. Он был частым гостем в лондонском доме Маркса и Энгельса в Лондоне. Позднее эмигрировал в Соединенные Штаты.

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих – немецкий философ.

Считается одним из величайших мыслителей человечества. Ввел понятие диалектики – изменений, лежащих в основе жизни. Оказал сильнейшее влияние на Карла Маркса.

Гед, Жюль (Матье Жюль Базиль) – революционер, социалист и близкий соратник Поля Лафарга во Франции. Был соучредителем первой марксистской партии Франции – Рабочей партии.

Гейне, Генрих (Хаим Гарри Гейне) – один из величайших поэтов Германии. Его стихи были запрещены из-за политических взглядов автора. В 1831 эмигрировал в Париж, где и прожил до конца жизни. Был близким другом Карла и Жени Маркс.

Гейнцен, Карл – радикальный немецкий журналист, который работал с Марксом в «Rheinische Zeitung» в Кельне и входил в его окружение в Брюсселе, однако, находясь в изгнании в Лондоне, поссорился с Марксом. Эмигрировал в Соединенные Штаты.

Гервег, Эмма (урожденная Зигмунд) – дочь торговца шелком в Берлине, жена немецкого поэта Георга Гервега.

Гервег, Георг – немецкий поэт. Изгнан Фридрихом Вильгельмом IV после того, как объявил себя республиканцем. Он сотрудничал с Марксом в Париже, но разошелся с ним, поскольку настаивал на активном применении силы во время революции в Германии 1848 года и хотел сам возглавить сражающихся.

Герцен, Александр – ссыльный русский писатель и жур-

налист. Издавал русский эмигрантский журнал «Колокол», который имел огромное влияние в России. По взглядам тяготел к популизму, был другом Михаила Бакунина.

Гесс, Мозес – журналист и будущий социалист-сионист. Первый коммунист среди немецких друзей Маркса. Работал с Марксом в Кельне и в газете «Neue Rheinische Zeitung», а также занимался журналистикой и пропагандой в Париже и Брюсселе.

Гесс, Сибилла (урожденная Пеш) – немецкая работница. Жила с Моисеем Гессом в Брюсселе и Париже, они поженились в 1852 году.

Гете, Иоганн Вольфганг фон – один из величайших поэтов и мыслителей Германии, драматург и писатель. Его произведения были посвящены политике, социальным отношениям, истории, философии и проникнуты духом романтизма и классицизма. Маркс и его последователи многое восприняли от Гете, поскольку все его труды проникнуты верой в динамическое развитие человечества.

Гизо, Франсуа Пьер Гийом – французский премьер-министр при Луи-Филиппе. Считался самым влиятельным человеком при дворе и потому во время Парижского восстания 1848 года был отправлен в отставку.

Гладстон, Уильям – четыре раза становился премьер-министром Великобритании (первый раз – в качестве лидера партии тори, затем, недолго – пилитов, а впоследствии – либералов). В общей сложности занимал этот пост с 1868 по

1894 год.

Готтшальк, Андреас – известный всему Кельну врач, лечил бедняков, помогал семьям рабочих. Активист Союза коммунистов. В 1848 году стал председателем кельнского Рабочего союза, имел серьезные расхождения с Марксом по вопросам тактики.

Греви, Жюль Франсуа Поль – французский республиканец, президент Франции с 1879 по 1887 год, во время его правления была объявлена амнистия ссыльным коммунарам.

Гумбольдт, Александр фон – немецкий барон, ученый, естествоиспытатель, исследователь, автор и основатель Берлинского университета в 1810 году. Выступал в качестве посредника и переговорщика от имени Фридриха Вильгельма IV, добиваясь высылки редакции радикальной немецкоязычной газеты «Vowarts!» из Парижа.

Гумперт, Эдуард – пожилой немецкий врач в Манчестере, лечивший Люпуса, Маркса, Энгельса и Женни Маркс. Единственный врач, которому Маркс полностью доверял.

Гюго, Виктор – французский писатель XIX века, романист, поэт, член двух французских правительств. В его работах, признанных во всем мире, впервые талантливо соединились романтизм и реализм; он ярко и живо раскрывал образы своих героев и события.

Д'Агу, графиня (урожденная Мари-Катрин-де-Софи Флавиньи) – бывшая любовница Франца Листа, родившая ему

троих детей, и любовница Георга Гервега в тот период, когда Карл и Женни Маркс были в Париже. В ее салоне собирались деятели довольно радикального толка. Псевдоним – Даниэль Стерн.

Дана, Чарльз – американский журналист и редактор «New York Daily Tribune». С 1849 по 1862 год Маркс был его иностранным корреспондентом.

Даниельсон, Николай – русский писатель и экономист, доверенное лицо Маркса и Энгельса. Вместе с Германом Лопатиным и Николаем Любавиным перевел I том «Капитала» на русский язык.

Данте Алигьери – итальянский поэт, родился в XIII веке, автор знаменитой «Божественной комедии». Считается одним из величайших поэтов мира.

Дарвин, Чарльз – английский ученый-натуралист XIX века. В 1859 году вышла его книга «О происхождении видов путем естественного отбора», вызвавшая бурные споры и мгновенно сделавшая Дарвина популярным как основоположника этой вызывавшей споры теории.

Дафф, сэр Маунтстюарт Эльфинстон Грант – член Британского парламента во второй половине XIX века, принадлежал к либеральному крылу.

Джентри, Гертруда – английская горничная Элеоноры Маркс и Эдварда Эвелинга в Сиденхеме, пригороде Лондона.

Джордж, Генри – кандидат от Объединенной рабочей пар-

тии, который занял второе место в выборах мэра в 1886 году в Нью-Йорке, что свидетельствовало о растущем политическом влиянии рабочего класса в Соединенных Штатах.

Де Пэпе, Сезар – бельгийский журналист, врач, молодой член Международного товарищества трудящихся. На короткое время порвал с Марксом в 1872 году и поддержал Бакунина в борьбе за контроль над Интернационалом. Был одним из основателей Рабочей партии Бельгии.

Дейл, Джордж Эдгар – аптекарь из Сиденхэма, пославший Элеоноре Маркс синильную кислоту.

Демут, Елена – экономка в Вестфалене. Она 25 лет вела домашнее хозяйство семьи Маркс в Трире и считалась членом семьи Карла и Женни Маркс. Домашние звали ее Ленхен; родила сына от Маркса.

Демут, Генри Фредерик Льюис – незаконнорожденный сын Карла Маркса и Елены Демут. Жил в приемной семье в Восточном Лондоне, стал машинистом, членом профсоюза и активистом рабочего движения. Он восхищался Энгельсом и Марксом, но умер, так и не узнав, что один из них был его отцом. Упоминается как Фредди.

Дефо, Даниэль (Даниэль Фо) – английский писатель и журналист, автор «Робинзона Крузо» и «Молл Фландерс», выделялся среди других современных ему писателей реалистичным изображением английского общества конца XVII – начала XVIII века.

Джонс, Эрнест – британский юрист, журналист, адвокат

рабочих, лидер чартистов. Выступал адвокатом на суде в Манчестере в 1867 году. Давний друг Маркса и Энгельса.

Джонсон, Сэмюэл – английский поэт XVIII века, эссеист, моралист и ученый, он был известен, помимо прочего, своим предисловием к изданному им собранию сочинений Шекспира.

Дизи, капитан Майкл – ветеран Гражданской войны в США. Арестован в Манчестере в 1867 году как один из лидеров ирландского движения фениев, при обстоятельствах, ставших легендарными: три человека, помогавшие ему бежать, были повешены.

Диккенс, Чарльз – самый популярный английский писатель, реалистично описавший жизнь угнетенных классов во времена индустриальной революции.

Дмитриева-Томановская, Елизавета (Элизабет, урожденная Кушелева) – революционерка, родилась в России. Когда ей было 19 лет, впервые появилась в доме Маркса, быстро завоевав доверие и расположение всей семьи. По заданию Маркса поехала в Париж в дни Коммуны 1871 года, в итоге осталась в Париже, помогая организовывать женщин-коммунарок.

Донельсон, Эндрю Джексон – американский посол в Пруссии во время восстания 1848 года, позже – агент влияния США и полномочный посол при Федеральном правительстве во Франкфурте вплоть до своего возвращения в Соединенные Штаты в 1849 году.

Дронке, Эрнст – писатель, журналист. Бежал из тюрьмы в Германии, стал членом Союза коммунистов и редактором «Neue Rheinische Zeitung» в Кельне при Марксе. Позднее он эмигрировал в Англию и был близким соратником Маркса и Энгельса.

Дункер, Франц Густав – берлинский издатель, который в 1858 году согласился на уговоры Фердинанда Лассалья издать несколько трудов Маркса. В 1859 опубликовал работу «К критике политической экономии».

Дурлен, Гюстав – французский врач, который помог Шарлю Лонге бежать из Франции после событий Коммуны, а затем стал семейным врачом Лонге в Аржантее.

Дусе, Роже – сын Эрнеста Дусе.

Дусе, Эрнест – садовник Поля и Лауры Лафарг в Дравей, Франция.

Дэниэлс, Амалия – жена Роланда Дэниэлса.

Дэниэлс, Роланд – врач в Кельне, близкий соратник Маркса и член Союза коммунистов. Он был судим, приговорен и впоследствии оправдан в Кельне, но вскоре после этого умер от тяжелой болезни, развившейся в тюрьме.

Дюпон, Эжен – французский рабочий, активный участник Парижского восстания 1848 года, член Генерального совета Интернационала.

Дюринг, Евгений – убежденный немецкий социалист, философ, экономист, преподаватель Берлинского университета. Растущая популярность его утопических идей среди ра-

бочих спровоцировала резкую критику со стороны Энгельса. Появившаяся в результате книга «Анти-Дюринг» стала важной частью марксистского канона.

Жиго, Шарль Филипп – бельгийский библиотекарь, радикал по убеждениям. Работал с Марксом и Энгельсом в Брюсселе, вступил в Союз коммунистов. Известен как Филипп.

Жорес, Жан – французский журналист, делегат Второго интернационала, социалистический лидер и член французской палаты депутатов. Он был убит в 1914 году за пропаганду мира в канун Первой мировой войны.

Жотран, Люсьен – бельгийский журналист, юрист, президент Демократического союза в Брюсселе, где Маркс был вице-президентом.

Золя, Эмиль – французский писатель XIX века, реалистично изобразивший французское общество при Наполеоне III и проповедовавший необходимость социальных реформ.

Ибсен, Генрик – норвежский драматург, перевернувший устои европейского театра XIX века. Он нарушал каноны драматургии, уделяя особое внимание проблемам повседневной жизни, выводя на первое место характер персонажа – а не сюжет. Его пьесы, посвященные беспорядку и угнетенному положению женщин, – особенно «Кукольный дом» – вызвали оживленные публичные споры о том, что женщины давно уже обсуждали между собой в частных разговорах.

Изабелла II – королева Испании, свергнута с престола во время восстания 1868 года. Спор за освободившийся трон стал одной из причин, приведших к Франко-прусской войне 1870 года.

Имандт, Петер – немецкий школьный учитель. Сотрудничал с Марксом в Кельне во время восстания 1848–1849 годов, был членом Союза коммунистов в Лондоне.

Имбер, Жак – французский социалист, журналист, член Демократического альянса в Брюсселе, а затем губернатор Парижа в первые дни после восстания 1848 года.

Кавеньяк, Луи-Эжен – французский генерал и военный министр в правительстве Франции в 1848 году. Получил полномочия управлять Францией от лица Национального собрания во время июньского восстания в Париже – и до президентских выборов в декабре 1848 года.

Кампгаузен, Людольф – прусский банкир, железнодорожный магнат и будущий премьер-министр Пруссии. Финансировал издаваемую Марксом в Кельне газету «Rheinische Zeitung».

Кант, Иммануил – немецкий философ XVIII века. Его работы, посвященные роли разума, повлияли на творчество Шиллера, Фихте, Гегеля и, как следствие, Маркса.

Карл X (Карл-Филипп Французский) – французский монарх из династии Бурбонов. Свергнут в ходе июльского восстания 1830 года, вызванного его попыткой отменить конституционные реформы, принятые его предшественником.

Каутский, Карл – немецкий журналист, экономист, историк и ведущий теоретик марксизма. Энгельс перед смертью попросил его взять на себя (вместе с Эдом Бернштейном) издание работ Маркса. «Теория прибавочной стоимости» Каутского была написана на базе материалов для IV тома «Капитала» Маркса.

Каутская, Луиза (в девичестве Роншпергер) – австрийская социалистка. Близкий соратник руководителей Социал-демократической партии в Германии и Австрии. С 1890 года вела хозяйство в доме Энгельса – после развода с Карлом Каутским. В Лондоне вышла замуж за австрийского врача Людвига Фрайбергера.

Келли, Томас, полковник – ветеран Гражданской войны в США, лидер ирландского движения фениев. Его арест в Манчестере в 1867 году и последующий побег стали легендарным событием в истории борьбы за независимость Ирландии. Три ирландца были повешены за помощь, оказанную ему при побеге.

Кикэм, Чарльз – редактор газеты «The Irish People». Маркс разоблачил его тюремщиков, подвергавших Кикэма жестокому обращению.

Кинкель, Готфрид – немецкий журналист. Был арестован в Пруссии во время Баденского восстания 1848 года, но вскоре вызволен из тюрьмы своим протеже, Карлом Шурцем. Позднее переехал в Лондон и стал очень популярным в обществе эмигрантов-революционеров, восхищенных его

романтической историей. Маркс и Энгельс его осуждали.

Клемансо, Жорж Эжен Бенжамен – французский республиканец, журналист, член Национальной ассамблеи, министр внутренних дел, дважды премьер-министр Франции (1906–1909 и 1917–1920). Один из ближайших соратников Шарля Лонге в Париже, Клемансо сыграл важную роль в возвращении Лонге во Францию из изгнания в Лондоне.

Клюсс, Адольф – немецкий инженер, писатель, член Союза коммунистов, выдающийся соратник Маркса, пропагандировавший идеи марксизма в Америке.

Ковалевский, Максим – либеральный русский интеллигент, который подружился с Марксом в Карлсбаде, а затем в Лондоне познакомился и со всей семьей Маркса.

Коллисон, Уильям – сын лондонского полицейского. Вначале – агитатор за восьмичасовой рабочий день, а также основатель Ассоциации свободного труда, которая среди прочего проповедовала недопустимость использования рабочих для разгона забастовок.

Кошут, Йозеф – венгерский герой борьбы за независимость, сражавшийся с Австрийской империей в 1848 году. Требовал отделения Венгерского королевства. Некоторое время являлся главой венгерского революционного правительства.

Коэн, Фердинанд – пасынок Карла Блинда. Покончил с собой в тюрьме после неудачной попытки покушения на Бисмарка в Берлине в 1866 году.

Криге, Герман – немецкий журналист и социалист-утопист.

Кройц, Марианна – младшая сестра Елены Демут. Переехала к Марксам в Лондон после смерти своей хозяйки Каролины фон Вестфален в Трире в 1856 году.

Кросс, Артур Уилсон – лондонский адвокат, душеприказчик Энгельса. Он же составил завещания Элеоноры Маркс и Эдварда Эвелинга.

Крупская, Надежда – супруга Владимира Ленина.

Кугельманн Франциска – дочь Людвига и Гертруды Кугельманн. Ее воспоминания о семье Маркса помогли собрать бесценный материал о жизни Карла Маркса в Лондоне и за рубежом.

Кугельманн, Гертруда – жена Людвига Кугельманна, любимица Маркса, который высоко ценил ее интеллект.

Кугельманн, Людвиг – врач-гинеколог из Ганновера, участник восстания 1848–1849 годов, первый читатель Маркса и Энгельса. Был фанатично предан Марксу. Вступил в Интернационал, участвовал в его конгрессах, но сам Маркс его презирал и не любил – отчасти за то, как Кугельманн относился к своей жене.

Куно, Теодор – немецкий социалист и член Интернационала. Выступал от имени Международного товарищества трудящихся в Италии, а затем эмигрировал в Соединенные Штаты, где продолжил агитацию и пропаганду идей рабочего движения и социализма.

Купер, Джеймс Фенимор – американский писатель XIX века, чьи рассказы и романы об индейцах и первых поселенцах Северной Америки очаровали европейскую аудиторию.

Кюлин, Ипполит – лидер Французской рабочей партии в департаменте Лилль во время первомайских беспорядков 1891 года.

Кюратри, Эмиль де – французский граф, провинциальный полицейский чиновник в 1870 году, в 1871 году – префект Верхней Гаронны. В ходе борьбы с коммунарами во Франции он арестовал и допрашивал дочерей Маркса, Женни и Элеоноры.

Лавров, Петр – русский журналист, профессор математики и философ, сосланный в Париж. Он был близким соратником Маркса, сочувствовал Коммуне, был членом Интернационала.

Ламартин, Альфонс Мари Луи де – французский поэт-романтик, республиканец, пламенный оратор. После революции 1848 года стал главой Временного правительства.

Ланкастер, Эдит – член Социал-демократической федерации, феминистка и подруга Элеоноры Маркс-Эвелинг. Семья поместила ее в психиатрическую клинику за внебрачную связь.

Лассаль, Фердинанд – немецкий юрист и социалист, активист движения. Основал первую рабочую партию Германии, Общегерманский рабочий союз, и сыграл важную роль в издании работы Маркса «Критика политической экономии»,

хотя сам Маркс говорил о нем, что Лассаль не столько друг, сколько Немезида.

Латур, Теодор – австрийский военный министр. Убит разъяренной толпой рабочих в Вене в 1848 году.

Лашатр, Морис – коммунар и французский издатель I тома «Капитала».

Лафарг, Шарль Этьен – первый ребенок Лауры и Поля Лафарг, умер в возрасте четырех лет. Упоминается как Шнапс и Фуштра.

Лафарг, Франсуа – богатый консервативный отец Поля Лафарга. Ему принадлежали виноградники в Бордо, недвижимость на Кубе и в Новом Орлеане.

Лафарг, Женни – маленькая дочь Лауры и Поля Лафарг, прожила всего месяц.

Лафарг, Женни Лаура (урожденная Маркс) – вторая дочь Карла и Женни Маркс, жена Поля Лафарга. Большую часть своей жизни провела во Франции, переводила работы своего отца и Фридриха Энгельса. Упоминается как Лаура.

Лафарг, Марк-Лоран – третий ребенок Лауры и Поля Лафарг, прожил меньше года.

Лафарг, Поль – французский социалист кубинского происхождения, активист и пропагандист идей коммунизма. Став мужем дочери Маркса, начал активно пропагандировать идеи марксизма во Франции и Испании. Упоминается как Тули.

Ле Любе, Виктор – французский эмигрант в Лондоне.

Пригласил Маркса на собрание, результатом которого стало создание Первого интернационала. Член Генерального Совета I Интернационала, отвечал за связи с Францией.

Ле Муссю, Бенжамен – французский гравер, член Парижской коммуны и Генерального Совета Интернационала. Некоторое время сотрудничал с Полем Лафаргом.

Ледрю-Роллен, Александр – французский республиканец, член Временного правительства в 1848 году. Участвовал в кампании банкетов, послуживших прологом к революции 1848 года.

Леконт, Клод, генерал – ввел свою бригаду артиллерии на Монмартр в 1871 году, чтобы развернуть пушки против повстанцев, однако утратил контроль над своими людьми и был растерзан разъяренной толпой парижан. Его смерть послужила поводом для жестоких репрессий против коммунаров.

Лелевель, Иоахим – польский историк и ветеран-революционер. Участвовал в неудачном польском восстании 1830 года. В Брюсселе познакомился с Карлом и Женни Маркс.

Ленин, Владимир (Ульянов) – вождь Октябрьской революции 1917 года в России, в результате которой было свергнуто Временное правительство и создано первое коммунистическое государство, основанного на некоторых – но не исключительно – марксистских принципах. Два раза встречался с Полем Лафаргом, произнес надгробную речь на его похоронах в 1911 году.

Лео, Андре (урожденная Леони Бера) – француженка, ов-

дове́вшая в 31 год. Обеспечивая своих детей, Андре и Лео, она писала романы и стала адвокатом, защищая в суде права женщин. Сражалась за Коммуну как на баррикадах во Франции, так и после эмиграции в Швейцарию.

Леопольд I (Леопольд Георг Кристиан Фридрих) – князь Саксен-Кобург-Готский, относительно либеральный король Бельгии с 1831 по 1865 год.

Леске, Карл Фридрих Юлий – либерал, издатель из Дармштадта, подписавший контракт с Марксом в 1845 году на издание книги по политической экономии.

Лесснер, Фридрих – немецкий портной, член Союза коммунистов в Лондоне. Работал с Марксом в Кельне во время восстания 1848–1849 годов, позднее много путешествовал, являясь пропагандистом Союза. Выступал ответчиком во время суда над коммунистами в Кельне, был приговорен к трем годам тюрьмы. Примкнул к I Интернационалу, был одним из ближайших соратников Маркса и Энгельса.

Ли, Х. В. – английский социалист, журналист. Объединился с Гайндманом и его Социал-демократической федерацией. Работал вместе с Эдвардом Эвелингом и Элеонорой Маркс-Эвелинг.

Либкнехт, Эрнестина – первая жена Вильгельма Либкнехта, подруга Женни Маркс в Лондоне, позже состояла с ней в переписке – когда Либкнехты вернулись в Германию.

Либкнехт, Натали – вторая жена Вильгельма Либкнехта, состояла в переписке со всеми женщинами из семьи Маркс,

но особенно сблизилась с Элеонорой, уже в конце жизни.

Либкнехт, Вильгельм – неизменный соратник Маркса, член Союза коммунистов в Лондоне, затем – депутат немецкого рейхстага. Стоял у истоков создания Социал-демократической партии Германии. В семье Маркса его называли «ходячей библиотекой».

Линкольн, Авраам – президент США с 1861 по 1865 год, время его правления пришлось на Гражданскую войну, подписал Манифест об освобождении рабов на Юге, тем самым наметив политический курс на полную отмену рабства в США.

Линнелл, Альфред – английский юрист, убит в ноябре 1887 года во время полицейской облавы в Лондоне, которая последовала за событиями Кровавого воскресенья.

Лис, Эдит – британская писательница, феминистка и лесбиянка, жена Хэвлока Эллиса. Подруга Элеоноры Маркс.

Лиссагарэ, Ипполит-Проспер-Оливье – французский аристократ, журналист, военный. Написанная им история Парижской коммуны, по мнению Маркса, стала лучшим документом об истории восстания. Был помолвлен с Элеонорой Маркс, когда ему было 34 года, а ей 17 лет, однако, отчасти из-за резкого несогласия Маркса, они так и не поженились. Упоминается как Лисса.

Лихновский, Феликс – прусский князь, приверженец правого крыла Франкфуртского Национального собрания. В 1848 году растерзан разъяренной толпой во время восстания

во Франкфурте.

Лонге, Шарль – французский социалист и журналист. Был женат на старшей дочери Маркса Женни.

Лонге, Шарль Фелисьен Маркс – первый ребенок в семье Шарля и Женни, умер, не дожив до года. Упоминается как Каро.

Лонге, Эдгар – сын Шарля и Женни Лонге. Врач, активно работавший в среде рабочего класса, член Социалистической партии. Упоминается как Волк.

Лонге, Фелисите – мать Шарля Лонге.

Лонге, Анри (Генри) – сын Шарля и Женни Лонге. Не дожил до своего пятого дня рождения. Упоминается как Гарри.

Лонге, Жан Лоран Фредерик – второй сын Шарля и Женни Лонге. Адвокат и будущий лидер французских социалистов. Его вырастила Элеонора Маркс. Упоминается как Джонни.

Лонге, Женни – дочь Шарля и Женни Лонге. Стала оперной певицей, ее воспитала Лаура Лафарг. Упоминается как Меме.

Лонге, Женни Каролина (урожденная Маркс) – старшая дочь Карла и Женни Маркс, жена Шарля Лонге. Бессменный секретарь своего отца, недолго работала в газете – венцом ее деятельности на поприще журналистики стала серия статей, благодаря которым из английских тюрем были освобождены ирландские политзаключенные. Упоминается как Женнихен, писала под псевдонимом Дж. Уильямс.

Лонге, Марсель – сын Шарля и Женни Лонге. Упоминается как Пар или Парнелл.

Лоренцо, Ансельмо – испанский издатель, адвокат рабочих, член испанского отделения Интернационала.

Луи-Филипп – французский монарх с 1830 по 1848 год. Известен как «король-гражданин», потому что взошел на престол в результате революции. Девизом его царствования стал лозунг «Обогащайтесь!».

Лустало, Элизе – французский журналист XVIII века, якобинец.

Любавин, Николай – один из трех русских переводчиков I тома «Капитала», Сергей Нечаев третирует его за привлечение к работе Бакунина.

Мак-Магон, Мари-Эдм-Патрис-Морис де, маршал – военный диктатор Алжира, возглавлял версальские войска в борьбе против Парижской коммуны. В 1871 году на короткое время стал военным диктатором Франции, позднее – президент Третьей республики с 1873 по 1879 год.

Мейтланд, Долли – английская актриса, подруга Элеоноры Маркс, член Догберри-клуба, будущая жена Эрнеста Рэдфорда.

Манн, Томас – английский механик, политический лидер рабочих, организатор профсоюза. Был членом Независимой рабочей партии, впоследствии – член британского парламента. Упоминается как Том.

Мэннинг, Чарльз – друг семьи Маркс, отвергнутый жених

Лауры Маркс.

Мантейфель, Отто фон – барон, реакционный прусский министр внутренних дел с ноября 1848 по ноябрь 1850 года, премьер-министр Пруссии с 1850 по 1858 год.

Мартин, Александр – французский рабочий, который стал министром во Временном правительстве после революции 1848 года. Упоминается как Альберт.

Маркс Эвелинг, Женни Юлия Элеонора (урожденная Маркс) – родилась в Англии. Активист и агитатор социалистических идей, переводчица Ибсена и Флобера, журналистка, младшая дочь Карла и Женни Маркс, гражданская жена Эдварда Эвелинга. Упоминается как Элеонора и Тусси.

Маркс, Шарль Луи Анри Эдгар – первый сын Карла и Женни Маркс. Упоминается как Эдгар и Муш.

Маркс, Франциска – пятый ребенок в семье Карла и Женни Маркс, прожила всего год.

Маркс, Генрих (Гешель Маркс) – первый юрист-еврей в Трире. Отец Карла Маркса. В 1817 году перешел в лютеранство, чтобы продолжить юридическую практику в прусской Рейнской области.

Маркс, Генрих Гвидо – второй сын Карл и Женни Маркс, умер, прожив год с небольшим. Упоминается как Фокси.

Маркс, Генриетта (урожденная Пресбург) – мать Карла Маркса.

Маркс, Женни (урожденная Берта Иоанна Юлия Женни фон Вестфален) – дочь прусского барона и жена Карла Марк-

са. Она активно поддерживала Маркса, работая рядом с ним и разделяя социалистические взгляды мужа.

Маркс, Карл – прусской экономист, философ, журналист, отец международного социализма. Упоминается как Мавр. Использовал псевдоним А. Уильямс.

Маурер, Герман – ссыльный немецкий писатель-социалист, член парижской подпольной группы «Вне закона», позднее – член Союза справедливых. Жил рядом с Марксом в Париже и предложил ему участвовать в заседаниях группы.

Мадзини, Джузеппе – итальянский националист, после волнений 1830 года – основатель «Молодой Италии» – общества, целью которого было объединение различных областей, королевств и герцогств итальянского полуострова в единое государство. Жил в изгнании в Лондоне и был последовательным противником Маркса.

Мейснер, Отто – издатель из Гамбурга, подписал в 1865 году контракт с Марксом на издание двух книг – «Капитала» и «Критики политической экономии».

Меттерних, Клеменс фон – австрийский принц и министр иностранных дел с 1809 по 1821 год, канцлер с 1809 по 1848 год, один из самых яростных и влиятельных реакционеров в Европе XIX века. Стал одной из первых жертв революции 1848 года и оставил свой пост.

Мевиссен, Густав – банкир и финансовый спонсор газеты Маркса «Rheinische Zeitung».

Мейербер, Джакомо (Иакоб Либман Беер) – немецкий и

французский композитор. Финансировал радикальную газету на немецком языке «Vowarts!», выходившую в Париже. По некоторым сведениям, делал это по приказу Фридриха Вильгельма IV, который хотел таким образом выявить и преследовать оппозицию.

Мишель, Луиза – провинциальная французская учительница. Примкнула к революционному движению Коммуны в 1871 году и принимала деятельное участие в восстании, в том числе в аресте и казни генералов Леконта и Тома.

Милль, Джон Стюарт – английский философ и экономист XIX века, член парламента, защитник прав женщин и общественный защитник в суде.

Миллеран, Этьен – французский политический деятель, юрист и журналист, член палаты депутатов, глава независимых социалистов. Защищал Поля Лафарга от обвинений в убийстве во время судебного разбирательства в Фурми в 1891 году, позднее выиграл у Лафарга на выборах в Париже.

Мильер, Жан-Батист – французский адвокат и журналист, участвовал 31 октября 1870 года в восстании в Париже, Отель де Виль, и был казнен в мае 1871 года.

Минк (Минцк), Поль (урожденная Паулина Мекарска) – журналистка и учительница. Боролась за права женщин, была активным участником Парижской коммуны 1871 года.

Мисковский, Генрик – польский эмигрант в Лондоне, сопровождал Конрада Шрамма в качестве секунданта в поединке с Августом Виллихом.

Молл, Йозеф – кельнский часовщик, один из основателей Союза справедливых в Лондоне и Просветительного общества немецких рабочих. Пригласил Маркса и Энгельса вступить в Союз. Погиб в 1849 году во время боевых действий повстанческой армии в Бадене.

Мур, Джордж – английский социалист, некоторое время сотрудничал с Полем Лафаргом в Лондоне.

Мур, Сэмюэл – британский юрист, переводил на английский язык I том «Капитала» и Манифест коммунистической партии. Затем – колониальный чиновник в Западной Африке, старинный друг Маркса и Энгельса.

Моррис, Уильям – английский архитектор, художник, поэт, прозаик и социальный реформатор. Был одним из основателей Социалистической лиги вместе с Элеонорой Маркс и Эдвардом Эвелингом, адвокатом рабочих.

Малкахи, Деннис Даулинг – врач и редактор газеты «The Irish People». Маркс заклеил английских тюремщиков, пытавших Малкахи в тюрьме.

Наполеон I (Наполеон Франсуа Шарль Жозеф Бонапарт) – французский император с 1805 по 1815 год. Даже после поражения его образ преследовал монархов Европы, боявшихся духа свободы, исходившего из Франции, граждане которой были защищены Кодексом Наполеона, который вырвался далеко за границы, утвержденные после поражения при Ватерлоо в 1815 году.

Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт) – племян-

ник Наполеона Бонапарта и сын короля Голландии Луи Бонапарта. Он родился в Париже, вырос в Швейцарии и был избранным президентом Франции с 1848 по 1851 год. В 1852 году был провозглашен императором, правил до 1870 года.

Нечаев, Сергей – русский анархист и заговорщик, близкий соратник Бакунина. Руководил огромной подпольной организацией в России. По его приказу был убит студент, якобы раскрывший властям имена членов группы. Позже был захвачен в Швейцарии и приговорен к заключению в России, умер в тюрьме в 1882 году.

Николай I (Николай Павлович) – русский царь с 1825 по 1855 год, время его правления, как «Жандарма Европы», стало эпохой расцвета реакции и цензуры. Его царствование закончилось Крымской войной.

Нотьюнг, Петер – немецкий портной, член Союза коммунистов в Кельне. Он был арестован в Лейпциге в 1851 году и стал первым обвиняемым в процессе против коммунистов. Приговорен к шести годам тюрьмы за государственную измену.

Нуар, Виктор – французский журналист республиканской газеты «Марсельеза». Он был убит двоюродным братом Наполеона III в январе 1870 года.

О’Брайен, Джеймс Бронтерре – уроженец Дублина, сторонник радикализма в реформах, пропагандировал идеи социализма, сражался против английского господства в Ирландии, участвовал в разработке трудовой реформы. Его назы-

вали «учителем» чартизма; в своих популярных работах он объявил войну частной собственности.

О’Донован, Росс Иеремия – редактор газеты «The Irish People» в Дублине. Арестован в 1865 году в ходе кампании против его газеты, которая, по мнению английских властей, разжигала революционные настроения среди населения и пропагандировала социализм. Его страдания в английской тюрьме подробно описала в серии статей Женни Маркс. После освобождения эмигрировал в Соединенные Штаты.

О’Донован, Росс Мэри – жена Росса Иеремии О’Донована.

О’Лири – ирландский политический заключенный в возрасте 60–70 лет. Его настоящая фамилия Мерфи, имя неизвестно, Маркс писал о его мучениях в английской тюрьме.

Орсини, Чезаре – брат Феличе Орсини. Переехал в Лондон вместе с Полем Лафаргом, сотрудничал с Марксом, чтобы подорвать влияние Мадзини в Интернационале.

Орсини, Феличе – итальянский националист и республиканец. Был казнен в 1858 году за попытку покушения на Наполеона III в Париже, в результате взрыва погибли восемь невинных людей.

Осман, Жорж-Эжен – находясь в должности префекта Сены, с одобрения Наполеона III занимался благоустройством Парижа в период между 1850 и 1870 годами. Расширил бульвары, сносил ветхое жилье, строил новые административные здания, музеи и банки. Реализация его проекта перестройки

Парижа сделала неэффективным использование баррикад в уличных боях.

Оуэн, Роберт – первый британский социалист и управляющий фабрики в Нью-Ланарке, Шотландия. Здесь было основано первое производство, работавшее на социалистических принципах. Более поздние попытки Оуэна организовать такое же производство в США провалились.

Паницци, Энтони (Антонио Мария Генесио Паницци) – итальянец по рождению, библиотекарь в читальном зале Британского музея в 1850 году, когда Маркс стал пользоваться тамошней библиотекой.

Паннвиц, Карл фон – первый жених Женни фон Вестфален.

Парнелл, Чарльз Стюарт – знаменитый ирландский националист XIX века, член британского парламента от графства Уиклоу. Он был откровенным сторонником самоуправления.

Перовская, София – русская революционерка, участница «Народной воли». Вместе с Львом Гартманом осуществила неудачную попытку покушения на царя Александра II. Другая попытка оказалась более удачной, и Перовскую казнили за соучастие в убийстве.

Петти, сэр Уильям – английский философ и ученый XVII века, политический экономист. Изучал роль участия государства в экономике и имел на это свой оригинальный взгляд.

Пипер, Вильгельм – немецкий беженец в Лондоне, член Союза коммунистов, отчасти журналист, он был наставником детей Маркса и иногда секретарем самого Маркса.

Пий IX (Джованни Мария Мастай-Ферретти) – глава Римско-католической церкви (1846–1878) и Папской области в Центральной Италии. Проводимые им социальные реформы в Папской области способствовали началу восстания 1848 года в Южной Италии.

Платер, Владислав – польский граф, участник восстания 1830 года в Польше. Жил в Карлсбаде одновременно с Марксом и по ошибке был зачислен в «руководители нигилистов».

Плеханов, Георгий – русский писатель и философ. Эмигрировал в Европу и основал первую русскую марксистскую организацию «Освобождение труда» в 1883 году. Работал в тесном сотрудничестве с Энгельсом и Элеонорой Маркс, был убежденным марксистом, резко выступал против ревизионизма после смерти Энгельса и во время русской революции.

Плутарх – греческий историк и биограф, живший примерно в 46–120 годах н. э. Прославился хрониками жизни древних греков и римлян, изложенными почти в форме романов.

Прудон, Пьер-Жозеф – французский философ-самоучка XIX века, экономист и автор работ, посвященных критике частной собственности. Маркс называл его труды «эпохальными». Впоследствии отказался от идей социализма и стал одним из основоположников анархизма.

Путткамер, Элизабет фон – племянница Отто фон Бисмарка. Провела день с Марксом в Лондоне, приплыв вместе с ним из Гамбурга в 1867 году.

Кине, Эдгар – историк и ветеран восстания 1848 в Париже. Присоединился к французскому правительству в качестве депутата Национального собрания в 1871 году.

Распай, Франсуа – писатель, ученый, политик, социалист по взглядам, защитник пролетариата, участник французских революций 1830 и 1848 годов.

Рикардо, Дэвид – английский экономист. Исповедовал свободу торговли. Маркс читал его работы во время исследования трудов классических, или «буржуазных», экономистов.

Рингс, Л. В. – немецкий эмигрант, живший в Лондоне и однажды встречавшийся с Марксом. Несмотря на то что он был почти неграмотным, во время Кёльнского процесса над коммунистами обвинение объявило его соавтором Маркса.

Рошфор, Анри де – редактор республиканской газеты «Марсельеза». Вошел во французское Временное правительство после поражения Наполеона III в 1870 году.

Рой, Жозеф – французский переводчик I тома «Капитала».

Руге, Арнольд – немецкий журналист и редактор. Получил 6 лет тюрьмы за свои либеральные идеи. Сотрудничал с Марксом (неудачно) в совместной франко-немецкой газете, что привело к размолвке и полному отчуждению между

ними.

Рутенберг, Адольф – учитель, уволенный прусским правительством из-за спорных статей в газете. Один из первых коллег Маркса в Берлине, недолго проработал редактором «*Rheinische Zeitung*» в Кельне.

Рэдфорд, Эрнест – английский юрист, актер-любитель, член Догберри-клуба и друг Элеоноры Маркс.

Санд, Жорж (урожденная Амандина Аврора Люсиль Дюпен, баронесса Дюдеван) – знаменитая романистка XIX века, участвовала в работе революционного правительства 1848 года в качестве пропагандиста.

Санти, мадам – родственница матери Поля Лафарга, помогавшая Лауре Лафарг в Париже после рождения ее первого сына.

Сен-Симон, Клод Анри де – французский философ конца XVIII – начала XIX века, основатель французского социализма.

Сервантес, Мигель де – испанский писатель-романист. Прожил жизнь, полную приключений, пока не умер в нищете, в возрасте пятидесяти восьми лет. Написал знаменитый роман «Дон Кихот» – одну из любимых книг семьи Маркс.

Скиннер, Мариан – английская актриса и частый гость в доме Маркса – в качестве члена Догберри-клуба и подруги Элеоноры Маркс. Позже, уже под фамилией мужа, как Мариан Комин, написала воспоминания.

Скотт, Вальтер – писатель-романтик, автор знаменитых

исторических романов, чрезвычайно популярных в начале XIX века. Любимый писатель семьи Маркс.

Смит, Адам – шотландский ученый XVIII века, основоположник политической экономии, чья работа «Исследование о природе и причинах богатства народов» легла в основу классической экономической теории и чья вера в пользу свободного рынка породила понятие «невмешательства», минимального участия государства в экономике.

Соль, Генри – ассистент преподавателя в престижной британской школе Итон, социалист, активист, журналист и член Фабианского общества, партнер Эдварда Эвелинга и Элеоноры Маркс-Эвелинг.

Солт, Кейт – жена Генри Солта.

Сталь, Анна де (урожденная Анна-Луиза Жермена Неккер) – франко-швейцарская писательница 2-й половины XVIII – начала XIX века. Некоторые исследователи называют ее первой писательницей-феминисткой – за романы «Дельфина» (1802) и «Коринна» (1807).

Стед, В. Т. – непримиримый редактор лондонской газеты «Pall Mall». Вел независимое журналистское расследование рынка сексуальных услуг в Лондоне. Погиб на «Титанике» в 1912 году.

Степняк (Сергей Михайлович Кравчинский) – русский революционер XIX века, член организации «Народная воля». Бежал в Европу после убийства военного чиновника в Петербурге в 1878 году. Апологет терроризма, частый гость

в доме Энгельса. Погиб, попав под поезд в 1895 году.

Стибер, Вильгельм – агент прусской полиции, главный свидетель обвинения в Кельнском процессе против коммунистов, а позже директор Прусского отделения политической полиции.

Стэнтон, Эдвард – сын американской суфражистки, борца за избирательные права женщин в 1848 году, автора «Истории суфражизма» – Элизабет Кэди Стэнтон.

Стэнтон, Элизабет Кэди – американская суфражистка, борец за избирательные права женщин и основоположница суфражистского движения в Америке, соавтор книги «История суфражизма».

Суинтон, Джон – либеральный журналист и редактор газеты «Sun» в Нью-Йорке, шотландец по происхождению.

Сю, Эжен – французский врач XIX века, автор популярных любовных романов.

Тедеско, Виктор – бельгийский юрист, социалист, член Коммунистического союза и Демократической ассоциации в Брюсселе.

Тенге, Тереза (урожденная Болонгаро-Кревенна) – итальянка, жена богатого немецкого помещика. У Маркса был с ней краткий роман в Ганновере, где он ждал сигнальный экземпляр I тома «Капитала».

Техов, Густав – бывший прусский военный офицер, демократ, лидер восстания 1849 года в Бадене.

Тиллетт, Бен – английский моряк, сапожник по профес-

сии, докер, организатор и лидер рабочих ячеек, член и активист профсоюза. Принимал деятельное участие в лондонской забастовке докеров. Позднее стал членом британского парламента.

Токвилль, Алексис Шарль Анри Морис Клерель де – французский граф, писатель, историк и критик. Избран в Национальное собрание Франции после революции 1848 года, затем остался в правительстве Луи-Наполеона вплоть до переворота в декабре 1851 года.

Тома, Клеман, генерал – в 1871 году убит вместе с генералом Леконтом разъяренными парижанами после того, как попытался отбить у них захваченные пушки. Его также ненавидели за роль, которую он сыграл в подавлении парижского восстания 1848 года и в резне в Бузенвале в январе 1871 года.

Торн, Уильям Джеймс – каменщик из Бирмингема, лидер рабочих, организатор профсоюза, член Социал-демократической федерации. Помогал организовывать стачку докеров в Лондоне, а позднее стал членом британского парламента. Читать его научила Элеонора Маркс. Упоминается как Уилл.

Трошю, Луи Жюль, генерал – звание получил приказом Наполеона III, после пленения Наполеона прусскими войсками в 1870 году – глава французского Временного правительства национальной обороны.

Тургенев, Иван – русский писатель XIX века, ввел понятие «нигилист». Друг Бакунина. Творчество Тургенева оди-

наково раздражало и консерваторов, и радикалов в России, но зато сразу было оценено на Западе.

Уайльд, леди (в девичестве Джейн Франческа Агнес Элджи) – поэтесса, писательница, ирландская националистка, мать писателя Оскара Уайльда.

Уайльд, Оскар Фингал О’Флаэрти Уиллс – английский писатель и поэт ирландского происхождения, драматург и романист, своими произведениями, поведением и образом жизни бросавший вызов британскому обществу в конце XIX века. Получил два года тюрьмы за гомосексуальные отношения.

Уишарт, Джордж – шотландский религиозный реформатор XVI века. Его сожгли на костре за антикатолические проповеди, что стимулировало деятельность протестантских реформаторов и в конечном счете обеспечило победу протестантизма в католической Шотландии в 1560 году.

Ульянов, Александр – брат Владимира Ленина. Был казнен в 1887 году за попытку покушения на царя Александра III.

Уэбб, Беатрис (урожденная Марта Беатрис Поттер) – английский социолог и экономист, вместе со своим мужем, Сидни, выступала за постепенные социальные изменения. Автор работ по социализму и профсоюзному движению. Вместе с мужем основала Лондонскую школу экономики в 1895 году.

Уэбб, Сидни Джеймс – английский социалист, один из

первых членов Фабианского общества. Агитировал за рабочее движение. Вместе с супругой, Беатрис, написал историю профсоюзов и социалистических групп Британии, основал Лондонскую школу экономики в 1895 году.

Фавр, Жюль Габриэль Клод – французский министр иностранных дел в правительстве Национальной обороны. В 1871 году согласился на предварительное перемирие с Бисмарком, договорившись о прекращении боевых действий начавшейся в 1870 году Франко-прусской войны. Во вновь избранном правительстве Франции в 1871 году сохранил свои позиции, боролся против Парижской коммуны и Интернационала.

Фейербах, Людвиг – немецкий философ XIX века, младогегельянец, друг Маркса. Его работы, особенно посвященные религии, помогли Марксу избавиться от влияния Гегеля.

Феклес, Фердинанд – немецкий врач, который лечил Маркса в Карлсбаде.

Фердинанд I – австрийский император с 1835 по 1848 год, по некоторым сведениям, страдал слабоумием и все свое правление находился под полным контролем канцлера Клеменса фон Меттерниха.

Фердинанд II – король Обеих Сицилий, государства на юге Италии, простиравшегося от Апулии до Сицилии, где в 1848 году вспыхнуло восстание. Жесточайшим образом подавил революционное движение на Сицилии, за что получил прозвище «король-бомба», правил до 1859 года.

Фернивалл, Фредерик Джеймс – английский христианский социалист, ярый феминист, основатель многочисленных литературных обществ, в том числе Обществ любителей Браунинга, Чосера и в особенности – Нового Шекспировского общества, один из создателей и редактор Оксфордского словаря английского языка.

Филипс, Антуанетта – голландская кузина Маркса, дочь Лиона Филипса. В начале 1860-х годов Маркса связывало с ней романтическое чувство – хотя и на расстоянии. Упоминается как Нанетт и Нетхен.

Филипс, Жак – голландский кузен Маркса, сын Лиона Филипса, адвокат в Роттердаме.

Филипс, Лион Бенджамин – голландский бизнесмен и зять матери Маркса. Вел дела семьи после смерти Генриха Маркса.

Фихте, Иоганн Готлиб – немецкий писатель-романтик, философ конца XVIII века, который смотрел на мир субъективно, с точки зрения «Я».

Флери, Чарльз (Карл Фридрих Август Краузе) – прусский шпион и агент полиции. Выдавал себя за журналиста, чтобы сблизиться с Марксом и его окружением в Лондоне. Также известен как Шмидт.

Флобер, Гюстав – французский романист, автор романа «Мадам Бовари», впоследствии переведенного на английский язык Элеонорой Маркс.

Флоке, Шарль – французский президент палаты депутатов

в 1891 году, когда Поль Лафарг стал депутатом от Лилля.

Флокон, Фердинанд – французский демократ, редактор газеты «La Re2forme» и член Временного правительства Франции в 1848 году.

Флоранс, Гюстав – французский естествоиспытатель, академик, военный, авантюрист и революционер. Воевал на стороне Парижской коммуны и был убит французскими войсками в 1871 году. Частый гость в лондонском доме Маркса. По некоторым сведениям – первая любовь Женни Маркс.

Флоренкур, Вильгельм фон – шурин Фердинанда фон Вестфалена, друг Женни Маркс.

Фоглер, Карл – немецкий книготорговец в Брюсселе, который согласился опубликовать книгу «Нищета философии», в которой Маркс критиковал идеи Прудона.

Фогт, Карл – немецкий демократ, учитель географии и бывший член Национального собрания во Франкфурте. Во время изгнания, живя в Швейцарии, принимал деньги от Наполеона III, чтобы писать проплаченные статьи о Франции. Это обстоятельство вскрылось, когда он вступил в публичную полемику с Марксом.

Фокс, Питер (Питер Фокс Андре) – английский журналист, демократ, член Генерального Совета Интернационала с 1864 по 1869 год, редактор газеты «The Commonwealth».

Фрай, Ева – лондонская актриса и вторая жена Эдварда Эвелинга. Также известна как Лилиан Ричардсон.

Фрайбергер, Людвиг – австрийский врач, второй муж Лу-

изы Каутской. Был домашним врачом Энгельса в 1894–1895 годы, до самой смерти последнего.

Франс, Анатоль (Жак Анатоль Франсуа Тибо) – французский поэт, прозаик, критик, одна из самых значимых фигур литературного мира Франции конца XIX века. Друг Шарля Лонге.

Фрейлиграт, Фердинанд – бизнесмен и очень популярный немецкий поэт, запрещенный Фридрихом Вильгельмом IV за политический тон его произведений. Он и его семья подружились с Марксом в 1845 году в Брюсселе – и поссорились в 1860 году в Лондоне.

Фридрих Вильгельм III – прусский король с 1797 по 1840 год. Его реакционная политика противоречила чаяниям нового класса буржуазии, чьи богатство и статус были заработаны, а не унаследованы.

Фридрих Вильгельм IV – прусский король с 1840 по 1861 год, правил во время революций 1848 года в Европе, обеспечил торжество контрреволюции и сил реакции в Пруссии.

Фрюбель, Юлий – профессор и издатель радикальной литературы в Цюрихе, который обещал финансировать газету, организованную Карлом Марксом и Арнольдом Руге в Париже.

Харди, Джеймс Кейр – шотландский шахтер, профсоюзный деятель и лидер Независимой рабочей партии. В 1892 году он стал одним из первых трех рабочих, получивших места в английском парламенте. Упоминается как Кейр.

Хацфельд, Софи фон – немецкая графиня, светская львица, участница знаменитого бракоразводного процесса, который выиграла с помощью Фердинанда Лассаля. Находясь под его влиянием, пропагандировала идеи социализма.

Хекер (имя неизвестно) – прокурор Кельна в 1848 году.

Хирш, Вильгельм – уроженец Гамбурга, прусский полицейский агент в Лондоне. Внедрил в группу Маркса, занимался слежкой и доношением.

Цеткин, Клара – член Социал-демократической партии Германии, активистка международного социалистического и рабочего движения. Ее высоко ценил Энгельс.

Чампион, Генри Хайд – английский социалист, журналист, отставной армейский офицер артиллерии. Один из организаторов лондонской забастовки докеров, стоял у истоков создания Независимой рабочей партии в Англии, один из авторов ее Устава.

Чернышевский, Николай – русский журналист и публицист, яркий представитель радикального крыла русской интеллигенции 50–60-х годов XIX века. За свои сочинения, пропагандировавшие революционные идеи народничества, был приговорен к ссылке и каторге в Сибири, где провел более 20 лет.

Шаппер, Карл – немецкий лесник, печатник, лидер Союза справедливых в Париже. За участие во Французской революции выслан, помогал воссоздать группу в Лондоне, там же стал членом Союза коммунистов и его Центрального ко-

митета. Он работал с Марксом в «Neue Rheinische Zeitung» в Кельне и был членом Генерального Совета Первого интернационала.

Шелли, Перси Биши – английский поэт-романтик, пропагандист радикальных идей. Был популярен в кругу сторонников Маркса.

Шекспир, Уильям – величайший английский драматург XVI века. Маркс обожал Шекспира и учил по его произведениям английский язык.

Шиллер, Иоганн Кристоф Фридрих фон – немецкий поэт-романтик, писатель и историк, самая значимая фигура своего времени, авторитет для многих членов Германского союза, стремившихся к объединению разрозненных и обособленных частей Германии в единое национальное государство.

Шмальгаузен, Софи (урожденная Маркс) – старшая и самая близкая Карлу Марксу сестра.

Шнайдер, Карл II – адвокат и президент Кельнского Демократического общества. Он защищал Маркса на суде, куда тот был вызван по обвинению в разжигании восстания, и добился оправдательного приговора. Позже он защищал Маркса и Энгельса в суде, связанном с «Neue Rheinische Zeitung» и членством в Союзе коммунистов на процессе 1852 года в Кельне.

Шорлеммер, Карл – один из основоположников органической химии. Немецкий эмигрант в Англии, жил в Манчестере.

ре, был членом Интернационала и немецкой Социал-демократической рабочей партии, всю жизнь был другом Маркса и Энгельса. В семье Маркс его называли Джоллимейер («Веселый фермер»).

Шоу, Джордж Бернард – ирландский драматург, критик, публицист и сторонник социалистической реформы. После прочтения французского перевода «Капитала» стал одним из первых последователей идей Маркса, однако имел свой взгляд на реформы. Приехав в Лондон, подружился с Элеонорой Маркс, работал вместе с ней в газетах и организациях социалистического толка и даже участвовал вместе с ней в любительских спектаклях. Его собственные пьесы считались в то время слишком спорными.

Шрайнер, Олив – писательница, феминистка и самая близкая подруга дочери Маркса Элеоноры в Лондоне. Потом Шрайнер вернулась в Южную Африку, где написала роман «Африканская ферма» под псевдонимом Ральфо Айрон.

Шрамм, Конрад – немецкий иммигрант в Лондоне, член Союза коммунистов. Работал с Марксом в «Neue Rheinische Zeitung», «Politisch-ökonomische Revue» и дрался вместо него на дуэли.

Шулер, Лина – немецкая подруга Женни Маркс и невеста ее брата Эдгара фон Вестфалена.

Шурц, Карл – немецкий демократ, недруг Маркса. Позже присоединился к повстанческой армии в Бадене. Бежал в Швейцарию, потом в Лондон, в конце концов эмигрировал в

Соединенные Штаты, где воевал во время Гражданской войны и стал министром внутренних дел.

Эвелинг, Эдвард – английский ученый, доктор зоологии, публицист, сторонник создания и развития светской школы, театральный критик, драматург, социалист, рабочий агитатор и гражданский муж младшей дочери Маркса, Элеоноры. Писал под псевдонимом «Алек Нельсон».

Эвелинг, Изабель (урожденная Франк) – первая жена Эдварда Эвелинга, дочь богатого торговца домашней птицей лондонского рынка Лиденхолл Маркет. Упоминается под именем Белл.

Эвербек, Август Герман – немецкий врач, живший в изгнании в Париже, будущий член Союза коммунистов. Лидер Парижского отделения Союза справедливых, ввел туда Маркса.

Эйхман, Франц Август – прусский министр внутренних дел в 1848 году и президент Рейнской провинции.

Эккариус, Георг – немецкий портной. Находился в ссылке в Лондоне, член Союза справедливых, Союза коммунистов и Интернационала. Генеральный секретарь I Интернационала с 1863 по 1872 год.

Эллис, Генри Хэвлок – британский психолог и близкий друг Элеоноры Маркс. Страдал половым бессилием до 60 лет, занимался изучением сексуальных отношений. Ему приписывают изобретение терминов «гомосексуальный», «аутоэротизм» и «нарциссизм».

Энгельс, Фридрих – отпрыск прусского преуспевающего текстильного фабриканта, друг, коллега, соавтор и ближайший соратник Маркса. Вместе с ним написал «Манифест коммунистической партии», завершил работу над II и III томами «Капитала», автор большого количества самостоятельных работ. Прозвище – Генерал, в начале своей карьеры писал под псевдонимом Фридрих Освальд.

Энгельс, Фридрих, старший – текстильный фабрикант, отец ближайшего соратника Маркса.

Эпикур – греческий философ, главным критерием истины считавший ощущения, в которых нам дается жизнь, а спокойствия предлагал достигнуть через простую жизнь и добродетели.

Эрмен, Готфрид – партнер Энгельса в манчестерской фирме «Эрмен и Энгельс».

Юм, Дэвид – шотландский философ и экономист XVIII века. Считал, что знать можно только то, что сам видел или испытал (эмпиризм). Эта идея была использована Марксом в разработке его собственных теорий.

Юнг, Георг – немецкий журналист, глава «Rheinische Zeitung» в Кельне. Поддерживал материально Карла и Женни Маркс в нелегкие для них годы в Париже и Брюсселе.

Политические события

1837 – Маркс присоединяется к младогегельянцам в Берлине. После смерти немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля в 1831 году некоторые его молодые последователи построили на теории диалектики собственную теорию – о неизбежности изменений в обществе – и начали публичную полемику по поводу политических и социальных реформ. Общество младогегельянцев возникло в Берлине.

Май 1842 – Маркс начинает писать для газеты «Rheinische Zeitung» в Кельне. Эта оппозиционная газета была создана в наиболее экономически и интеллектуально развитом городе Рейнской области и опиралась на поддержку оппозиционно настроенных бизнесменов среднего класса, которые искали «продвинутых» экономистов с социалистическими взглядами. В 1842 году Маркс стал главным редактором газеты.

Февраль 1844 – Маркс редактирует первый и единственный номер «Deutsche-Franzoesische Jahrer» – газеты, издающейся в Париже. Маркс и Женни переехали к тому времени в Париж, чтобы сотрудничать с газетой Арнольда Руге, ставшей единственной трибуной для французских и немецких оппозиционеров. Французского читателя привлечь не удалось, в Германии газету запретили, в Пруссии был выписан ордер на арест Маркса и троих его соратников по обвинению в государственной измене.

Весна 1844 – Маркс вступает в Союз справедливых в Париже. Эта нелегальная пропагандистская организация была образована в 1836 году немецкими беженцами, примкнувшими к рабочему движению и вдохновленными коммунистическими идеями Огюста Бланки и Армана Барбе.

Август 1844 – Маркс начинает писать для газеты «Vowarts!» в Париже. Это была единственная еженедельная газета немецкоязычной оппозиции в Европе, избежавшая цензурных запретов. Считалась настолько радикальной, что ее главный редактор был заключен в тюрьму, а сотрудники, включая Маркса, были высланы из Франции.

Лето 1845 – Маркс и Энгельс отправляются в Англию, чтобы встретиться с участниками Союза справедливых и чартистами. В 1839 году, после неудачного восстания, некоторые члены Союза бежали из Парижа в Лондон, где и создали филиал тайной организации под прикрытием легального немецкого Образовательного рабочего общества. Маркс и Энгельс также связались с ветеранами английских социальных реформ – чартистами, которые были очень рады получить европейскую поддержку.

Январь 1846 – Маркс, Энгельс и Филипп Жиго создают Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет. Его цель – наладить связи между рабочими активистами и социалистами европейских государств, оперативно освещать положение дел и такими образом готовиться к будущей революции. Это была первая попытка Маркса создать меж-

дународную организацию.

Февраль 1847 – Маркс принимает приглашение присоединиться к базирующемуся в Лондоне Союзу справедливых и открывает филиал организации в Брюсселе. Маркс и Энгельс согласились примкнуть к Союзу после того, как его лидеры признали необходимость привлечения более молодых людей для агитации и пропаганды среди рабочих. Это первая пролетарская организация, в которую вступил Маркс.

Июнь 1847 – Союз справедливых меняет свое название на Союз коммунистов. Его члены встречаются в Лондоне для выработки нового курса. Под руководством Маркса и Энгельса Союз стал первой международной коммунистической организацией в истории.

Июль 1847 – Маркс и Энгельс создают отделения нелегального Союза коммунистов в Брюсселе и легального – Общества немецких рабочих. После съезда коммунистов в Лондоне Маркс и Энгельс начали привлекать к движению новых членов в Брюсселе, однако их ждало разочарование – рабочие отнеслись к их попыткам довольно вяло. Тогда соратники запустили образовательную и социальную программы для трудящихся, чем и способствовали их привлечению в ряды организации.

Ноябрь 1847 – Маркс становится вице-президентом Международной демократической ассоциации в Брюсселе. В Ассоциации было много противников Маркса, не одобрявших его растущее влияние на идеологию рабочего движения, од-

нако Энгельс сумел добиться того, что Маркса выбрали вице-президентом – и Ассоциация стала еще одним инструментом воздействия на рабочий класс.

Февраль 1848 – «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса опубликован в Лондоне. Союз коммунистов просил Маркса и Энгельса разработать уставной документ организации. Энгельс и другие активисты представили свои версии такого документа, однако напечатан в 1848 году был именно вариант Маркса. Один из соратников Маркса назвал его «самым революционным документом из когда-либо написанных».

Март 1848 – ЦК Союза коммунистов переезжает в Париж. В 1848 году по Европе прокатывается волна восстаний, от Берлина до Сицилии, но эпицентр революции – в Париже. Маркс с семьей переезжает туда после выдворения из Бельгии, на фоне повышенной напряженности бельгийских властей по отношению к иностранным радикалам-оппозиционерам в Брюсселе. В Париже Маркс создает Клуб немецких рабочих. Французская столица наводнена революционерами-беженцами, готовыми перенести восстание в свои страны. Клуб Маркса – тоже армия, но не солдат, а пропагандистов. Его члены начнут возвращаться в Германию, чтобы идейно укреплять ряды оппозиции.

Июнь 1848 – в Кельне выходит газета Маркса «Neue Rheinische Zeitung». Маркс и его коллеги восстанавливают прежний печатный орган в обновленном виде. Газета освещает

щает тайные акции правительств против революционного движения внутри Германского союза и по всей Европе.

Маркс распускает Союз коммунистов. После июньского восстания в Париже, во время которого контрреволюционные силы сражались против гражданского населения, Маркс решает, что необходимости в этом тайном обществе больше нет – отныне противостояние происходит открыто, в том числе и на страницах его газеты. Руководство Союза, почти в полном составе находящееся вместе с Марксом в Кельне, голосует за роспуск.

Сентябрь 1848 – Маркс и Энгельс помогают сформировать Комитет общественной безопасности в Кельне. Напряженность в католическом Кельне, оккупированном протестантскими прусскими войсками, близится к точке кипения. Население считает армию своим главным врагом, горожане без санкции правительства формируют городскую милицию для самозащиты.

Апрель 1849 – Маркс разрывает связи с демократическими организациями в Рейнской области. В 1849 году контрреволюция набирает обороты, и Маркс чувствует, что средний класс предал рабочее движение, чтобы защитить собственные интересы. После 1849 года Маркс больше ни разу не пойдет на политическое сотрудничество с буржуазией.

Май 1849 – «Neue Rheinische Zeitung» закрыта. Радикальный тон публикаций приводит к высылке Маркса из Пруссии. Последний номер набран красными чернилами.

Сентябрь 1849 – Союз коммунистов в Лондоне преобразуется, объединившись с Просветительным обществом немецких рабочих. После подавления восстаний 1848 года политические беженцы со всего континента устремляются в столицу Англии. Среди них – Карл Маркс и члены Союза, они и восстанавливают организацию, одновременно начиная пропагандистскую работу. Создается Комитет по поддержке немецких политических беженцев. Маркс был избран в комитет, который помогал сотням немцев, приехавшим в Лондон без денег, еды, теплой одежды, не имевшим места, где остановиться.

Комитет стал ответвлением Просветительного общества немецких рабочих, а также использовался в пропагандистских целях, для привлечения новых членов Союза коммунистов.

Начало 1850-х – Маркс и Энгельс присоединяются к Союзу революционных коммунистов в Лондоне. Эта крайне радикальная группа состоит в основном из французов, последователей Огюста Бланки, который в самой Франции брошен в тюрьму за свою роль в восстании 1848 года.

Март 1850 – в Гамбурге выходит приложение к газете Маркса «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». Маркс и его коллеги работают над газетой на немецком языке в Лондоне – это их попытка сохранить дух революции хотя бы на бумаге. Денег на издание не хватает, кроме того, в Германии газета сразу попадает под жестокий прес-

синг правительства, и потому успевают выйти всего 6 номеров.

Сентябрь 1850 – ЦК Союза коммунистов перемещается в Кельн. В среде политических беженцев к тому времени растут разногласия: должны ли они немедленно поддержать революцию – или, как предлагает Маркс, заниматься образованием рабочих, подготавливая их к будущим переменам. Маркс избавляется от политических противников, переместив ЦК из Лондона в Кельн, а впоследствии – исключая их из рядов Союза.

В это же время они с Энгельсом выходят из Союза революционных коммунистов, так как Маркс считает действия его руководства, призывающего к немедленному восстанию, безрассудством, ведущим к поражению. Он, Энгельс и Джордж Джулиан Гарни выходят из группы.

Август 1851 – Маркс начинает писать для «New York Daily Tribune». Редактор Чарльз Дана предлагает Марксу стать европейским корреспондентом этой либеральной американской газеты, не только автором статей, но и ответственным за ее передовицу. До 1852 года Маркс слабо владеет английским, потому первые статьи в газету пишет Энгельс.

Декабрь 1851 – Маркс и его последователи, называющие себя «синагогой», начинают организовывать встречи в Лондоне. Соратники Маркса дистанцировали себя от общей массы беженцев и предпочитали проводить свои собрания в читальном зале Британского музея и синагоге. За дружеским

застольем обсуждались вопросы политической экономии и различные социальные теории.

Ноябрь 1852 – Маркс распускает Союз коммунистов. Арест и судебное преследование одиннадцати членов Союза в Кельне и тюремное заключение семерых из них плюс еще более ожесточившийся контрреволюционный климат в Европе приводят Маркса к выводу, что существование этой тайной организации более нецелесообразно; он возвращается к теоретической работе и газетным статьям.

Май 1859 – Маркс начинает сотрудничать с печатным органом Просветительного общества немецких рабочих – газетой «Das Volk». Он считает эту эмигрантскую газету безвольной и неэффективной, но использует ее в качестве трибуны, с которой обрушивает свой гнев на соперников, оспаривающих его теорию политэкономии.

Июнь 1859 – в Берлине выходит книга «К критике политической экономии». Последователи и соратники ожидали, что это станет главной работой Маркса, посвященной экономике, однако книга смутила и разочаровала многих из них. Ее выход остался практически незамеченным в прессе.

Март 1860 – «К критике политической экономии» начинает распространяться в России, профессура Московского университета читает по ней лекции. В то время как в Германии книгу полностью игнорируют, в России у нее неуклонно растет аудитория – это связано с бурным всплеском либерализма в период правления Александра II.

Март 1862 – «New York Daily Tribune» разрывает сотрудничество с Марксом, заявив, что больше не нуждается в услугах своего лондонского корреспондента. Главными новостями становятся избрание Авраама Линкольна президентом США и Гражданская война, и газета полностью сосредотачивается на внутринациональных темах.

Май 1863 – Фердинанд Лассаль создает Всеобщий германской рабочий союз. В начале 1860-х годов по всей Европе полным ходом идет рост политического самосознания рабочего класса. В Германии Лассаль пытается объединить их, выпустив памфлет «Рабочая программа», по мнению многих действительно явившийся первым программным документом новой организации рабочего движения. Лассаль лично возглавил рабочую партию.

Июль 1863 – европейские рабочие собрались в Лондоне, чтобы поддержать восстание в Польше. После отмены крепостного права в России (1861) поляки начали активно бороться за свои права и самоопределение, и когда их требования так и остались без ответа – подняли восстание. Правительства европейских стран им на помощь не пришли, но пролетариат поддержал и выразил солидарность. Было решено создать международную пролетарскую организацию, чтобы сообща противостоять политическим вызовам.

Сентябрь 1864 – первое заседание Международного товарищества рабочих проводится в Лондоне. Создание Первого интернационала было провозглашено на большом митинге

в Сент-Мартинс-Холл, где собрались английские, итальянские, французские, ирландские, польские и немецкие эмигранты-революционеры. Маркс написал Учредительный манифест и Временный устав организации и, хотя формально считался обычным делегатом от Германии, практически сразу возглавил I Интернационал.

Сентябрь 1867 – издана величайшая книга Маркса, I том «Капитала». Политэкономией Маркс занялся еще в 1851 году (если не в 1844) – и «Капитал» стал итогом этой долгой работы. Маркс и Женни предполагали, что эта книга станет «бомбой» и своеобразным искуплением всех их жертв и лишений, однако, как и другие экономические труды Маркса, «Капитал» был встречен равнодушным молчанием.

Сентябрь 1868 – экономист и писатель Николай Даниельсон передает Марксу просьбу разрешить перевод «Капитала» на русский язык. Издатель Н. Поляков в Санкт-Петербурге готов напечатать книгу – это стало бы первым переводным изданием труда Маркса.

Август 1869 – создана Социал-демократическая рабочая партия. Друг Маркса Вильгельм Либкнехт и его коллега Август Бебель провозглашают ее создание во время конгресса в Айзенахе, Германия. Партия насчитывает 150 000 человек и в своем уставе полностью следует принципам Интернационала.

Ноябрь 1869 – Маркс начинает лоббировать Генеральный Совет Интернационала на предмет поддержки независимо-

сти Ирландии и требования освободить ирландских политзаключенных. Он утверждает, что ключ к ускорению социальных реформ находится именно в Ирландии и начинать борьбу за реформы следует в Англии. Английские депутаты возражали против его позиции, выразило резкую озабоченность и английское правительство – результатом этого стали гонения на членов Интернационала в Англии.

Сентябрь 1870 – после поражения Наполеона III во Франко-прусской войне Франция объявляет себя республикой. Члены французского отделения Интернационала участвуют в политической жизни, помогая создать Временное правительство национальной обороны; сражаются в республиканской армии против Пруссии. Члены Интернационала считают, что новое правительство состоит из той же самой буржуазии, которая уже предавала пролетариат в прошлом и наверняка сделает это снова.

Март 1871 – парижане голосуют за создание собственного правительства, коммуны. Общенациональные выборы в феврале приводят к созданию правительства, в котором доминируют консерваторы. Они одобряют унижительное и дорогостоящее перемирие с Пруссией. Парижане, находившиеся с августа в осажденном Париже, чувствуют себя обманутыми и избирают свое собственное, левое правительство, куда входят и члены Интернационала, готовые к противостоянию с французской армией. Маркса в прессе обвиняют в давлении на парижское отделение Интернационала и расширении

полномочий Коммуны. После отказа армии поднимать оружие против соотечественников правительство пытается обвинить Коммуну в том, что она действует по указке извне. Первым в списке обвиняемых стоит Маркс – проправительственная пресса называет его «красным кукловодом Парижской революции».

Май 1871 – Маркс представляет Генеральному Совету I Интернационала свою брошюру под названием «Гражданская война во Франции». До создания Парижской коммуны Маркс был практически неизвестен, но эта 35-страничная брошюра принесла ему славу. Его называют Доктором Красного Террора, злобным архитектором революции и критикуют в либеральной прессе от Чикаго до Вены.

Июль 1872 – в Испании основана Новая федерация Мадрида. Это первая марксистская организация в стране, созданная бежавшим сюда из Франции Полем Лафаргом. Эта небольшая марксистская группа стала родоначальницей Испанской социалистической рабочей партии.

Март 1872 – русское издание I тома «Капитала». Российские цензоры разрешают напечатать эту книгу, потому что, по их словам, «книгу эту немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее». Первый тираж в 3000 экземпляров распродан менее чем за два месяца.

Сентябрь 1872 – Пятый ежегодный конгресс Интернационала в Гааге. Маркс никогда раньше не принимал участия в Конгрессах за пределами Лондона, однако использовал это

событие для своей отставки и перевода Генерального Совета в Нью-Йорк, по сути отказавшись от руководства группой. На этом конгрессе Маркс в последний раз выступает с публичной речью, которую позже назовут самым противоречивым выступлением Маркса. По поводу нее исследователи долго спорили – считать ли Маркса убежденным пацифистом или сторонником самых решительных революционных мер.

Март 1875 – в немецком городе Гота создана Социал-демократическая рабочая партии Германии (СДПГ). Немецкий пролетариат приходит к выводу, что будет иметь больше влияния и сил, если объединится. Таким образом, происходит слияние двух основных партий Германии: Всеобщего германского рабочего союза под руководством Лассалья и Социал-демократический рабочей партии (эйзенахцы) Бебеля и Либкнехта. В 1890 году это объединение окончательно формируется в современную Социал-демократическую партию Германии.

Ноябрь 1875 – французское издание «Капитала». Первый же тираж в 10 000 экземпляров расходуется почти мгновенно. Это объясняется не только более широкой аудиторией, но и тем, что Маркс значительно переработал и дополнил издание по сравнению с немецким.

Июль 1876 – роспуск I Интернационала на конгрессе в Филадельфии, влияние организации к этому времени сильно ослабло, начались внутривнутрипартийные расколы. Оставшие-

ся десять членов Интернационала окончательно распускают организацию, создают собственные группы, одной из которых становится Социалистическая рабочая партия Америки.

Октябрь 1878 – в Германии принимают исключительный закон против социалистов. После двух покушений на императора Вильгельма канцлер Бисмарк получает почти неограниченную власть и старается обуздать растущее влияние рабочей партии. В результате принятия этого закона Маркс и другие социалисты больше не могут публиковать свои работы в Германии.

Октябрь 1879 – Жюль Гед основывает французскую рабочую партию. Французские левые были разобщены после Коммуны, отчасти потому, что их лидер находился в изгнании. Социалист Гед пытался объединить разрозненные группировки, и уже в 1880 году создается первая марксистская партия Франции – Рабочая партия.

Июнь 1881 – Генри Гайндман создает в Лондоне Демократическую федерацию и публикует работу «Англия для всех». Гайндман был одним из первых английских марксистов. Его группа придерживалась социалистических взглядов и позиционировала себя как «рабочая и для рабочих». Книга Гайндмана содержала много заимствований из «Капитала», тогда еще не переведенного на английский, и Маркс едва удержался от того, чтобы публично обвинить Гайндмана в плагиате.

14 марта 1883 – Маркс умирает в своем лондонском до-

ме. Остался незавершенным главный труд его жизни, «Капитал», а его теории понимают лишь очень немногие. На похоронах присутствует всего одиннадцать человек.

Январь 1884 – создано Фабианское общество, объединение социалистов из среднего класса и интеллектуалов. Группа вышла из недр гайндмановской Демократической федерации и первоначально называлась «Братство Новой Жизни». Отношение к социальным реформам – постепенный подход. Девиз – «Нужного момента нужно терпеливо ждать, как ждал его Фабий».

Март 1884 – Лондон отмечает первую годовщину смерти Маркса. Около 6000 человек посещают могилу на кладбище Хайгейт, чтобы почтить память Маркса и тринадцатую годовщину Парижской коммуны.

Август 1884 – Гайндман меняет название своей организации на Социальную демократическую федерацию. Это название указывает на смену акцентов деятельности группы. От простого объединения рабочих группа прошла путь превращения в социалистическую партию, вдохновленную идеями Маркса. Она стала важнейшей социалистической группировкой Англии в XIX веке.

Декабрь 1884 – Элеонора Маркс и другие выходят из рядов СДФ и создают Социалистическую лигу, заявляя, что СДФ авторитарна в своем руководстве. Новая организация намерена придерживаться марксистских принципов.

Январь 1885 – выходит II том «Капитала» (через восемна-

дцать лет после того, как Маркс обещал его издателю). После смерти Маркса Энгельс отредактировал сотни страниц рукописи, чтобы выпустить в свет второй том политической экономии своего друга. Книга посвящена памяти Женни Маркс.

Июль 1886 – встреча социалистических лидеров Франции, Германии, Англии, на которой обсуждается создание Второго интернационала. В 80-е годы XIX века идет бурный расцвет капитализма, империи развивают экономическую экспансию в колониях. Социалисты верят, что мощная международная организация поможет защитить интересы трудящихся в новых, более агрессивных политических и социальных условиях.

Сентябрь 1886 – Элеонора Эвелинг-Маркс, Эдвард Эвелинг и Вильгельм Либкнехт совершают агитационный тур по Соединенным Штатам. Группа путешествует в течение двенадцати недель, посещает тридцать пять городов и поселений, среди них даже столь отдаленные, как Канзас-Сити, и выступает практически во время каждой остановки.

Январь 1887 – английское издание I тома «Капитала». Британский юрист Сэмюэл Мур и гражданский муж Элеоноры Маркс, Эдвард Эвелинг, перевели книгу Маркса, сделав ее доступной для громадного числа читателей, причем в период наибольшего обострения социального напряжения.

Июль 1889 – в Париже создан II Интернационал. Французские социалисты принимали у себя конгресс, собравший 391 делегата – социалистов и деятелей профсоюзов из разных

стран. Организация была названа Социалистический интернационал. Во время конгресса делегаты призвали трудящихся провести 1 мая всеобщую демонстрацию и сделать это традицией.

Август 1889 – беспрецедентная акция лондонских докеров под руководством профсоюза. 60 000 докеров, самых бесправных и униженных рабочих Англии, полностью заблокировали работу порта впервые за сто лет. Забастовка длилась до середины сентября, после чего докеры вернулись к работе, добившись выполнения большей части своих требований.

Май 1890 – первая всеобщая демонстрация трудящихся в поддержку людей труда всего мира. Митинги прошли по всей Европе, в Северной и Южной Америке. Митингующие призывали ввести 8-часовой рабочий день и соблюдать права трудящихся. Крупнейшая демонстрация прошла в Лондоне, где 300 000 человек заполнили Гайд-парк.

Июль 1892 – трое рабочих получили места в английском парламенте, став членами палаты общин: Джон Бернс, Дж. Уилсон Хавелок и Кейр Гарди.

Январь 1893 – образована Независимая рабочая партия Великобритании. Эдвард Эвелинг вошел в оргкомитет с одобрения Энгельса. Политическая платформа НРП была сформулирована так, словно ее писал сам Маркс. Общая собственность, контроль над средствами производства, распределением и размером оплаты, 8-часовой рабочий день.

Шотландский шахтер Кейр Гарди стал председателем партии, стоявшей у истоков нынешней Лейбористской партии Великобритании.

Май 1894 – издателю отправлен III том «Капитала». Энгельс редактирует рукописи в течение 10 лет – этот том посвящен изучению монополизма, созданию мирового рынка и, что самое важное, – способам борьбы с ним.

1894 – Владимир Ленин присоединяется к марксистской группе в Санкт-Петербурге и едет в Западную Европу. Ленин намеревается встретиться с Георгием Плехановым, который проводит большую часть своего времени в Цюрихе и Лондоне. Плеханов – основатель первой марксистской организации в России, группы «Освобождение труда». Тогда же происходит первая встреча Ленина с Полем Лафаргом в Париже – и зять Маркса искренне удивлен, как хорошо этот молодой русский знает теорию марксизма.

5 августа 1895 – Фридрих Энгельс умирает в своем доме в Лондоне. Как и Маркс, Энгельс оставил множество незавершенных работ. И хотя он заранее передал все свои труды на попечение и редактирование Карла Каутского, Эдварда Бернштейна и дочерей Маркса, почти сразу после его кончины начались споры между последователями и поклонниками учения Маркса–Энгельса.

Январь 1905 – после того как царские войска открыли огонь по мирной демонстрации в Санкт-Петербурге, убив около 200 человек, в России начинается революция. Как и в

Западной Европе, восстания рабочих вызвали тревогу правящих кругов и бюрократии, правительство было вынуждено пойти на уступки, в том числе и законодательные. Начала работу Государственная дума. Однако, как и в 1848 году, это были всего лишь полумеры, направленные на стабилизацию неспокойной обстановки, никаких полноценных социальных реформ не последовало.

Лето 1909 года – Ленин посещает Поля и Лауру Лафарг в Дравейле. После активного участия в событиях 1905 года Ленин с семьей живет в Европе. Много времени проводит в Париже, специально предпринимает поездку в Дравейль, чтобы встретиться с зятем и дочерью Маркса и обсудить с ними некоторые работы основоположника марксизма.

Декабрь 1911 – лидеры социалистических и рабочих партий Франции, Германии, Англии, Испании и России отдают последние почести чете Лафарг. Поль и Лаура Лафарг вместе покончили с собой, чувствуя приближение старости и немощи. На похоронах Ленин предсказывает скорую победу пролетариата в классовой борьбе.

Ноябрь 1917 года – Ленин и его последователи осуществляют большевистский переворот в России. Ленин вернулся из эмиграции на родину в апреле 1917 года, после того как в марте царь Николай II отрекся от престола, власть перешла в руки Временного правительства. Ленин и большевики отказались поддерживать это правительство, захватили ключевые объекты в столице и арестовали не успевших скрыться

членов правительства. В январе 1918 года Ленин провозгласил революционную диктатуру пролетариата.

Предисловие

Впервые я наткнулась на историю семьи Маркс в небольшой статье одного из лондонских журналов. Статья была посвящена знаменитым жителям столицы Великобритании, и одна фраза потрясла меня до глубины души. В ней говорилось, что две из трех выживших дочерей Карла Маркса покончили жизнь самоубийством. Помню, как я замерла – и подумала, что, в сущности, совсем ничего не знаю о семье Карла Маркса, о его личной жизни. Для меня он всегда ассоциировался с громадной каменной головой, венчающей гранитный памятник на могиле в Хайгейте – и с бескончаемыми полками его книг в библиотеках. Я ни разу не думала о женщинах, которые были рядом с ним каждый день, заботились о нем, любили его – пока он создавал теорию, которой было суждено взорвать весь мир. Я не думала о человеке, чьи идеи помогли распространению социализма по всей Европе и помогли коммунизму укрепиться по всему миру, от России до Африки, от Азии до Карибского моря.

Я начала искать то, что помогло бы мне узнать историю этой семьи, и очень быстро выяснила, что доскональнейшим образом разобраны все его труды, теория обсуждена со всех возможных ракурсов и во всех аспектах, однако нет ни одного исследования, рассказывающего полную историю жиз-

ни семьи Маркс².

В многотомных сочинениях – ни одного сколько-нибудь полного рассказа о его жене Женни, о детях, о неродных, но очень важных членах его семейства – Фридрихе Энгельсе и Елене Демут. Можно найти сухие биографии Женни Маркс и Элеоноры Маркс, но в них нет ни слова о том, как драматична была их жизнь, какое влияние оказали эти женщины на Карла Маркса и даже на его труды.

Я начала с писем – с тысяч страниц посланий, которыми члены семьи Маркс обменивались на протяжении всей жизни, шесть десятилетий. Большая часть этих писем хранилась в московских архивах и никогда не публиковалась на английском языке. Я использовала также письма друзей и дальних родственников, в которых обсуждалась личность Маркса. Читая и изучая эти бесчисленные письма, я понемногу начинала слышать голоса живых людей, лучше понимать их реакцию на события, которые для нас являются историческими, а для них были повседневностью. Я словно участвовала в бесконечном диалоге – в течение 20 лет, например, Маркс и Энгельс ежедневно обменивались письмами, не менее обширной была и переписка всех женщин семьи Маркс. Передо мной постепенно возникал образ семьи, которая пожертвовала всем ради идеи, известной сегодня всему миру

---

² Я не могу говорить обо всей неанглийской литературе, но мне действительно ни разу не попадалось упоминания о подобных исследованиях, которые включали бы рассказ о детстве маленького Карла или смерти его последней дочери.

под безликим названием «марксизм»... но при жизни этих людей существовавшей только в мозгу Маркса. При жизни эту идею принимали немногие.

Зато я увидела воочию историю мужа и жены, страстно и беззаветно любивших друг друга всю жизнь, несмотря ни на какие трудности и трагедии, несмотря на смерть детей, бедность, болезни, остракизм общества, несмотря даже на измену, которую совершил Карл Маркс, сойдясь с другой женщиной, родившей ему ребенка. Я видела историю трех молодых женщин, обожавших своего отца и посвятивших свои жизни защите и продвижению его идей, даже ценой собственного счастья, благополучия, ценой жизни собственных детей. Я увидела историю жизни умных, страстных, веселых, отважных и, в конечном счете, трагических фигур, оказавшихся в эпицентре революционных событий в Европе XIX века. Прежде всего, это была история великих надежд, противостоявших жестокой реальности как в личном, так и в политическом плане.

Изучив личные записи Маркса, я пришла к выводу, что на протяжении 125 лет после его смерти биография этого человека много раз интерпретировалась неверно, зачастую просто лживо – иногда в политических целях, иногда по личным соображениям авторов. Так часто бывает, если речь идет о столь мощных и противоречивых фигурах, как Карл Маркс. Некоторые примеры подобных подтасовок хорошо известны: практически сразу после его смерти, в 1883 году, его

собственные соратники и последователи попытались пригладить и облагородить его биографию, исключив из нее упоминания о нищете, в которой он жил, о пьянстве, которому он был подвержен, исключив даже его юношескую кличку «Мавр»³, которую он носил во время учебы в университете.

Много позже, во времена «холодной войны» и до падения Берлинской стены, его биография стала оружием в идеологической борьбе между Востоком и Западом. Эпизоды его жизни интерпретировались в зависимости от принадлежности исследователей к тому или иному лагерю, и оценка личности Маркса колебалась в диапазоне «безгрешный святой – бессовестный грешник». Если знать, где проживает автор того или иного исследования, можно с легкостью угадать, какой вариант биографии Маркса вы прочитаете в его книге.

Недоброжелатели часто представляли его в довольно пренебрежительном тоне – как буржуа, жившего в роскоши и только делавшего вид, что ему важна борьба за права рабочего человека. Эти обвинения возникли довольно давно, еще при жизни самого Маркса, и последовали за его славой в век двадцатый, когда были предприняты новые попытки дискредитировать его как человека и главного идеолога коммунистического движения. С другой стороны, те, кто хотел сохранить Маркса на вершине социалистического пьедестала, долгие годы яростно отрицали, к примеру, тот факт, что

---

³ В русской традиции это прозвище иногда переводилось как «Черныш». – *Примеч. ред.*

он был отцом ребенка Елены Демут, Фредди. В московских архивах хранятся письма, в которых члены партии обсуждали рождение Фредди, но Иосиф Сталин, которому об этих письмах доложил Давид Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, назвал это «мелким делом» и распорядился закрыть эту часть архива. Письма не публиковались более 50 лет. Есть и другие примеры подобных подтасовок, сделанных за все годы изучения наследия Маркса; многие уже обнаружены современными исследователями и устранены, но многие, к сожалению, продолжают повторяться в современных биографических исследованиях не только жизни самого Маркса, но и в биографиях его близких.

Обратившись к источнику, я попыталась дать слово самим участникам тех событий. Особенно – женщинам семейства Маркс, чьи письма, на мой взгляд, были незаслуженно обойдены вниманием историков. Я старалась пролить свет на некоторые тайны. (Хотя хорошо известно, что сам Маркс при необходимости мог до неузнаваемости исказить факты и запутать оппонентов, – так что и мои изыскания ни в коем случае не являются истиной в последней инстанции. В таких случаях я просто пыталась показать, что версии самого Маркса в тех или иных ситуациях не стоит доверять полностью.)

История семьи Маркс – кладезь фактов и идей, поэтому у меня была возможность попытаться пролить свет и на то, как развивались его политические взгляды на фоне зарожде-

ния современного капитализма. Капиталистическая система росла и развивалась вместе с дочерями Маркса. К концу века эти женщины сражались за рабочий класс так энергично и яростно, как это и не снилось их отцу. Сражения Маркса на этом поле выглядят безобидными диспутами – дочери вступили в отчаянную и беспощадную схватку. Кстати, этот аспект семейной истории особенно меня привлек и заинтересовал.

Когда я начинала этот проект, мир выглядел совсем иначе. Мало кто сомневался в доминировании капиталистической системы, капитализм переживал свой расцвет. Однако когда я перешла от исследований к написанию этой книги, вера в непогрешимость капиталистической системы значительно ослабела, а уж после финансового кризиса 2008 года ученые-экономисты и аналитики во весь голос заговорили о пересмотре взглядов на свободный рынок и капитализм в целом, предлагая искать альтернативу. Именно в этот момент предложенные Марксом модели и идеи оказались более чем востребованы. Тогда, в 1851 году, на заре современного капитализма, он во многом ошибся, неправильно предсказав революцию; рассуждая о бесклассовом обществе будущего, не смог четко выделить принципы его построения; однако его анализ слабых сторон капиталистической системы был убийственно точным. Именно поэтому я позволила себе выйти за рамки своего собственного плана – рассказать всего лишь историю семьи Маркс – и включила в повествование

краткое изложение идей марксизма и более полное описание исторического фона, на котором проходила жизнь этой семьи, осветив при этом подробнее историю рабочего движения в Европе. В конце концов, я думаю, что история семьи была бы неполной без подобных дополнений. Эти люди жили, ели, спали, любили – а вокруг происходили политические, социальные и экономические потрясения. Любовь к Марксу – мужу и отцу – намертво сплеталась с событиями внешней жизни и связывала этих людей еще крепче.

Плутарх в своих «Жизнеописаниях» великих людей Рима и Афин, которые он писал до самой смерти в 120 году н. э., говорил, что ключ к пониманию той или иной личности следует искать не в сражениях, которые она выигрывала, и не в ее публичных триумфах – но в ее личной, интимной жизни, в характере, жесте или даже слове. Мне хочется верить, что, прочитав историю семьи Маркс, люди смогут лучше понять, каким человеком был Карл Маркс... согласно рецепту, данному Плутархом. Я также надеюсь, что читатели по достоинству оценят личности тех женщин, которые окружали Маркса. Общество, в котором они родились и выросли, диктовало женщине исключительно поддерживающую, вспомогательную роль. Мне кажется, сила духа, смелость и незаурядный ум этих женщин слишком долго оставались в тени, между тем без них не было бы Карла Маркса, а без Карла Маркса наш мир был бы совершенно иным.

При написании этой книги я руководствовалась некото-

рыми обстоятельствами, о которых и хочу предупредить своего читателя.

Члены семьи Маркс переписывались на разных языках. В их переписке можно найти письма на английском, французском, немецком языках, зачастую с обширными цитатами на греческом и латыни. Я решила избавить читателя от многочисленных сносок и ссылок и сразу использовала английский перевод, кроме тех случаев, когда цитирование на языке необходимо по смыслу письма либо когда перевод очевиден и понятен без пояснений.

Кроме того, корреспонденция зачастую содержит откровенно расистские высказывания, которые я сознательно не включила в свою книгу. Во-первых, они не имеют прямого отношения к истории семьи, во-вторых, для своего времени они считались нормой (в США еще не было отменено рабство), но совершенно неприемлемы сегодня и будут резать глаз. Обилие подобных высказываний может дезориентировать читателя. Совершенно понятно, что Маркс и Женни никогда не были расистами – они никогда не высказывали недовольствия тем, что их дочь вышла за молодого человека смешанных кровей. Сам Маркс многократно и резко высказывался против рабства. Если бы я считала, что включение подобных высказываний чем-то поможет и что-то добавит к «фамильному портрету» Марксов, я сделала бы это, не задумываясь, но мне кажется, они ничем помочь не могут, разве что дать представление об идейном, моральном обли-

ке общества в ту эпоху.

Помимо этого, Карл Маркс, Женни Маркс и Фридрих Энгельс время от времени позволяли себе антисемитские высказывания, обычно – в адрес Фердинанда Лассаля. На тему того, был ли Маркс антисемитом, существуют даже отдельные исследования. Я решила предоставить решать этот вопрос другим авторам и никак его не касаюсь. Маркс сам был евреем, и потому, как мне кажется, его антисемитские высказывания вполне можно считать просто данью эпохе, а не глубоко укоренившимся предрассудком.

Гений отвечает лишь перед самим собой; он один знает свою цель и волен выбирать для ее достижения любые средства.

Оноре де Бальзак

Пролог. Лондон, 1851

*Что-то должно прогнать в самой сердцевине,
самой сути системы, которая преумножает свои
богатства, никак не уменьшая страданий людей.
Карл Маркс*

В непроницаемом тумане Лондона они явились, словно призраки, наводнили аллеи и дома, заполнили Сохо, заселили Дин-стрит. Десятки тысяч.

Лондон времен королевы Виктории, богатейший город мира, столица Империи. Блестящий, исполненный либерализма, он, словно маяк во тьме, рассылал сигналы над неприступными волнами Северного моря для всех, лишенных дружеской поддержки и крова.

Первыми были ирландцы, бежавшие от голода и бедности, а вслед за ними хлынула новая волна – после революций, потрясших континент, в Лондон приехали немцы, французы, венгры, итальянцы. Чужая речь, чужое платье, чужие привычки ворвались в Лондон. Политические беженцы, искавшие убежища после того, как у себя дома пытались обуздать произвол монархов и добиться хотя бы элементарных свобод для своего народа. Здесь, под непрерывно моросящим дождем, в вечном лондонском ознобе и холоде любая мысль о продолжении борьбы за какие-то права казалась немыслимой и нелепой. Маяк оказался ложным, либерализм обер-

нулся миражом; великий город открыл перед ними свои ворота... но больше ничего не предложил. Люди голодали.

День и ночь не умолкала горестная какофония голосов этих пришельцев, пытающихся пробиться сквозь равнодушный гул Лондона. Чтобы выжить, они продавали последнее – верхнюю одежду, какие-то лоскуты, пуговицы, шнурки от ботинок. Гораздо чаще они продавали себя – нанимаясь на любую работу за почасовую оплату или занимаясь проституцией. Эти люди, мужчины и женщины, казались одетыми в собственное отчаяние, как в грубый плащ, и многих из них нужда толкала на преступления. Фургоны, перевозившие мясо и сыры для богатых районов Лондона, ускоряли свой ход в окрестностях Сохо и церкви Святого Джайлса – чтобы избежать почти неминуемого ограбления. Грабежи, воровство, убийства процветали, но на самом деле большинство беженцев были слишком слабы и голодны даже для того, чтобы воровать.

Они проделали долгий путь из Европы, ведомые одной лишь надеждой на лучшее, но и ей не суждено было сбыться – это сломило их дух.

В это самое время в двухкомнатной мансарде трехэтажного домика на Дин-стрит 33-летний беженец из Пруссии объявляет войну самой Системе, приговорившей всех этих несчастных к медленной смерти и нищете. Он не скрывается и не прячется – сгорбившись над единственным столом в квартире, заваленным шитьем, игрушками, разбитыми чаш-

ками и прочей ерундой, он быстро набрасывает план грядущей революции. Он не обращает внимания на непрерывный шум и гам в доме, на детей, которые безмятежно используют его самого в своих играх, то и дело взбираясь на его широкую спину...

По всей Англии вот в таких же комнатухах работают великие мужчины. Дарвин рассматривает окаменевшие ракушки. Диккенс заканчивает повесть о Дэвиде Копперфильде. Базалгетт представляет себе, как будет выглядеть единая сеть канализации, которая позволит избавить Лондон от смертельно опасных, несущих эпидемии и смерть отходов. И так же, как они, в своей комнатенке в Сохо, сжав зубами окурок сигары, неистовый Карл Маркс планирует свержение королей и капиталистов.

Революция по Марксу уже не та, какой представлялась ему в шумных пивных, во время собраний тайных обществ. Тогда они только мечтали – и в мечтах выигрывали все сражения. Не похожа она и на утопические восстания французских социалистов, мечтавших о создании нового общества, но понятия не имевших, каким образом его нужно строить.

Нет, революция Маркса будет строиться на одной, важнейшей предпосылке: ни один человек не имеет права эксплуатировать другого человека, и вся история идет к тому, чтобы однажды наступил триумф угнетенных масс трудящихся.

Однако Маркс прекрасно понимал, что эти самые угне-

тенные массы даже не осознавали себя политической силой, не говоря уж о том, чтобы претендовать на захват власти. Они не имели понятия о том, как работают политическая и экономическая системы. Маркс был уверен: если он подробно опишет исторический процесс, который привел к расцвету капитализма в середине XIX века, раскроет тайны капитализма – то создаст прочную теоретическую основу, на которой и будет построено новое, бесклассовое общество. Без такого фундамента любая борьба обречена превратиться в хаос.

Тем временем, пока Маркс создавал главный труд своей жизни, «Капитал», его собственной семье приходилось жертвовать очень многим и от многого отказываться. Впрочем, эта молодая семья уже давно знала о нужде не понаслышке. С теми несчастными, которые влачили свое существование на улице, Марксов разделяло много меньше, чем три этажа неказистого дома на Дин-стрит. В 1851 году, когда Маркс начал работать над «Капиталом», болезни и постоянный голод уже убили двоих его малолетних детей, и маленькие нищенские гробики стояли в тех же комнатах, где обедали и играли остальные дети. Супруга Маркса, Женни, дочь прусского барона, известная своей аристократической красотой, была вынуждена закладывать ростовщикам вещи, от столового серебра до обуви, чтобы расплачиваться с кредиторами, постоянно стучавшимися в двери их дома. Его сын Эдгар пропадал на улице, и дети нищих ирландских бежен-

цев быстро выучили его сначала петь, а потом и воровать.

Но больше всего Женни и Карл волновались за своих дочерей. Почти все мужчины, посещавшие дом Маркса в любое время суток, были беженцами. Детям не оставалось места ни для игр, ни для отдыха – в переполненных комнатах клубился дым сигар и трубок, шли нескончаемые и порой весьма бурные разговоры о революции. Эдгар в подобной атмосфере чувствовал себя как рыба в воде. Он буквально смаковал любые пьяные выходки или непристойности и знал, к радости Маркса, уйму революционных песен, которым научили его старшие товарищи. Однако оба, и Карл, и Женни, знали: для их дочерей единственным спасением от бедности будет нормальная жизнь и буржуазное воспитание в среде добропорядочных девиц и молодых женщин. И несмотря на искреннюю преданность революции, ни Маркс, ни Женни не хотели бы видеть спутниками жизни своих дочерей кого-то из тех, кто когда-либо поднимался в их квартиру по узенькой лестнице дома на Дин-стрит. Это были люди, чьи головы полнились радикальными идеями – но желудки всегда были пусты.

Женни проклинала судьбу, осудившую ее детей на жизнь в страшной нищете жалкой квартирке, обставленной чужой поломанной мебелью. Но как бы ни было отвратительно их жилище, еще больше она боялась пропустить один из платежей – и оказаться со всеми детьми на улице. Скучные сбережения хоть как-то поддерживали их, но таяли слишком

быстро, и чаще всего Марксы полностью зависели от доброты и бескорыстной помощи своих друзей либо от милости и добросердечия домовладельца.

Маркс уверял жену, что все эти страдания будут длиться недолго. Как только будет опубликована его первая книга, мир немедленно воздаст сторицей за все их лишения. В припадке оптимизма в апреле 1851 года Маркс говорит своему ближайшему другу и соратнику Фридриху Энгельсу: «Я уже так далеко продвинулся, что недель через пять покончу со всей экономической дрянью...»⁴

На самом деле он будет писать «Капитал» еще целых 16 лет, а когда труд выйдет, его почти никто не заметит и уж тем более – не воодушевится на революционную борьбу.

Между тем семья Маркса пожертвовала ради этой книги всем. Женни похоронила четверых из семи своих детей; три ее выжившие дочери были лишены нормального детства и девичества: некогда прекрасное лицо обезобразили болезни и постоянные страдания; в довершение ко всему ей довелось страдать и из-за измены мужа, которому родила сына другая женщина. К счастью, она не дожила до самых трагических событий жизни своих детей – две ее дочери покончили жизнь самоубийством.

В конечном итоге единственным достоянием семьи были лишь идеи Маркса, на протяжении всей его жизни бурлив-

---

⁴ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. Т. 27. М., 1962.

шие в этом могучем мозгу... но почти никем больше по достоинству не оцененные и даже толком не понятые. И все же, как ни невероятно – но именно в эти годы лишений, нищеты, болезней и горестей Маркс сделал невозможное.

Он изменил мир.

Часть I

Маркс и дочь барона

Она пробуждала истинную страсть, требовавшую удовлетворения, — и вместе с тем излучала очаровательную слабость, так, что ее хотелось защитить и поддержать.
Оноре де Бальзак {1}

1. Трир, Германия, 1835

Женни фон Вестфален была одной из самых желанных молодых женщин Трира. Разумеется, были в здешних краях и другие красотки, из куда более богатых и знатных семей, чьи отцы считались истинными аристократами и, так сказать, возглавляли рейтинги местной знати. Нет сомнений и в том, что среди этих молодых девиц были гораздо более привлекательные особы. Тем не менее все сходились во мнении, что именно в дочери барона фон Вестфалена удивительным и наиболее ярким образом сочетались редкая красота, остроумие, блестящий интеллект и достойное социальное положение среди местной аристократии, в чей круг входили как родовитые дворяне из уважаемых и старинных семей, так и недавно приобретшие титул нувориши.

Ее отец, Людвиг фон Вестфален, был советником правительства Трира, что делало его одним из самых влиятельных горожан, а кроме того – одним из самых высокооплачиваемых городских чиновников {2}. Трир с его населением в 12 тысяч человек напоминал сказочную деревеньку, раскинувшуюся на берегах Мозеля.

Отец Людвиг получил свой титул за участие в Семилетней войне. Женился он на дочери министра шотландского правительства, который был потомком графов Аргайл и Ангус {3}. Именно от своей бабушки-шотландки Женни унаследовала зеленые глаза и прекрасные каштановые волосы, а также неукротимый и мятежный дух, придававший ее чертам столько огня.

Арчибальд Аргайл был известным борцом за независимость Шотландии, казненным в Эдинбурге; другой предок, не менее известный реформатор Джордж Уишарт, был сожжен там же на костре {4}. В 1831 году 17-летняя Женни, весьма далекая от политических сражений, блистала на балах в Трире, в кругу других красавиц с их шуршащими пышными платьями и искусными прическами. Молодые люди наперебой старались пленить прекрасных дам, щеголяя короткими сюртуками и изысканными манерами, но более всего – своим богатством. Это тоже был рынок – рынок, на котором покупали и продавали выгодные партии, и юная Женни, танцуя с очередным партнером, была прекрасно осведомлена о своей цене. Внешность и социальное положение шли рука об

руку, и бархатные платья безошибочно выделяли аристократок вроде Женни в мерцающем полумраке бального зала {5}.

В апреле того года в письме родителям сводный брат Женни Фердинанд подробно перечислил всех претендентов на руку сестры, но отметил, что Женни не торопится с выбором {6}. Однако все изменилось уже летом. Женни познакомилась с молодым лейтенантом Карлом фон Паннвиц; во время одного из свиданий охваченный страстью молодой человек бурно объяснился в любви и попросил ее руки. К удивлению родителей и заботливого брата, Женни ответила согласием. Впрочем, этот ответ был дан в порыве чувств, свое поспешное решение она сама отменила через несколько месяцев, бросив вызов принятым нормам приличия и разорвав помолвку {7}. По Триру поползли слухи о скандале. Супруга Фердинанда Луиза в октябре писала, что Женни замкнулась, почти не выходит в свет, ни с кем не общается, а ее отец старается замять скандал и положить конец этим отношениям {8}.

Однако уже к Рождеству Женни оправилась от всех потрясений, и вся семья казалась счастливой и позабывшей инцидент с неудачной помолвкой. В письме к своим родителям Луиза описывает свой шок и недоумение от того, что она назвала «неуместно праздничным настроением в доме Вестфаленов». Вероятно, Женни вообще не испытывала никаких чувств к несчастному лейтенанту, иначе она воспротивилась бы столь очевидной радости со стороны домашних,

хотя бы из простого сочувствия и симпатии к отвергнутому жениху. Сколько же времени должно пройти, чтобы на место господина фон Паннвица явился другой претендент? Женихи, вероятно, слегка опешили, узнав о печальной судьбе своего предшественника {9}.

Разорвав официальную помолвку, Женни тем самым на время победила основного демона, терзавшего ее сверстниц, – демона законного брака. Она вновь вернулась в свет, однако долгое время с ее именем не связывали ни одного мужчину; даже сплетен о семье Вестфален в связи с этим не появлялось. Вместо поисков мужа Женни окунулась в иной мир: под руководством собственного отца она начала учиться, активно знакомясь с трудами немецких романтиков и французских социалистов-утопистов. Более всего ее привлекали первые – немецкие писатели, музыканты и философы {10}.

Их идеалом была жизнь ради высоких идей, они отвергали всякое насилие над личностью, все, что означало бы несвободу. Высшим благом для них было творчество, оно и стало новой философией. Искусство провозглашалось наилучшим способом взаимодействия людей в обществе. Успех необязателен, главное – следовать за своей мечтой, своими идеалами, невзирая на то, чего это может стоить {11} творцу. Важнее внешнего блеска становился внутренний, духовный, божественный свет {12}.

Для Женни, все еще пытавшейся пережить свой малень-

кий бунт против помолвки и нежеланного брака (а по тем временам его и маленьким не назовешь, скорее – настоящей революцией), романтизм казался героическим и волнующим мировоззрением; было в нем и то, что особенно привлекало молодую девушку в связи с ее личными обстоятельствами. некоторые из романтиков горячо поддерживали идею равноправия женщин с мужчинами. Немецкий философ Иммануил Кант провозгласил: ни один человек, зависмый от другого человека, не может считаться человеком в полной мере, он теряет свое «я» {13} и превращается в вещь. Подобное утверждение напрямую касалось женщин, которые испокон века считались собственностью – сначала своих отцов, а потом мужей. Романтики предлагали полную свободу для всех, мужчин и женщин в равной степени; свободу не только от социальных условностей и жестких ограничений, но в конечном итоге – свободу от правителей, владеющих людьми на протяжении многих столетий на основании их собственного утверждения, что они – наместники Бога на земле.

К тому времени, как в феврале 1832 года ей исполнилось 18, Женни фон Вестфален полностью погрузилась в эти уроки; одновременно мир вокруг нее все отчетливее разделялся на два больших лагеря. Сторонники одного из лагерей мечтали о свержении правителей, другие защищали их всеми возможными способами, стремясь сохранить статус кво. Это разделение было заметно даже внутри семьи фон Вестфален: будучи прусским чиновником, отец Женни боготворил гра-

фа Клода Анри де Сен-Симона, родоначальника французского социализма {14}. Пристрастия отца захватили и дочь, хотя барон фон Вестфален вряд ли мог предположить тогда, к чему это приведет. Он давно уже исповедовал кредо равенства и братства. Ему было 8 лет, когда Наполеон захватил Западную Пруссию. Здесь хорошо помнили и самого Наполеона, и его Кодекс, и уроки Французской революции – равенство всех перед законом, права человека, веротерпимость, отмена крепостного права и единая система налогообложения достались Пруссии в наследство от Франции {15}.

Однако французское влияние в Западной Пруссии выходило далеко за рамки социального устройства, оно ощутимо влияло на будущее страны в целом. Французские революционеры и философы Просвещения верили в то, что человеку изначально присущи доброта и стремление к благим целям, что люди немедленно начнут создавать лучшее, справедливое общество, едва только освободятся от тирании тех, кто подчиняет их себе {16}. В этом новом свободном обществе все достижения будут оцениваться по заслугам, а не по праву рождения – доктрина, весьма привлекательная для нового, стремительно разрастающегося класса капиталистов-промышленников {17}. Тем не менее, как всегда бывает при насильственном введении иностранных законов и порядков, граждане порабощенной страны – Пруссии – вели долгую и непрекращающуюся борьбу против французов. В 1813 году Людвиг, бывший одним из агитаторов Сопротив-

ления, был осужден за государственную измену и приговорен к двум годам заключения в саксонской крепости. Правда, очень скоро он был освобожден – Наполеон потерпел поражение при Лейпциге. Хотя он и выступал против французов, мировоззрение его практически не изменилось, как и у многих его соотечественников {18}.

В 1830 году из Франции вновь пришли отзвуки беспорядков. Июльское восстание закончилось свержением короля Карла X, который проигнорировал требования новой буржуазии: банкиров, чиновников и промышленников, чья власть зиждилась на деньгах, а не на титулах и землях. Король попытался отменить реформы своего предшественника, пытавшегося дать народу хотя бы ограниченный вариант Конституции {19}. Карл был низложен, а вместо него на трон взошел «гражданин-король» Луи-Филипп, которого историк Алексис де Токвилль характеризовал как человека, «стремящегося совместить страсть к революции и любовь к материальным благам» {20}. Буржуазия и средний класс по всей Европе были воодушевлены воцарением этого монарха, поскольку видели в нем реальную возможность увеличения своих капиталов и усиления влияния на французскую экономику. Поклонники политики Луи-Филиппа выходили на улицы и требовали реформ. Восстания прокатились по всей Европе. Наиболее жестко волнения были подавлены в Польше, однако были и победы: Бельгия обрела независимость от Голландии, во многих странах произошли значительные

изменения на среднем государственном уровне, на этой арене появились совершенно новые игроки. Прежде всего, к таковым следовало отнести буржуазию, провозглашавшую главенство либерального, индустриально ориентированного общества {21}. Кроме того, быстро оформлялся многочисленный, но игнорируемый ранее класс – пролетариат, чьими руками на самом деле и создавалось это самое индустриальное общество. Наконец, Французская революция вывела вперед социалистов, политическое движение представителей среднего класса, провозглашавшее, что человек является членом единого общества и потому несет определенные обязанности перед своими собратьями {22}.

В своих ранних проявлениях социализм был вполне добропорядочной философией, приемлемой для христианской, католической Франции, однако за ее пределами нарастающий вал требований реформ внушал правительствам все большую тревогу. Правители Германии, напуганные беспорядками, обрушили на протестующих жестокие репрессии. В результате 39 немецких государств и областей, в первую очередь Австрия и Пруссия, объединились в Германский союз; двери в свободу захлопнулись с решительным лязгом, пресекая возможность созидания нового общества. Знать не желала уступать ни крупицы своих привилегий.

Тем не менее группа, назвавшаяся «Молодой Германией», продолжает агитационную работу среди населения, большая часть которого чувствует себя обманутой прусским коро-

лем Фридрихом Вильгельмом III, который еще 15 лет назад, во время борьбы с Наполеоном, посулил народу Конституцию {23}. Тогда люди откликнулись на его призыв сражаться, буржуазия вложила свои деньги в эту борьбу, поддерживав обедневшую и не располагающую средствами аристократию, и Наполеон был разгромлен. Однако Бундестаг, выбранный после 1815 года, состоял исключительно из принцев и королей; как назвал его один из обозревателей, «общество взаимного страхования правителей-деспотов» {24}. Они увековечили память павших за свободу страны мраморными статуями, но даже и пальцем не шевельнули, чтобы провести в жизнь реальные социальные реформы {25}. Более того, члены нового правительства использовали свои полномочия для дальнейшего подавления инакомыслия и ограничения свобод {26}. Начались аресты и преследования агитаторов и активистов протестного движения {27}.

Сводный брат Женни фон Вестфален Фердинанд был на 15 лет старше сестры. Его родила первая жена барона, Лизетт. Во взглядах Фердинанд был столь же консервативен, насколько либерален был его отец. В 1832 году Фердинанд увлеченно строил свою карьеру в прусском правительстве и гордился тем, что служит королю. Отец же с не меньшим увлечением изучал труды тех самых социалистов, против которых так активно действовало прусское правительство. Людвиг фон Вестфален хорошо расслышал знакомый призыв своей юности: «Свобода – Равенство – Братство».

Он видел, что теория социалистов подтверждается на практике – число бедняков в Трире резко возросло, не в последнюю очередь в результате торговых и налоговых реформ. По некоторым данным, к 1830 году каждый четвертый житель зависел исключительно от благотворительности, обострились и все социальные «болезни», напрямую связанные с нищетой: воровство, попрошайничество, проституция и инфекционные заболевания {28}.

Людвиг был уверен, что общество не должно оставлять людей на произвол судьбы, он чувствовал свою ответственность за их страдания. Он начал горячо пропагандировать свои идеи, излагая их всем, кто готов был его слушать. Помимо Женни, самым внимательным слушателем оказался один юноша, сын коллеги барона.

Юношу звали Карл Маркс {29}.

В 1832 году Марксу было 14 лет, и он учился в государственной гимназии Фридриха-Вильгельма вместе с младшим сыном Людвига, Эдгаром. Хотя юный Карл показывал отличные успехи в греческом, латыни и немецком, математика и история у него хромали; он вообще почти не выделялся среди одноклассников {30}. Он немного шепелявил и оттого был застенчив {31}. Под руководством Людвига он страстно увлекся литературой, особенно Шекспиром и великими немецкими романтиками Шиллером и Гёте. Кроме того, Маркс постепенно впитывал идеи социалистов-утопи-

стов, труды которых в те годы читались им с не меньшим интересом, чем пламенные стихи и пьесы. 62-летний Людвиг и его юный друг бродили по холмам над широким и томным Мозелем, углублялись в величественный сумрак сосновых лесов – и обсуждали новые идеи. Позднее Маркс вспоминал то время как счастливейшее в своей жизни. К нему, как к равному, относился взрослый, образованный человек, аристократ и интеллектуал {32}. В свою очередь Людвиг тоже был рад этим беседам и ценил их, поскольку они продолжались несколько лет. Возможно, поначалу он был несколько удивлен живостью этого юного ума, поскольку знал о весьма невеликих успехах Маркса в гимназии, но удивляться на самом деле было нечему: на протяжении нескольких веков, с XIV столетия, со времен средневековой Италии, генеалогическое древо семьи Маркс с обеих сторон включало имена самых известных раввинов Европы. Если Вестфален происходил от прусских и шотландских воинов, то Маркс был потомком иудейских мыслителей, чей авторитет в религии распространялся и на политику.

В Трире раввины из рода Маркс жили с 1693 года {33}. Один из них, предок отца Маркса, Иешуа Гешель Львов, в 1765 году, за несколько лет до американской войны за независимость и более чем за два десятилетия до Французской революции, написал трактат «Респонса: Лик Луны», в котором проповедовал демократические принципы. Репутация его была столь высока и безупречна, что ни одно решение в

еврейском сообществе не принималось без его согласия. Дед Карла Маркса, Мейр Халеви, умерший в 1804 году, был известен в Трире уже как Маркс Леви, а став главным раввином Трира, окончательно принял фамилию Маркс. Семейная традиция продолжилась и при Карле – его дядя Самуил был главным раввином Трира до 1827 года, а дед по материнской линии – раввином Нимвегена в Голландии {34}. Обязанности раввинов включали в себя духовные наставления и практическую помощь членам сообщества, и в годы социальных потрясений именно раввины становились едва ли не единственной реальной властью для всех городских иудеев {35}.

До и после французской оккупации на евреев смотрели с недоверием, а то и попросту враждебно. Они всегда считались изгоями в христианском мире. Однако в период с 1806 по 1813 год, когда страна находилась под контролем французов, евреи впервые узнали, что такое равенство. Отец Карла, Гешель Маркс, с умом воспользовался этой передышкой – и получил юридическое образование, став первым евреем-юристом в Трире, заняв достойное место в городском сообществе и даже возглавив местную ассоциацию адвокатов в качестве ее президента {36}.

Он, как и Людвиг фон Вестфален, был скорее французом по убеждениям, нежели пруссаком. Он знал наизусть Вольтера и Руссо {37}, и несомненно, что будущее он хотел видеть их глазами, представляя людей свободными от стра-

хов и предрассудков – например, тех, которые не позволяли евреям получать образование и занимать государственные должности. Однако после поражения Наполеона в 1815 году прусское правительство аннулировало права, предоставленные евреям, и вновь запретило им занимать государственные должности. Годом позже последовал запрет заниматься адвокатурой. Только три человека в Пруссии, в самой западной ее части, пострадали от этого запрета, Гешель Маркс был одним из них, и это обстоятельство повлияло на его решение сменить вероисповедание. Выбор был непрост: креститься и продолжать профессиональную деятельность – или остаться евреем {38}. Гешель выбрал профессию. В 1817 году, в возрасте 35 лет, Гешель Маркс стал лютеранином по имени Генрих Маркс {39}.

К этому времени он был уже три года женат на Генриетте Пресбург. Она не получила образования и не была особенно умна, но происходила из богатой и влиятельной семьи голландских евреев. У семейной пары уже было двое детей, а еще через год, в 1818-м, родился мальчик, которого называли Карлом {40}. К чести Генриетты надо сказать, что пока были живы ее родители, вере предков она не изменила, крестившись сама и крестив детей только в 1824 году {41}, да и тогда это было сделано исключительно из практических соображений. Карл, которому исполнилось 6 лет, не смог бы посещать публичную школу, будучи евреем {42}.

Таким образом, юный Карл рос в буквальном смысле сло-

ва на оживленном перекрестке нескольких культур и конфессий. Лютеранско-еврейская семья, преимущественно католическое окружение в городе – и воспитание, полученное от двух незаурядных мужчин, отца и наставника, которые служили прусской короне, неукоснительно выполняя все ее репрессивные законы, но втайне поклонялись французским философам-вольнодумцам, проповедовавшим идеи свободы и равенства, а в случае с Вестфаленом – еще и первым социалистам {43}.

Многие биографы утверждают, что Вестфалены и Марксы были соседями. Действительно, в год рождения Карла Марксы жили всего в нескольких улицах от особняка семьи фон Вестфален. Однако позже, в 1819 году, они переехали в небольшой домик на Симеонштрассе, недалеко от оживленного городского рынка и совсем рядом с массивным темным зданием Порта Нигра, чьи мрачные стены, казалось, вот-вот рухнут под тяжестью своего шестнадцативекового возраста.

Вестфалены жили на юге города, на Нойштрассе, недалеко от реки, в высоком доме с элегантными узкими окнами, ясно дававшем понять, что это – жилище богатых и знатных людей.

Два дома – два мира, разделенных огромной дистанцией. Дом Вестфаленов сверкает роскошью, здесь на семейных праздниках читают вслух Гомера, Данте и Шекспира, а на латынь и французский переходят так естественно, словно это родные языки собравшихся. Гостей развлекают остроумны-

ми скетчами и чтением стихов, а многочисленная прислуга тем временем накрывает столы – и эти изысканные застолья длятся до глубокой ночи, когда тишину ночных улиц нарушает грохот разъезжающихся экипажей {44}.

Какой контраст с домом Марксов, где к 1832 году было уже 8 детей. Отец Карла – интеллектуал и книголюб, он редко разговаривает, предпочитая проводить время за книгой. Мать по-прежнему плохо говорит по-немецки, с сильным голландским акцентом. Она не вхожа в светское общество Трира, и все ее интересы касаются исключительно нужд семьи. Это дом, полный любви – но радостным и процветающим его не назовешь. Генрих много работает, и у семьи появляется возможность купить два небольших виноградника – однако достатка так и нет. Карл уважает отца, хотя и частенько идет против его воли и советов. А вот с любящей матерью отношения у него с детства довольно напряженные. Похоже, именно ее он обвиняет в той мрачной атмосфере, что наполняет их дом {45}.

И все же, несмотря на различия между двумя семьями, их жизни странным образом переплетены. Людвиг фон Вестфален и Генрих Маркс – протестанты и входят в одну и ту же небольшую – около двух сотен человек – протестантскую общину. Равны в социальном и профессиональном смысле.

Карл Маркс и Эдгар фон Вестфален – одноклассники. Эдгар на самом деле был лучшим другом Маркса в школе. Софи Маркс, старшая и самая любимая сестра Карла, дружит с

Женни фон Вестфален {46}.

Дети часто посещают то один дом, то другой, и вполне возможно, что впервые Женни обращает внимание именно на школьного товарища своего брата – а не на ученика своего отца. Эдгар был на 5 лет младше девушки, и кроме того, он – единственный ее единокровный брат. Как она признавалась много лет спустя в письме к подруге, «он был кумиром моего детства и отрочества, единственным верным другом и компаньоном» {47}.

Эдгар был симпатичным юношей с правильными чертами лица и густыми волосами. Обликом он походил на молодого поэта, однако особенным интеллектом не блистал, и его мальчишеские выходки часто бывал безрассудны, к тому же он был сильно избалован родителями и старшей сестрой. Усидчивого, дисциплинированного Карла сочли хорошей компанией для молодого фон Вестфалена. Как бы там ни было, с подачи Эдгара Карл довольно быстро сделался частым и желанным гостем в семье барона, а вскоре и его первым учеником. Людвиг обратил внимание на пытливый ум мальчика и оценил его блестящие умственные способности. Возможно, и Женни не осталась равнодушна к молодому человеку, которого так высоко ценили два самых любимых ее мужчины.

В 1833 и 1834 годах кампания правительственных репрессий приблизилась вплотную к обеим семьям. До этого момента школы в Пруссии были практически свободны от вли-

нения и надзора властей, поскольку основной упор делался на изучение идей немецкой философии (таким образом правительство надеялось ослабить влияние французских идей – укрепляя отечественную философию) {48}. Однако после смерти в 1831 году величайшего немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля некоторые его последователи ступили на опасную территорию, делая основной упор на ту часть его трудов, где говорилось о неизбежности перемен. Прусские чиновники встревожились и начали контролировать школы и университеты, чтобы искоренить радикализм. Радикально настроенные круги трактовали «изменения по Гегелю» исключительно в политическом смысле {49}. Согласно секретному правительственному отчету, некоторые учителя в школе Маркса были замечены в излишнем либерализме, а студенты и учащиеся читали запрещенную литературу и писали революционные памфлеты. В итоге один из студентов был арестован, а популярный в Трире директор гимназии уволен со своего поста {50}.

В самый разгар этих событий Генрих Маркс выступил с речью, направленной против политики правительства, в клубе, членом которого являлся и Людвиг фон Вестфален. Клуб «Казино» считался одним из самых респектабельных и эксклюзивных частных клубов, в стенах которого объединились военные, юристы и бизнесмены. На собрании в январе 1834 года встретились наиболее либеральные его члены. Генрих Маркс помогал организовать эту встречу и обратил-

ся к собравшимся с приветствием. Он «поблагодарил» императора за строгую диету, на которой он держит всех, желающих высказать свое мнение. Несмотря на то что Генрих говорил довольно искренне, его слова сочли чересчур ироничными и оскорбительными. Чиновники забеспокоились, заподозрив призыв к протесту против действий официальных властей. Несколько недель спустя в клубе прошло очередное собрание, и на этот раз речи (большинство которых было посвящено французскому восстанию 1830 года) стали поводом для запрещения «вольнолюбивых песен», в частности французской «Марсельезы», которую сочли прямым подстрекательством к мятежу против монархии и уравнивали с вывешиванием красного флага (символа восстания). Чиновников тревожило не только то, что эти песни пели, но то, что текст этих песен знали наизусть даже так называемые «столпы общества», ранее считавшиеся вполне благонадежными гражданами. «Революционный дух» (по определению одного из офицеров, присутствовавшего на собрании) никак не мог служить основанием для увольнения или исключения из клуба, и потому за всеми членами была установлена слежка. Генрих Маркс попал под подозрение властей одним из первых {51}.

Карлу в это время было 16 лет. На юношу произвело огромное впечатление и увольнение любимого директора, и несправедливые обвинения в адрес отца. Легко себе представить, как бы он отреагировал на реальные репрессии. Ес-

ли раньше понятия свободы и равенства перед законом были для него в большей степени абстрактными, то теперь юный Маркс столкнулся с реальным противодействием государства этим идеям. Карл Маркс видел бессилие человека перед государственной машиной, чувствовал на себе, каково это – быть униженным за свои убеждения, не иметь возможности противостоять этому унижению.

Биограф Маркса, Хэл Дрейпер, отмечает, что жесткий режим прусского государства привел к неожиданным последствиям – «революционерами стали вполне лояльные сторонники мягких реформ». Действительно, усилия правительства по подавлению любых разговоров о демократии и социализме лишь способствовали тому, что эти проблемы стали обсуждать в узком кругу, чуть ли не шепотом, но повсеместно: от школ до обеденного стола. Охвачен этими обсуждениями оказался почти весь социальный спектр. И чем больше эти проблемы обсуждались, тем менее «импортными», французскими становились сами понятия демократии и социализма; они превратились в собственно немецкие {52}.

В 1835 году в Трире выходит памфлет отца германского социализма, Людвига Галля. Общество в нем представлено разделенным на два больших лагеря: рабочих, которые производят все материальные блага, и правящего класса, который этими благами беззастенчиво пользуется {53}. Генрих Гейне становится самым популярным поэтом Германии, несмотря на запрет его произведений. Гейне переехал в Па-

риж после того, как властями был выписан ордер на его арест (один из министров даже настаивал на казни) {54}, и его протестные стихи, описывающие эту принудительную ссылку, с энтузиазмом переписываются и копируются в школах и университетах, поскольку студенты составляют наиболее активную часть протестно настроенного населения.

Неудивительно, что в такой обстановке атмосфера в доме Вестфаленов постепенно накаляется.

Женни, Эдгар и Карл воспитывались не только на творчестве романтиков, которые были склоны лишь громко обличать несправедливость; они уже неплохо были знакомы и с трудами социалистов, которые перекладывали всю вину за социальные болезни общества на новую экономическую систему, вынуждающую фермеров уходить с их земли в город, а ремесленников – поступать на фабрики.

Германия по-прежнему отстает от Великобритании в промышленном развитии, но Рейнская область является самой развитой в индустриальном плане частью страны, и наглядным примером этого может служить появление новых богатей в Трире – и рост количества бедняков. Марксу достаточно было просто оглядеться вокруг, чтобы увидеть фигуры, которые отбрасывают тени...

В 1835 году семнадцатилетний Карл готовится к отъезду в университет. В школьном эссе, посвященном выбору будущей профессии, он удивительно вдумчиво рассматривает человеческое честолюбие, неумение адекватно оцени-

вать свои способности из-за отсутствия жизненного опыта и то, что сам он называет «отношениями в обществе», из-за которых (точнее сказать, из-за социальной принадлежности своего отца) он заранее вынужден ограничивать круг своих интересов и устремлений. Завершая работу, Маркс пишет: **Но ГЛАВНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН НАС НАПРАВЛЯТЬ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ, ЯВЛЯЕТСЯ БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**, наше собственное совершенствование... Человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага. Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком... Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это – жертва во имя всех; **ТОГДА МЫ ИСПЫТАЕМ НЕ ЖАЛКУЮ, ОГРАНИЧЕННУЮ, ЭГОИСТИЧЕСКУЮ РАДОСТЬ, А НАШЕ СЧАСТЬЕ БУДЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ МИЛЛИОНАМ**, наши дела будут жить **ТОГДА** тихой, но вечно действенной жизнью, а **НАД НАШИМ ПРАХОМ ПРОЛЬЮТСЯ ГОРЯЧИЕ СЛЕЗЫ БЛАГОРОДНЫХ ЛЮДЕЙ** {55} ⁵.

---

⁵ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956.

В этого романтического бунтаря не могла не влюбиться Женни фон Вестфален. Романтический провинциальный юноша, почти мальчик, осмеливался объявить себя орудием усовершенствования целого мира; он воплощал в себе черты героев тех книг, что давал ей отец. Он был и Вильгельмом Мейстером Гёте, и Карлом фон Муром Шиллера, и Прометеем Шелли, прикованным к скале за то, что посмел бросить вызов тирании богов. Этот молодой человек был на четыре года младше ее – но уверенность была из него ключом, смелость была непомерна, он был абсолютно убежден в силе своего интеллекта (хотя и понятия не имел, куда эти самоуверенность и интеллект могут его завести)... одним словом, Женни нашла своего кумира.

Несмотря на все громче звучащие призывы к гендерному равенству, женщины с романтическими взглядами начала XIX века могли в лучшем случае надеяться стать опорой и поддержкой для мужчины, решившего воплотить в жизнь свои смелые мечты (и это потребовало бы от них почти полного самоотречения). Такой же путь ждал Карла и Женни. Доподлинно неизвестно, признались ли они друг другу в любви тем летом, перед отъездом Маркса из Трира в Бонн, но через год, в 1836-м, Женни фон Вестфален тайно согласилась выйти замуж за Карла Маркса.

2. Берлин, 1838

Поставьте меня во главе армии, состоящей из таких же, как я, – и из Германии получится республика, по сравнению с которой Рим и Спарта будут выглядеть женскими монастырями.
Фридрих фон Шиллер {1}

Первый год Маркса в университете был буквально утоплен в алкоголе. Семнадцатилетний бунтарь, покинувший Трир с целью посвятить всего себя служению человечеству, снял самые дорогие апартаменты, доступные студенту в Бонне, вступил в университетский Клуб поэзии и стал президентом вполне буржуазного Клуба таверн. Он отрастил бородку и длинные растрепанные кудри, а однажды провел ночь в участке, куда был заключен за «пьяное буйство». Ему угрожал арест за ношение пистолета, и он дрался на саблях, вызывая на дуэли аристократов из другого, враждебного клуба. Маркс прекрасно проводил время со своими однокурсниками, воздавая дань исключительно шампанскому. Немногие письма, которые он посылал домой, содержали исключительно просьбы о деньгах, и он все глубже залезал в долги.

Это было несколько не то начало взрослой жизни, о котором отец Карла мечтал для своего сына. Карл был первым в семье, кто поступил в университет, и в день его отъезда, 15 октября 1835 года, вся семья в четыре утра отпра-

вилась на пристань провожать его. Он был старшим сыном, в нем воплотились все надежды на будущее, и отец надеялся, что Карл станет поддержкой и опорой, моральной и финансовой, для своей матери и пяти сестер. Отец мечтал, что Карл заложит первый камень в основание того, что впоследствии можно будет назвать наследием Генриха Маркса. Кроме того, Карлу предоставлялась возможность вырваться из тесного круга ортодоксальных еврейских традиций, и отец уже предвкушал, какие горизонты и широкие дороги откроются перед его сыном – от изучения закона до политики или литературы... {2} Гордясь своим сыном, Генрих Маркс написал ему в Бонн вскоре после того, как Карл начал учиться: «Я бы хотел видеть в твоём лице того, кем бы я мог стать, приди я в этот мир с твоими благоприятными перспективами. Ты можешь воплотить или разрушить мои самые сокровенные мечты» {3}.

Вряд ли Карл прислушался к этим словам на первом году учебы в университете. Студенческая жизнь поглотила его целиком. Он поступил на юридический факультет, записавшись на десять курсов в течение года. Влекли его философия и литература, кроме того, он открыл в себе и некоторый поэтический дар. Отца беспокоила такая активная жизнь молодого студента, и он писал Карлу: «Нет ничего более печального, нежели болезненный ученый» {4}.

Кроме того, он дружелюбно, но честно признавался, что не понимает поэзию Карла: «Короче говоря, дай мне хоть ка-

кой-то ключ к пониманию, ибо я признаю, что твои стихи – не для моего разума» {5}. Простодушно и лукаво спрашивал: «И разве дуэли так уж связаны с философией?» {6}

Время от времени Генрих приходил в ужас от непомерно-го эгоизма Карла. Он изо всех сил пытался понять сына, которого то и дело кидало в крайности: то он хотел быть адвокатом, то драматургом, то поэтом, то театральным критиком. Генрих и Генриетта умоляли сына проявить сдержанность, побережь и собственное здоровье, и репутацию их семьи, а также, что немаловажно, их деньги.

Весной 1836 года Карл дрался на дуэли и серьезно повредил глаз. Это уже нельзя было назвать легким шрамом, украшающим мужчину, – это было серьезное ранение. И это обстоятельство вынудило родителей настаивать, чтобы Карл покинул Бонн и перевелся в более уважаемый Берлинский университет {7}. 22 августа 1836 года Маркса отпустили из Боннского университета, снабдив его рекомендательным письмом, в котором отмечались его незаурядные успехи в учебе, однако особо отмечалось невоздержанное поведение: «На один день он был взят под стражу на нарушение общественного порядка в нетрезвом виде в ночное время... Впоследствии в Кельне ему было предъявлено обвинение в незаконном ношении оружия». Впрочем, в пользу Карла говорило то обстоятельство, что он никогда не принимал участия в незаконных собраниях и не состоял ни в каких тайных организациях политического толка, что

было характерно для студенчества тех лет {8}.

Женни фон Вестфален была хорошо осведомлена обо всех выходках Карла – ей подробно рассказывала обо всем подруга, Софи Маркс, никогда не забывавшая дополнять письма отца сердечными словами, полными любви и нежности к брату, известий от которого она всегда ждала с замиранием сердца. Приключения Карла для тихого Трира казались настоящей экзотикой. Даже то, что он бессовестно транжирил деньги родной матери, оправдывалось – ведь жизнь в гостинице наверняка не дешева.

Он не был дома всего десять месяцев, но если из Трира уезжал мальчик, то вернулся – мужчина, повзрослевший как физически, так и интеллектуально, духовно. Женни тоже изменилась. Ей исполнилось 22 года, и она была в расцвете своей красоты и очарования {9}. Встретившись, эти двое испытывали неожиданное смущение и растерянность – хотя и знали друг друга много лет, и были не только хорошими друзьями, но еще и учениками одного учителя – отца Женни. В письме Карлу, вспоминая ту их встречу после разлуки, Женни пишет: «О, мой дорогой, как же ты взглянул на меня в тот раз! Как быстро отвел глаза – и то же самое сделала я, а затем ты снова посмотрел мне в глаза, и я не отвела взгляд. Так продолжалось до тех пор, пока мы оба не замерли – и уже не сводили друг с друга глаз...» {10}

Где-то в промежутке между августом и октябрём, когда Карл уезжает в Берлин, эти двое тайно обручились. Семья

Маркса об этом знала, семья Вестфален оставалась в неведении. Со стороны родственников невесты наверняка последовали бы возражения – слишком многое их разделяло, начиная с возраста Женни (она была старше на 4 года) и заканчивая тем, что у Карла не было ни средств, ни внятного будущего. Однако самое большое, хотя и не называемое различие крылось в их социальном статусе. В жесткой иерархии прусского общества подобный союз считался почти невыполнимым. Дочери аристократов, конечно, могли бы снизойти к более простым по происхождению молодым людям, но вряд ли кто-то из родителей легко согласился бы на подобную жертву. Кроме того, перед влюбленными стоял и вопрос религии. Несколькими годами позднее Карл Маркс яростно отреагировал на предположение, что его еврейское происхождение могло помешать их браку, но известно, что Маркса всю жизнь и друзья, и враги считали евреем. Маловероятно, чтобы даже немалые достижения Маркса-отца могли стереть память об этом из умов жителей Трира (в Рейнской области даже брак между католиками и протестантами считался спорным и с трудом приемлемым) {11}. Генрих Гейне, еврей по рождению, с большой неохотой отказавшийся от своей религии, называл смену вероисповедания «разменной картой в культуре Европы». Впрочем, даже и это не гарантировало согласия на брак {12}.

Карл и Женни, которых поддерживала только семья Маркс (Генрих Маркс говорил, что чувствует себя героем ро-

мантической новеллы {13}), решили пока держать помолвку в секрете и скрывать свои отношения до тех пор, пока родители Женни не сочтут их брак возможным. Сгорая от сдерживаемой страсти, Маркс отправился на пять дней в Берлин – на разведку. Он твердо решил старательно учиться и строить карьеру, чтобы показать себя независимым человеком, достойным стать мужем Женни {14}.

Со своей стороны, Женни просто ждала его. Она больше не была той пылкой семнадцатилетней девочкой, которая в порыве страсти дала согласие на брак с влюбленным в нее офицером и мгновенно разочаровалась, поняв, что ее привлекли в нем только внешность и умение хорошо танцевать. Карла она полюбила по-настоящему. Предвкушение той битвы, которую ей предстояло выдержать в обществе, лишь придавало остроты их отношениям.

Впрочем, они оба понимали: успехи Маркса в учебе лишь добавят ему очков в глазах родителей Женни и будут способствовать его блестящей карьере – а в том, что она будет именно блестящей, сама Женни не сомневалась. Нет сомнений, что и Маркс это понимал. Однако произошло то, что будет происходить с Марксом на протяжении всей его жизни: как только он чувствовал какое-то давление или был вынужден что-то делать против своего желания, его мгновенно начинал раздирать дух противоречия. В его жизни всегда будет еще одна непрочитанная книга, еще один невыученный язык, еще одна непокоренная вершина... В Берлине Маркс

таких вершин нашел столько, что хватило бы на всю жизнь.

Во время первого семестра Маркс поддался тому, что один писатель романтически определил как «культ одинокого гения». Возможно, одной из причин этого стал Берлинский университет: он был почти в три раз больше Боннского, в нем учились две тысячи студентов; а может быть, и сам Берлин с его 300-тысячным населением. Это был второй по величине город Германского союза после Вены {15}. Возможно и то, что Маркс просто достаточно глубоко погрузился в академическую культуру. Берлинский университет был одним из самых выдающихся университетов Европы, в нем приветствовались самостоятельные научные изыскания {16}. Совокупность всех этих факторов, к которым примешивалась еще и тоска по Женни, превратили Маркса в ходячий призрак, о чем отец его писал с горечью и иронией: «...беспорядочные метания по всем областям знаний сразу, мрачная задумчивость при тусклом свете керосиновой лампы; он превращается в одичавшего ученого – вечно сидит в халате, с растрепанными волосами над книгами, вместо того чтобы посидеть с кружечкой пива; нелюдимый, переставший соблюдать все правила приличия... все силы тратящий лишь на бездумное и безумное обогащение собственной эрудиции...» {17} Генрих умолял сына встряхнуться, привести себя в порядок. Он пытался убедить Карла, что и поэзии должно быть присуще соблюдение правил и порядка. Однако к тому времени сын уже слишком отдалился от него, чтобы

следовать этим мольбам и советам.

Маркс объяснил свое состояние, названное им самим «моментом перехода», в длинном и подробном письме отцу. Он написал его через год учебы в Берлине, и это единственное сохранившееся письмо того периода.

«Дорогой отец!

Когда я покинул вас, для меня открылся совершенно новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви. Даже путешествие в Берлин, которое при других обстоятельствах привело бы меня в величайший восторг, оставило меня холодным. Оно даже сильно расстроило меня, ибо скалы, которые я увидел, были не менее непреклонны и горды, чем мои чувства, обширные города не более оживленны, чем моя кровь, обеды в гостинице не более обильны и неудобоваримы, чем тот рой фантастических образов, который я носил в себе, и, наконец, искусство не так прекрасно, как Женни...»⁶

Он описывает то, как порвал со всеми личными связями и заперся в своем кабинете, пытаясь забыть в работе. Больше всего его тянуло к поэзии, и он написал для своей Женни целых три сборника стихов, однако сам же и охарактеризовал их как «несоответствующие той степени безграничной тоски», которую он испытывал.

Вслед за поэзией он ринулся изучать право и классиче-

---

⁶ Русский перевод дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса 1835–1871 гг. М., 1983.

ские тексты. Проштудировал уголовное, гражданское и римское право, перевел на немецкий две первых книги Римского гражданского кодекса («Пандект») и написал собственный очерк по философии права на 300 страниц. Он перевел часть «Риторики» Аристотеля с древнегреческого, «Германию» Тацита и «Скорбные песни» Овидия («Тристиа») с латыни. Еще он начал самостоятельно изучать английский и итальянский языки и написал юмористическую повесть «Скорпион и Феникс», а также пьесу «Оуланем», чей сюжет был навеян «Фаустом». И вот после этих титанических, без преувеличения, трудов он пишет о себе: «Однако все это не очень меня обогатило» {18}.

Зато он совершенно определенно получил в результате нервный и физический срыв, и доктора строго предписали ему покинуть город и некоторое время отдохнуть в деревне. Последовав этому совету, Маркс пешком прошел около четырех миль к юго-востоку от университета – и остановился в рыбацкой деревушке Штралау на реке Шпрее {19}. Здесь он снял себе домик; ходил на охоту с местным землевладельцем и небрежно сообщал отцу в письмах: «Во время болезни я познакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников» {20}. Великий немецкий философ был к тому времени в могиле уже 6 лет, и хотя его звезда уже начала закатываться, особенно среди молодых профессоров и студентов Берлинского университета (где он когда-то был профессором), Марксу все равно необходимо

было знать его труды, если он собирался и дальше развивать свой интеллект.

Основная мысль философии Гегеля заключалась в утверждении, что история человечества всегда была историей постоянного конфликта. При столкновении двух идей рождается третья, она вступает в конфликт со следующей, рождая что-то новое, и этот процесс бесконечен. Таким образом, жизнь предстает как нечто динамичное и постоянно меняющееся. Неизбежность этого динамичного движения и постоянных перемен Гегель назвал диалектикой. Несмотря на то что диалектика зиждилась на постоянном напряжении, конфликт рассматривался в качестве положительного фактора для исторического прогресса. Гегелевская диалектика придавала конфликту смысл, или, как говорил впоследствии Энгельс, «история человечества более не представляла в качестве дикого вихря бессмысленного насилия» {21}.

Гегель предложил понятие Духа – как некой силы, объединяющей группы людей в определенных исторических обстоятельствах, а также альтернативное понятие отчуждения – когда человек не в силах осознать себя частью большого мира, а свой вклад в его развитие не считает продуктивным.

Философия Гегеля доминировала в эпоху немецкого романтизма и спровоцировала появление многочисленных философов-«гегельянцев», которые обсуждали теорию Гегеля до тех пор, пока не смогли предложить в ответ свои собственные (что сам Гегель и предвидел). Легко увидеть, как

идеи Гегеля захватывали целое поколение молодых умов, учившихся в Берлине – не случайно именно там и возникло течение «гегельянцев».

Они были свидетелями того, как проанонсированные реформы сошли на нет, не успев свершиться, и как на смену им пришел застой в обществе. Однако за пределами родной страны эти люди могли видеть пример Англии, Франции и Бельгии, где гораздо более бурно развивались наука, искусство и экономика, где шли политические преобразования – все потому, что правители этих стран не побоялись дать своему народу право высказываться, писать и даже, в некоторых случаях, голосовать на выборах.

Они увидели, как сталь превращается в рельсы, по которым в глубь девственных земель бегут поезда – с немыслимой для того времени скоростью 60 миль в час. Они услышали треск электрических разрядов первой батареи и узнали новый, казавшийся поистине волшебным способ связи – телеграф. Применяя теории Гегеля в этом новом, изменившемся мире, «младогегельянцы» увидели в понятии конфликта потенциал не только для перемен в материальном мире, но и для социальных революций {22}.

Гегель превратил Берлин в настоящий магнит для неугомонных натур не только со всей Германии, но и с Востока, в первую очередь – из России, чье население страдало под гнетом еще более репрессивной, практически феодальной системы. Когда Маркс, основательно подлечившись, вернул-

ся из Штралау в Берлин, его романтическую тягу к уединению как ветром сдуло. Он примкнул к «младогегельянцам» в богемном Докторском клубе, где смог предаться двум самым любимым своим занятиям: философским дискуссиям и пьянству {23}.

Женни в Трире переживала столь же тяжелый период, что и Маркс в Берлине. Поскольку они договорились не переписываться, чтобы не раскрывать своих отношений перед родителями Женни, она сгорала от ревности, ничего не зная о Марксе. Вообразив, что он забыл о ней в Берлине, Женни всерьез заболела и даже впала в краткий летаргический сон; ее родители были уверены, что это вызвано физическим переутомлением, однако Генрих Маркс считал это следствием глубокой депрессии (Карл использовал известие о болезни Женни в качестве одного из объяснений и своего собственного нервного срыва). Генрих, служивший своеобразным передаточным звеном между влюбленными, был не менее измучен этой ситуацией. Он писал письмо за письмом, постоянно твердя о священном долге Карла перед Женни, о том, что только искренние и неустанные усилия Карла на поприще борьбы за счастье человечества помогут и самой «Женни вырасти в ее собственных глазах и глазах окружающих». Он описывал «бесценную жертву», которую Женни принесла, согласившись стать женой Карла, и добавлял: «Горе тебе, если хоть однажды ты позабудешь об этом!» {24}

Ответом Карла были те самые три сборника стихов, по-

священных Женни, которые он послал ей через отца на Рождество 1836 года. Первые два сборника были озаглавлены «Книга Любви», третий – «Книга Песен». На титульном листе всех трех стояло посвящение: «Моей дорогой, навеки любимой Женни фон Вестфален» {25}.

25 лет спустя Женни Маркс, сохранившая эти три книги, улыбалась, читая пылкие строки, исполненные подростковой страсти, – но тогда, в декабре 1836 года, получив эти стихи в качестве первого письма от Маркса после долгих месяцев молчания, она плакала от восторга и боли. Сестра Карла Софи уверила брата в том, что Женни любит его, и рассказала, что она подготавливает родителей к известию о помолвке {26}.

Впрочем, эта подготовка превратилась в очередную попытку. Писем Женни того периода не сохранилось, поэтому исключительно из переписки Генриха и Карла Марксов мы знаем о той борьбе, которую она вела. В письмах отца Карл все чаще читал не только увещевания по поводу карьеры и учебы, но и советы, как лучше успокоить встревоженную, взвинченную до предела Женни. С одной стороны, Генрих выступает в этих письмах как бесконечно любящий отец, пытающийся спасти и направить на путь истинный излишне пылкого во всех проявлениях сына. С другой стороны – Генрих довольно строг и зачастую разочарован недостойным поведением того, кому Женни фон Вестфален готова посвятить свою юность и красоту. В одном из писем Карлу, особенно

суровом (и пророческом), в марте 1837 года Генрих писал: «Мое сердце переполняет радость, когда я думаю о тебе и твоём будущем. И все же порою я не в силах прогнать печальные, зловещие, вызывающие страх думы, когда, словно молния, вспыхивает в моем мозгу мысль: соответствует ли твое сердце твоему уму, твоим дарованиям? Есть ли в нем место для земных, но более нежных чувств, которые приносят чувствительному человеку такое утешение в этой юдоли скорби? А так как в этом сердце явно царит демон, ниспосылаемый не всем людям, то какого он происхождения: небесного или же он подобен демону Фауста? Будешь ли ты – это сомнение терзает мое сердце – восприимчив к подлинно человеческому семейному счастью? А с некоторых пор – с того времени, как я полюбил известную тебе особу, словно родное дитя, – меня не меньше мучают сомнения, в состоянии ли ты дать счастье своим близким?.. В лице Женни я вижу поразительное явление. Она, которая с детски чистым сердцем отдалась своему чувству к тебе, минутами проявляет, помимо воли, своего рода страх, какое-то мрачное предчувствие, и это не укрылось от меня. Я не знаю, чем это объяснить. Стоит мне заговорить об этом, как она тут же старается рассеять все мои опасения. Что должно, что может это значить? Я не в силах себе это объяснить, но мой жизненный опыт, к прискорбию, не позволяет мне так легко впадать в заблуждение...»⁷

---

⁷ Русский перевод дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и чле-

Генрих так долго рассказывал сыну о своих надеждах увидеть его на вершине славы (и хотя он об этом никогда не упоминал — но, возможно, союза своего сына с Женни фон Вестфален он желал именно по этой причине, мечтая повысить социальный статус своей семьи), однако теперь его волновало больше всего лишь то, способен ли Карл любить и быть счастливым. «Только тогда я обрету то счастье, мечтой о котором я живу долгие годы. В ином случае самая прекрасная цель моей жизни будет разбита»⁸. О Женни он пишет: «Только жизнь, полная нежной любви, сможет вознаградить ее за все то, что она уже перенесла и что ей еще предстоит перенести, ибо ей приходится иметь дело с людьми своеобразными. Мысль о ней — вот что главным образом поддерживает во мне желание, чтобы ты в скором времени успешно выступил на общественной арене и этим дал ей душевный покой... Но ты видишь, чаровница немного вскружила и мою старую голову, и больше всего на свете я хотел бы видеть ее спокойной и счастливой. Только ты в состоянии это сделать, и такая цель стоит того, чтобы посвятить ей все силы...» {27}

Однако Маркс разрывался между своей романтической любовью, о которой много лет спустя он скажет своим детям, что она «превратила его в неистового Роланда от отчаяния перед невозможностью увидеть и заключить в объятия свою

нов семьи Маркса.

⁸ Русский перевод дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

Женни» {28}, и новым кругом друзей, которых он нашел среди «младогегельянцев». Возможно, сказывалась близость этих друзей, возможно – слепая и безоговорочная преданность Маркса науке (эту преданность он будет испытывать всю свою жизнь), но только в тот период его жизни казалось, что Маркс сделал выбор между Берлином и Триром в пользу первого.

Маркса взял под свое крыло Адольф Рутенберг, преподаватель географии, уволенный якобы за пьянство, но на самом деле, скорее всего, за написание газетных статей весьма провокационного толка {29}. Кроме того, Карл попал под влияние радикального богослова Бруно Бауэра. Бауэр начал там, где остановился его предшественник, яркий последователь Гегеля, Давид Фридрих Штраус, автор вышедшей в 1835 году книги «Жизнь Иисуса», в которой утверждалось, что все христианство основано на мифе.

Гегель полагал, что Бог – это рациональная сила, направляющая диалектику истории. Младогегельянцы не соглашались. Возвращаясь назад, к романтизму, они утверждали, что человек – сам творец своей судьбы, и никакими сверхъестественными, пусть и благожелательными к нему силами она ему не навязана. Если следовать этой идее, то вполне логичным, хотя и опасным становился следующий вывод: если Бог не является творцом и кукловодом, царь не может быть его наместником. Правители – обычные люди, чей авторитет может и должен быть оспорен другими людьми {30}.

Эта идея стала политической динамитной шашкой, и 19-летний Карл Маркс волею судеб оказался в эпицентре дебатов. Среди своих соратников он давно уже был признанным лидером, хотя отнюдь не все они были его сверстниками, будучи профессорами, поэтами и писателями, по крайней мере лет на 10 постарше Маркса (один из них без обиняков заявил, что юный Маркс – это Руссо, Вольтер, Гейне и Гегель в одном лице) {31}. Во время пылких и яростных дискуссий Карл Маркс выработал постепенно свой собственный бескомпромиссный стиль, благодаря которому в будущем он заработает столько врагов, а также начал работать над тем, что десятилетия спустя превратится в стройную и цельную философию марксизма.

Должно быть, юный Карл чувствовал себя, как солдат на передовой, под яростным огнем. Те мирные беседы о французском утопическом социализме, которые они с Людвигом фон Вестфаленом вели во время прогулок по Рейнским холмам, должны были показаться теперь детскими сказками – по сравнению со свирепыми дебатами, сотрясавшими берлинские кофейни и пивные.

В этой среде Карл Маркс получил свое новое прозвище – Мавр. В нем содержался намек не только на его черные как смоль волосы и смуглую кожу, но и на сходство с харизматичным героем Шиллера, разбойником Карлом фон Моором, немецким Робин Гудом, возглавившим борьбу против жадных аристократов. Всю оставшуюся жизнь близкие дру-

зья будут обращаться к нему именно так.

Генрих Маркс не желал признавать нового прозвища. Он чувствовал, как растет пропасть отчуждения между ним и сыном, между Карлом и его семьей, а самое печальное (как ему казалось) – между Карлом и Женни. В августе 1837 года Генрих устало обвиняет Карла в пренебрежении к родному дому. В это время тяжело болеет младший брат Карла, 11-летний Эдуард (он умрет 4 месяца спустя), мать почти сходит с ума от отчаяния и беспокойства, да и сам Генрих болеет уже на протяжении 7 или 8 месяцев. Он пишет сыну: «Не могу избавиться от мысли, что эгоизма в тебе гораздо больше, чем это требуется человеку для самосохранения» {32}. В декабре, все еще пытаясь достучаться до своего сына, Генрих составляет список обязательств Карла. Под номером 1 (обязанности молодого человека) значится: «Будущее Женни должно быть достойным ее, она должна жить в реальном мире, а не ютиться в прокуренной комнате, пропахшей керосином, в компании безумного ученого».

Генрих говорит Карлу, что тот в большом долгу перед отцом Женни, который все-таки дал согласие на их брак, несмотря на яростное сопротивление остальной семьи: «... ибо, по правде говоря, тысячи отцов такого согласия не дали бы. И в минуты уныния даже твой собственный отец почти жалеет, что Людвиг фон Вестфален такое согласие дал, ибо благо и спокойствие этой девушки я принимаю очень близко к сердцу».

В сердцах Генрих заявляет, что они с сыном «никогда не могли разговаривать разумно», и обвиняет его в эгоизме и непочтительности. Отсылает назад письмо Карла, состоящее всего из нескольких слов и выписки из его дневника, озаглавленной «Посещение» – приписав в конце: «Это безумная проказа, явно свидетельствующая о том, как ты впустую разбазариваешь свои таланты и тратишь ночи на создание подобных монстров». Обвиняет он «господина сына» и в том, что тот тратит в год больше, чем любой богач, насмешливо интересуясь: «Как может человек, каждые две недели придумывающий новую систему мироздания и рвущий в клочья свои прежние работы, думать о таких презренных мелочах, как деньги?» {33}

Ярость и отчаяние Генриха усугублялись сознанием того, что он умирает. Он возлагал на сына все чаяния своей жизни, но теперь ясно понимал, что не доживет до их исполнения, более того – не видел никакой надежды на их исполнение в будущем. В своем последнем большом письме к Карлу, в феврале 1838 года, Генрих и не думал извиняться за свое раздражение, говоря лишь о том, что «слагает оружие, не в силах более держать его в руках». Однако он просит Карла понять, что причина его гнева кроется только в любви: «Верь всегда и не сомневайся, что ты навеки в моем сердце и всегда был самым главным стимулом моей жизни... Я полностью истощен, дорогой мой Карл, я ухожу. Сожалею, что не могу написать тебе всего, что хотел бы. Я так мечтал от всего

сердца обнять тебя...» {34}

В том году Маркс не планировал приезжать домой на Пасху. Он уже потратил в Берлине больше, чем его отец заработал за год, и даже родители были согласны, что пятидневное путешествие почтовым дилижансом встанет слишком дорого. Однако стремительно ухудшающееся здоровье отца, о чем всю зиму писали ему мать и сестра, заставило молодого человека переменить решение. Он вернулся в Трир в конце апреля и оставался дома до 7 мая, отметив здесь свой двадцатый день рождения {35}. Через три дня после его отъезда Генрих Маркс скончался от туберкулеза и воспаления печени и был похоронен 13 мая 1838 года {36}.

Некоторые биографы обвиняли Маркса в непростительной черствости, утверждая, что он не присутствовал на похоронах, отговорившись некими важными делами. Это не соответствует действительности. Маркс только что покинул Трир, он просто не смог бы вернуться на похороны вовремя, да и в любом случае с отцом он проститься успел.

И хотя писем этого периода не сохранилось, нет никаких сомнений, что Карл испытывал глубочайшую скорбь от этой потери. На протяжении всей своей жизни он носил фотографию отца в нагрудном кармане, и через сорок пять лет, после смерти самого Маркса, Энгельс положит это истрепавшееся фото к нему в гроб {37}.

После смерти Генриха в семье не осталось никого, кто мог бы влиять на Карла – одаренного, но своенравного молодого

го человека. Никто не мог предостеречь его от опасности, которую таило увлечение новой радикальной философией, никто не напоминал ему о необходимости стать человеком, достойным уважения общества. Однако внезапно прозвучал голос еще более критический и требовательный – на этот раз из дома Вестфаленов. Однако этот голос уже не уговаривал – он угрожал.

3. Кельн, 1842

*Ах милый, милый! Ну, вот теперь ты
впутываешься еще и в политику. Это опаснее всего.
Женни фон Вестфален {1}*

За три года, прошедших после смерти Генриха Маркса, семьей Карла стал кружок младогегельянцев в Берлине. Он отказался почти от всех курсов и лекций в университете и продолжил свои исследования самостоятельно – и в компании новых друзей. С лета 1838-го и до конца обучения в 1841 году он выбрал всего два курса, на одном из которых преподавал его друг Бруно Бауэр {2}. Однако это был нелегкий путь. Финансовое положение Маркса сильно пошатнулось, поскольку мать не могла снабжать его деньгами в том же объеме, что и отец: у нее оставалось совсем немного средств – и шестеро детей, кроме Карла, которых нужно было ставить на ноги. Кроме того, за Марксом пристально наблюдал Фердинанд, старший брат Женни, активно возражавший против их помолвки. После того как Людвиг фон Вестфален благословил этот союз, Фердинанду осталось только следить за Марксом в Берлине, что он и делал, активно используя все свои связи. Фердинанд обнаружил, что Маркс якшается с атеистами, либералами, демократами, социалистами, крайними радикалами всех мастей – и не прикладывает ни малейших усилий к построению хоть какой-нибудь карьеры, что могло

бы позволить ему содержать будущих жену и детей. Учебным аудиториям Маркс предпочитал шумные пивные и кафе, в изобилии окружавшие самую роскошную площадь Берлина, Гендаменмаркт {3}. Маркс осквернял в глазах Фердинанда все, что было ему так дорого: церковь, государство, семью. Однако пока Маркс находился под покровительством барона, помолвка тоже была в безопасности.

Все, что Фердинанд мог сделать, это отложить собранный компромат до лучших времен, когда ему представится возможность уберечь свою сестру от страшной, как он считал, ошибки.

Тем временем Женни и Карл переживали свой мучительный роман на расстоянии, изводя друг друга письмами с описанием собственных страданий, ревности и плохого самочувствия, при помощи которого они стремились вызвать друг в друге еще большую страсть и сочувствие. Их переписка того времени буквально переполнена душераздирающими проявлениями неутоленной страсти; вполне в духе великих трагедий они буквально наслаждались каждым новым недугом, каждой новой душевной раной. Они не могли в полной мере отдаться своей любви – но уж страдать-то им никто запретить не мог.

В одном из писем Женни Карл высказывает опасение, что она флиртует с кем-то еще. Ответ невесты должен бы успокоить ревнивца, но она, вынимая этот кинжал из его сердца, ухитряется слегка повернуть его: «Любопытно, что сведения

ты получил от того, кто даже не был замечен в Трире; его никто не знает, а ведь я довольно часто и подолгу общаюсь и веду разговоры с самыми разными людьми... Я довольно часто веду себя, как веселая кокетка».

Впрочем, почти тут же она поправляется – чтобы Марко не подумал, будто она без него не скучает: «Меня изводит постоянный страх за тебя – из-за меня ты однажды можешь позволить втянуть себя в ссору, а потом и в поединок. Днем и ночью я в воображении видела тебя раненым, истекающим кровью и ослабевшим, и, Карл, сказать тебе по правде, я испытывала не один только ужас по этой причине – я так живо вдруг представила, что ты потерял правую руку... но я, Карл, нахожусь в каком-то странном состоянии восторга, блаженства из-за этого, ибо теперь могу записывать твои драгоценные и возвышенные идеи и тем самым быть действительно полезной тебе. Все это я представляла так живо и ярко, что в ушах у меня звучал твой дорогой голос; твои слова лились, подобно живительному дождю, и я сохранила их все – на благо других людей» {4}.

Как и Фердинанд, Женни была хорошо осведомлена о жизни Карла в Берлине, однако, в отличие от брата, все это одобряла. Ее роман открывал перед ней новую жизнь, глубокую, интересную и интенсивную, какой она никогда не смогла бы узнать в патриархальном тихом Трире, где исстари было заведено, что мужчины занимаются делом и работают, а женщины ведут хозяйство и не знают ничего, кроме заботы

о семье. Благодаря отцу и жениху, Женни получила возможность узнать иную, лучшую жизнь и внезапно осознала себя на переднем крае борьбы за свое будущее. Она никогда ничего не делала наполовину – и теперь эта новая, серьезная Женни просит у Карла совета насчет книг: «Совсем особого рода, немного более серьезные... не такие, которые все любят читать, не сказки и не поэзию, их я уже не могу выносить...» {5}

В 1840 году Фридрих Вильгельм IV занимает трон Пруссии после смерти своего отца. Покойный олицетворял собой борьбу со всем французским – от Наполеона до идеи революции. Однако его сын представлял уже иное поколение. Ему было 45, он был умен, образован и свободен от предрассудков и призраков уходящей эпохи. Буржуазия надеялась на него, поскольку его реформы спровоцировали индустриальный и экономический рост, особенно установление (его учреждение длилось с 1834 года) Таможенного союза Золлверейн, высвободившее торговлю между государствами немецкой Конфедерации. Эта зарождающаяся либеральная оппозиция надеялась, что Фридрих Вильгельм IV осознает: Пруссия и Германия рискуют сильно отстать от остальной Европы, пока деловые люди, промышленники, бизнесмены не получают возможность донести свои идеи до короны, став полноправными членами конституционного правительства {6}.

Такие циники, как Маркс и его соратники, к монархии от-

носились с неизменным презрением, но и у них появилась надежда, что новый император снимет ограничения с прессы и позволит обществу полноценно обмениваться новыми идеями.

Несмотря на то что призывы к реформам до императора доходили, он предпочитал их игнорировать. Знать по-прежнему занимала высшие посты, дворяне возглавляли армию, все оставалось так, как и при отце нынешнего императора. Он сделал символический жест в сторону буржуазии, разрешив созыв провинциальных ассамблей, однако этим ассамблеям не было дано никаких реальных полномочий. Что касается широких масс, народа – император полагал их поведение аморальным, в частности, потому, что некоторые уже позволяли себе усомниться в том, что право управлять людьми даровано императору Богом. Никакого разговора о Конституции не шло, и речи не могло быть о расширении свобод – император заставил бы замолчать все громче звучащий голос инакомыслящих, вводя новые ограничения на свободу слова и собраний {7}. В то же самое время канцлер Австрии князь Клеменс фон Меттерних старался искоренять «опасные мысли» по всей Конфедерации {8}. Университеты Германии подверглись жесточайшей критике; один писатель сказал так: «Университеты превратились в придаток казармы» {9}. Младогегельянцы приняли вызов, но они не могли состязаться с правительством.

Опасаясь, что ставший слишком реакционным Берлин-

ский университет не выдаст ему ученую степень, Маркс отправляет свою диссертацию «Разница в подходе к философии природы в традициях школ Демокрита и Эпикура» в Йенский университет. Находившийся в одном из самых либеральных немецких государств, этот университет был чем-то вроде фабрики ученых степеней; даже дипломы рассылались по почте. Маркс отправил свою диссертацию 6 апреля 1841 года, а диплом доктора философии получил чуть более недели спустя, 15 апреля {10}. Он посвятил свою диссертацию Людвигу фон Вестфалену «...в знак сыновней любви... Вы всегда были для меня живым наглядным доказательством, что идеализм – не фантазия, а истина» {11} ⁹.

Бруно Бауэр переехал преподавать в Бонн и уверил Маркса, что тот тоже сможет читать лекции в тамошнем университете. Однако положение самого Бауэра было слишком шатким – из-за его яростных нападок на религию и ее роль в государстве. Летом 1841 года прусский министр по делам религии и образования начинает кампанию против Бауэра, которая косвенно задевает и Маркса. Результатом становится то, что Маркс практически теряет возможность найти преподавательскую работу в любом учебном заведении Пруссии {12}.

Карлу Марксу 23 года, Женни фон Вестфален 27. Она ждала Маркса уже почти 5 лет, но он все еще не мог найти себе работу, а без этого их брак был невозможен. Маркс по-

---

⁹ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений.

ступал в университет, планируя стать судьей или адвокатом, но за годы учебы слишком далеко ушел от юриспруденции, да и в любом случае в этой области соискателей было слишком много. Германия была заполнена выпускниками университетов – выходцами из среднего класса. Они конкурировали в областях, где было слишком мало рабочих мест; за 20 лет количество студентов высших учебных заведений удвоилось {13}. Последним шансом для безработных выпускников стала журналистика {14}. В шкале профессий она располагалась в самом низу и считалась убежищем для тех, чьи качества один историк охарактеризовал как «сомнительная репутация, бахвальство и непостоянство» {15}. Кроме того, эта профессия не могла похвастаться высоким жалованьем – если вообще могла на него рассчитывать.

Впрочем, у Маркса не было другого выбора, кроме того, он всегда утверждал, что журналист пишет не для денег: газеты должны быть для образованных людей средством демонстрации неповиновения произволу.

Публикаций у Маркса не было, кроме нескольких стихов, напечатанных в обзоре творчества современных романтиков {16}, но зато неповиновения у него хватало с избытком, а уж идеи и вовсе били через край.

В течение 1841 года Маркс мечется между Бонном, Триром и Кельном, пытаясь использовать свои способности. Шесть недель он проводит в Трире – это его самое длительное пребывание на родине с тех пор, как он в 1836 уехал в

Берлин. Тогда его помолвка с Женни была тайной {17}. Теперь они вместе появляются на людях открыто, разом развязав все злые языки в городе. Возможно, никто, кроме Женни, не мог бы обвинить Карла Маркса в особой внешней привлекательности. Один из его биографов цитирует мнение жителя Трира: «Маркс – едва ли не самый непривлекательный человек на свете».

Он был плотного сложения, словно профессиональный боксер, имел грубоватую внешность. Вечно небритый, неопрятный. Сюртук его был хорошего сукна – но всегда неряшливо застегнут или расстегнут вовсе {18}. Черная борода превышала все границы респектабельности и для социального кодекса Пруссии середины XIX века недвусмысленно свидетельствовала о крайне радикальных взглядах своего носителя – так же, как и курение сигар в общественных местах (приличные люди курили трубку у себя дома {19}). Сама внешность Маркса стала вызовом консервативному обществу еще до того, как он заговорил. Однако во время прогулок по улицам Трира с ним под руку шла полная его противоположность.

Женни была высокой, гибкой, элегантной молодой женщиной. Голову увенчивала корона темно-рыжих волос, единственная нитка жемчуга подчеркивала гибкую и длинную шею. Ее красота была настолько естественна, что никакого значения не имело, какое платье на ней надето. Ее фигура не нуждалась ни в драпировке, ни в иных ухищрениях,

но она всегда выглядела модно и элегантно одетой. Благодаря деньгам своего отца и безупречному вкусу своей матери она всегда одевалась в лучшие платья, какие только могли предложить магазины Трира. В глазах тех, кто смотрел на эту пару со стороны, она была столь же привлекательна, сколь непривлекателен (и подозрителен) был ее жених.

В определенном смысле Женни была застрахована от замечаний о том, как они нелепо смотрятся вместе, но ее беспокоили комментарии по поводу их разницы в возрасте и положения Карла в обществе. Впрочем, она не дала критикам возможности насладиться ее растерянностью. Карл со своей стороны вообще никакой критики не замечал; перспектив у него по-прежнему не было никаких, но зато он был полон идей и надежд.

Либералы – с деньгами в карманах и демократическими идеями в головах – все больше уставали от тирании консервативно настроенного императора. В «нежизнеспособности дворянства, летаргии служащих и равнодушии тех, кто привык полагаться на волю Божию» Маркс видел предвестие катастрофического конца существующей системы {20}.

Чтобы обойти существующие запреты на общественные политические дебаты и создание политических партий, писатели и публицисты маскировали свои дискуссии богословскими и философскими терминами, а встречались в литературных или философских кружках {21}. Маркс и его коллеги атаковали не столько религию, сколько ее роль в структуре

государства; они утверждали, что миф о хорошем человеке по имени Христос был использован для того, чтобы поддержать прогнившую систему и тиранов-правителей. Таким образом, религия в том виде, в каком ее поддерживало государство, была, по их мнению, аморальна. Маркс и Бауэр планировали начать выпуск журнала под названием «Атеистические архивы», в которых можно было бы подвести платформу под все эти идеи; однако для издания журнала нужны были спонсоры {22}. По всей видимости, Марксу удалось найти богатых либералов в Трире. Женни осторожно описывает одного из них, местного врача по имени Роберт Шлейхер, добавляя свои собственные размышления: «Шлейхер только что рассказал мне, что он получил письмо от одного молодого революционера, который жестоко ошибся в оценке своих соотечественников. Он не рассчитывает, что может приобрести акции или что-то еще. Ах, милый, милый. Ну вот теперь ты впутываешься еще и в политику. Это опаснее всего, Карлхен, помни всегда об одном, у тебя дома есть любимая, которая тоскует и надеется и полностью зависит от твоей судьбы...» {23} ¹⁰

Женни ласково называет своего «производителя опасных идей» «человеком с железной дороги» {24} и «моим черным лохматиком»¹¹ – а сама деловито готовится к их буду-

---

¹⁰ Русский перевод дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

¹¹ В русских переводах ласковое прозвище Schwarzwildchen, которым

щей семейной жизни. Она просит Маркса не комментировать ее греческий, который, по ее словам, доказывает ее эрудицию, и описывает свои ранние пробуждения по утрам, чтобы прочесть три статьи Гегеля в газете и рецензию на книгу Бауэра «Критика евангельских историй синоптиков» {25}.

Женни обуревали предчувствия беды и опасности.

И неудивительно. Она сделала, возможно, самый опасный в глазах общества шаг, который только могла себе позволить женщина в то время – после долгих лет воздержания они с Марксом наконец-то стали близки. Это произошло в июле в Бонне {26}. Во время этой поездки Каролина фон Вестфален назначила опекуном дочери ее младшего брата, Эдгара, который должен был удерживать Женни в рамках «внешней и личной порядочности» {27}. Однако из Эдгара получился плохой сторож: Эдгар был вольнодумцем, другом Маркса и от всей души симпатизировал паре влюбленных. Он просто оставил их в покое.

Вскоре после случившегося Женни пишет Марксу: «Я ни о чем не сожалею, я крепко, крепко закрываю глаза и тогда вижу твои радостные, смеющиеся глаза, и тогда я тоже мысленно – быть всем для тебя – и ничего больше. Карл, я отлично знаю, что сделала и как меня в обществе будут презирать, я знаю все, все это, и тем не менее счастлива и ни за какие сокровища мира не отдам даже воспоминаний о тех

Женни наградила супруга, либо опускается, либо передается как «черный лохматик». *Примеч. ред.*

часах. Это для меня самое дорогое и должно остаться навечно... Я переживала еще раз каждый радостный миг, я лежала еще раз у твоего сердца, наполненная любовью и счастьем... Карл, быть твоей женой, что за мысль – о боже, у меня от нее кружится голова!»¹²

В соответствии с нормами морали того времени, после случившегося Маркс мог быть либо подвергнут всеобщему порицанию, либо даже публичному обвинению в бесчестии (если бы, например, Фердинанд захотел сделать это и вызвал бы Маркса на дуэль). Однако жизнь Женни в этом случае была бы полностью разрушена. Предвидя реакцию общества Трира в случае, если об их отношениях станет известно, Женни пишет: «Мои родители живут там, мои старые родители, которые так тебя любят... Я плохая, гадкая, очень плохая, во мне нет ничего хорошего, кроме одного – моей любви к тебе» {28}. Будущее Женни теперь зависело от брака с Марксом в гораздо большей степени, чем во время их долгого романа. Она больше не могла рассчитывать на поддержку и защиту своего отца – хотя именно теперь нуждалась в ней более всего.

Людвиг фон Вестфален долгое время сражался с болезнью, которая окончательно подкосила его в декабре 1841 года. Маркс вернулся в Трир и переехал в дом Вестфаленов, чтобы помогать ухаживать за бароном – и быть рядом с Жен-

---

¹² Русский перевод дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

ни {29}. Пока Маркс жил в Трире, группа прусских министров лоббировала и приняла провокационный закон о цензуре. Император якобы стремился сократить ограничения для пишущей братии – но на деле они стали еще строже и жестче по сравнению с законом о цензуре 1819 года {30}.

Согласно новому закону, цензуре подлежало любое письменное произведение, в котором усматривались «легкомысленное или враждебное отношение к христианской религии», попытка столкнуть религию и политику, клеветнические (по мнению правительства) высказывания в адрес личностей или целых сословий и классов; любые тенденции, которые правительство могло посчитать опасными. Тем самым прусское правительство – при помощи целой армии цензоров – добилось тотального контроля над любым печатным словом.

Месяцы, проведенные в доме Женни, Маркс использовал для подготовки ответного удара. Это была лобовая атака буквально на каждый параграф закона о цензуре. Маркс даже не пытался прятать свои политические взгляды за богословием или философией – напротив, его первый журналистский опыт, появившийся в условиях борьбы со всяким инакомыслием, стал открытым объявлением войны новому закону. Еле сдерживаемая ярость Маркса прорывалась с 22 страниц его статьи: «Закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, изданный государством для его граждан, это – закон одной партии против другой. Преследующий за тен-

денцию закон уничтожает равенство граждан перед законом. Это – закон не единения, а разъединения, а все законы разъединения реакционны. Это не закон, а привилегия... Действительным, радикальным излечением цензуры было бы ее уничтожение» {31} ¹³.

Маркс отправил свою статью, подписавшись «Rhineland» – «Житель Рейнской провинции», – Арнольду Рюге, главному редактору «Немецкого ежегодника», издававшегося в Дрездене. Рюге, который был на 16 лет старше Маркса, уже успел отбыть за свои либеральные убеждения 6-летний срок в тюрьме. Еще один «университетский изгнанник», которому было отказано в продвижении и повышении по службе по политическим мотивам, Рюге начинал с издания газеты в Пруссии, однако был вынужден переехать в более благоприятное место, но даже там, в Дрездене, статья Маркса никак не могла миновать бдительное око цензоров {32}. Вероятнее всего, это не могло пройти и мимо Фердинанда, брата Женни, который к тому времени занимал важный пост в городской управе Трира (с 1838 года). Фердинанду было ясно, что крамольная статья написана Марксом во время пребывания в доме Вестфаленов.

Людвиг фон Вестфален умер через месяц после того, как Маркс представил свою статью в редакцию «Немецкого ежегодника», и с его смертью Карл утратил самого верного и

---

¹³ Речь идет о статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. Т. 1. М., 1955.

сильного своего защитника в семье Вестфален. Фердинанд – отныне глава семьи – немедленно приступил к решительным действиям по расторжению помолвки своей сестры, подключив к этому весьма консервативно настроенного дядюшку, Генриха Георга фон Вестфалена.

Хотя до конца неясно, насколько Каролина фон Вестфален была осведомлена об отношениях Карла и Женни, но сторону дочери она приняла безоговорочно и поспешила увезти Женни подальше от Фердинанда – в свой собственный дом в курортном городке Кройцнах, в 50 милях к востоку от Трира {33}. Там обе женщины остались на некоторое время, чтобы переждать бурю.

Маркс также покинул Трир, направившись в Кельн. Там он присоединился к членам своего старого берлинского Докторского клуба – теперь в него входили и некоторые влиятельные деловые люди Кельна, считавшие себя в оппозиции прусскому правительству {34}. Берлинский приятель Маркса, Георг Юнг, а также новый знакомый, Мозес Гесс, смогли убедить группу бизнесменов начать финансирование газеты «*Rheinische Zeitung*», которая позиционировалась как печатный орган, пишущий о «политике, коммерции и промышленности» – эту фразу читатели сразу должны были интерпретировать правильно, понимая, что газета соответствует интересам «среднего класса» {35}. Состав сотрудников «*Rheinische Zeitung*» наглядно демонстрировал, как разнообразна была оппозиция в Пруссии того времени – что было и

ее силой, и ее слабостью. В дополнение к младогегельянцам, социалистам, националистам, демократам и радикалам-интеллектуалам всех мастей в редакцию и попечительский совет входили либеральные юристы, доктора и промышленники. Наиболее значимыми фигурами среди них были банкир и железнодорожный барон Людольф Кампгаузен, будущий премьер-министр Пруссии, и бизнесмен Давид Юстус Ганзельман, будущий министр финансов {36}.

Правительство Пруссии, не способное идти в ногу со временем, – вот что объединило всех этих людей. Средний класс, класс предпринимателей, значительно окреп с 1834 года, когда образование Таможенного союза позволило ему распространить свое влияние по всему Германскому союзу, укрепляя деловые связи между землями и расширяя торговлю. Эти люди прекрасно знали, что из себя на самом деле представляет Германская конфедерация с ее обособленными маленькими государствами, сепаратизмом, местными правителями, законами и валютой – со всем, что являлось препятствием на пути промышленного роста страны.

Они хотели, чтобы Союз стал единой нацией, единой политической и экономической силой. Однако восстановление связей между землями – это еще не все. Как и многие представители интеллигенции, которые считали, что правительство душит свободу слова, диктуя, что следует и чего не следует писать, они были убеждены, что дальнейшее развитие Пруссии невозможно без глубоких социальных перемен. Как

могла сплотиться нация, не имеющая возможности выбирать достойных; нация, не имеющая свободы слова и собраний, не знающая равенства перед законом и справедливого налогообложения? (Последний пункт был особенно болезненным именно для среднего класса, поскольку основное налоговое бремя ложилось именно на его плечи – дворяне не облагались налогом вовсе.)

Голоса, призывавшие к реформам, из Рейнской земли звучали особенно громко, потому что эта область Пруссии была наиболее экономически развита. Интеллектуальным центром области был Кёльн {37}. Марксу было 23 года, когда он приехал сюда, имея в активе всего лишь одну неопубликованную статью. В течение года он стал редактором одной из самых влиятельных оппозиционных газет Пруссии.

«Rheinische Zeitung» была запущена в производство 1 января 1842 года – на тот момент у газеты было 400 подписчиков. Маркс начал писать для нее четыре месяца спустя. В первой статье он вновь вернулся к проблеме свободы прессы, на что его сподвигли дебаты в парламенте Рейнланда {38}. Рискованным и спорным был не только предмет статьи, но и тот факт, что в ней упоминались дебаты в провинциальном парламенте – чего цензура не одобряла, потому что простой народ мог не разобраться в подробностях и посчитать, что речь идет о правительстве в целом. Для монархистов-абсолютистов депутаты парламента всегда были «учениками дьявола», распространять же их слова – «значит делать широ-

кого читателя еще глупее, чем он есть на самом деле» {39}.

Несмотря на все трудности, статья Маркса прошла цензуру; его аргументы оказались слишком сложными для понимания ревнителями политической невинности. Кроме того, статья была написана прекрасным языком, живо и остроумно, а также понятно для любой, даже неподготовленной аудитории. Основные положения Маркса были таковы: свобода есть сущность человека, законы призваны закрепить и охранять ее. Ни один человек не сражается со свободой; в крайнем случае он сражается за свободу других. Следовательно, свобода существовала всегда, просто в разные периоды истории она становилась то специальной привилегией, то универсальным правом для всех... Законы ни в коем случае не могут быть репрессивными мерами, направленными против свободы, – так, закон всемирного тяготения не может являться репрессивной мерой против движения... Законы – это, скорее, позитивные, ясные, универсальные нормы, при которых свобода подразумевается как нечто само собой разумеющееся и не может зависеть от произвола одной личности. Свод законов – это библия свободного человека.

Таким образом, закон о печати – это юридическое признание свободы прессы {40}.

Первая программная статья Маркса появилась 5 мая 1842 года, в его двадцать четвертый день рождения, однако его имени в подписи не было. Ради безопасности он остался анонимным автором, хотя все его друзья знали настоящее имя

автора статьи и от всей души поздравили его. Мозес Рюге, главный редактор, провозгласил Маркса «величайшим, возможно, единственным гениальным философом нынешнего поколения» {41}. Рюге сказал также, что эта статья – лучшее из всего, что было написано по данному вопросу. Юнг охарактеризовал ее как «превосходную» {42}.

В Трир Маркс вернулся триумфатором. Однако прием ему был оказан отнюдь не такой, как в Кельне. Он быстро оказался втянутым в склоку с собственной матерью – из-за денег и его будущего. Она жаловалась, что Карл игнорирует семью, что Вестфалены обошлись с ней холодно. Ссора вышла крупной – Маркс даже съехал из дома и остановился в гостинице до конца своего пребывания в родном городе. Пребывание продлилось достаточно долго – до свадьбы его сестры Софи. Впрочем, Маркса мало трогали истерики, душой он был в Кельне, и все его внимание было приковано к тому, что происходило там. «Большое счастье, что человека с сильным характером закаляет общественный скандал, и потому совсем не раздражают мелкие частные склоки», – сказал впоследствии Маркс Рюге {43}.

Авторитет «Rheinische Zeitung» неуклонно рос, однако редакционный отдел лихорадило. После целой череды редакторов летом 1842 года кресло главного редактора занял старинный приятель Маркса, Адольф Рутенберг.

Вскоре стало казаться, что долго на этом месте он не продержится. Рутенберг сильно пил из-за постоянных трений с

прусской цензурой {44}. В это же время Маркс пишет ряд блестящих статей, демонстрирующих его талант и незаурядные способности ловко обходить контроль правительственной цензуры. Он успокаивает инвесторов, опасавшихся того, что газета подпадет под влияние берлинских радикалов и превратится в орган теоретических дискуссий. Маркс соглашается с этим, поясняя, однако, что «*Rheinische Zeitung*» не должна участвовать исключительно в теоретических дебатах, но будет рассматривать только «практические вопросы». Кроме того, он говорил, что это газета должна направлять и образовывать своих подписчиков – а не они должны диктовать газете свои взгляды. Удивительная перспектива для тех, кто надеялся остаться простым вкладчиком.

Но Маркс не собирался и оставаться только корреспондентом. Его замечания были правильно поняты и одобрены финансовыми покровителями – и 15 октября он был назначен главным редактором {45}. В первый день работы в новой должности он публикует опровержение утверждения противников газеты, что «*Rheinische Zeitung*» проповедует коммунизм, чья философия, впрочем, легко сопоставима с идеями социализма, с той лишь разницей, что коммунисты стремятся к отмене частной собственности (что было совершенно неприемлемо для промышленников, финансировавших газету).

Маркс писал, что его газета «не признает, будто бы коммунистические идеи в их нынешней форме имеют хоть ка-

кое-то отношение к реальности, а потому не только не могут быть реализованы, но даже считаться теоретически пригодными для воплощения» {46}.

Густав Мевиссен промышленник из Рейнской области и финансовый покровитель газеты, описывает Маркса как «интеллектуальный и физический вихрь».

«Могучий человек, у которого черные густые волосы растут повсюду – на лице, голове, руках, из носа и из ушей. Он всегда доминирует, он страстен и стремителен, полон безграничной уверенности в себе – но в то же время является очень серьезным ученым...» {47}

Этого пылкого редактора-энтузиаста часто видели на улицах Кельна – он уворачивался от телег и экипажей, а карманы его сюртука были битком набиты газетными статьями {48}. Сидел в кофейнях и маленьких ресторанчиках, в пивных – там можно было прочитать газеты, печатавшиеся в других областях Германии и за рубежом (их было трудно достать иначе).

Маркс буквально проглатывал их, впитывая новые и актуальные идеи; используя документы и сведения из хорошо информированных источников, он стал пользоваться безоговорочным авторитетом по всей Пруссии, одновременно ухитряясь ускользнуть от тех своих недругов в правительстве, которые мечтали заставить его замолчать. Под руководством Маркса «*Rheinische Zeitung*» стала либеральным голосом Пруссии. Вскоре ее успех и впечатляющая деятельность

Маркса на посту главного редактора привлекли талантливых журналистов и публицистов со всей Германии, на что один из инвесторов заметил: «Все молодое, свежее, вольнодумное и революционное, все таланты Пруссии и Германии – здесь» {49}.

И все же, несмотря на вольнодумство, главный редактор умел крепко держать вожжи в руках. Его ранее сказанные слова о вкладчиках и подписчиках были бо2льшим, нежели простое маневрирование. О Марксе того времени многие отзываются как о диктаторе. Бруно Бауэр писал, что Маркс иногда проявляет «бешенство берсерка», когда ему перечат – а в кресле главного редактора ему часто приходилось спорить с оппонентами {50}.

Ничто в газете не делается без его одобрения, и потому берлинские «младогегельянцы», назвавшиеся «Свободными», были безжалостно отлучены им от газеты до тех пор, пока не научатся воздерживаться «от отвлеченного разглагольствования, напыщенных фраз и самодовольного любования» и не начнут «уделять больше внимания истинному положению вещей, давать ему более взвешенную оценку» {51}.

«Свободные» немедленно обвинили его в консерватизме, но Маркс заявил, что готов некоторое время лично пострадать от «нападков нескольких берлинских пустозвонов», лишь бы не рисковать репутацией газеты {52}.

Его 23-летний брат Герман умер 14 октября, за день до

назначения Маркса главным редактором, — не сохранилось никаких подтверждений, что Маркс приезжал на похороны {53}. Скорее всего, Маркс остался в Кельне, погрузившись в написание одной из тех двух статей, о которых он позже рассказывал Энгельсу, что именно они его «прямо и просто привели от политики к экономике, а затем и к социализму». Его исследования привели его к выводу, что отношения между людьми строятся на экономической основе {54}.

Первая статья была посвящена тому, что крестьяне собирают в частных лесах валежник, а прусское законодательство расценивает это как воровство. Бедняки традиционно имели право на сбор сухостоя и валежника, это продолжалось даже после отмены крепостного права в 1807 году. Однако к 1840 году, когда начался промышленный бум, дерево стало товаром, и землевладельцы быстро осознали его ценность. Правительство приняло их сторону (что не удивительно, поскольку большинство землевладельцев были людьми знатными и составляли большинство в этом самом правительстве) и провозгласило сбор валежника преступлением. К тому времени как Маркс начал работать над статьей, рост населения и обнищание народа привели к тому, что примерно пять шестых всех уголовных преследований в Пруссии составляли именно дела о подобном воровстве {55}. Маркс использовал оружие землевладельцев против них самих же, обнажая абсурдность и лицемерие Системы, позволившей помещикам наложить руку на то, что Маркс называл «милостыней При-

роды». Он утверждал: закон так искажен в пользу помещика, что удивительно, как это еще не разрешено сжигать «воров древесины» в печи {56}.

Вторая статья касалась разорения мозельских виноделов, ставшего результатом неграмотного налогообложения и отсутствием свободной торговли между немецкими землями {57}. Бизнесмены, финансировавшие «*Rheinische Zeitung*», видели реальные преимущества свободной торговли; они увеличивали свои прибыли путем расширения рынка. Однако Маркс начинал понимать, что их обогащение всегда будет происходить за счет разорения мелких землевладельцев и местных производителей, у которых не было средств, чтобы конкурировать на рынке, созданном крупными производителями. В своем исследовании «практических вопросов» Маркс нимало не заботился о том, что положения его статьи являются критикой той самой системы, к которой принадлежит большинство его аудитории, и что его публикации могут стоить ему поддержки акционеров. В самом деле, чем больше Маркс совершенствовался как журналист, тем более радикальной становилась его газета. «*Rheinische Zeitung*» была неумолима по отношению к парламенту Рейнланда и берлинскому правительству, весьма скрупулезна в отношении освещаемых фактов (выбираемых согласно предпочтениям и взглядам редакции), была аналитической по содержанию – и весьма ироничной по общему тону. С образованными людьми Пруссии заговорили новым голосом, смелым и бес-

компромиссным – и число подписчиков немедленно увеличилось с четырех сотен до 3500 человек в течение первого же года существования. Марксу удалось перехитрить власти, уже немало встревоженные его статьями; один из цензоров устало обронил: «Маркс способен умереть за свои взгляды, в истинности которых он свято уверен» {58}.

Эта борьба изматывала Маркса, не прекращались и его конфликты с пишущими авторами по поводу того, что должно составлять основу газеты: философские рассуждения или откровенная пропаганда.

В декабре Маркс отправился в Кройцнах, чтобы провести Рождество с Женни и ее матерью. Теперь его положение в обществе упрочилось, его уважали достаточно влиятельные либералы, у него появился приличный годовой доход, и он мог обосноваться на одном месте. Наконец-то они с Женни могли пожениться – и решили, что сделают это в июне {59}. Однако по возвращении в Кельн Маркс узнал, что правительство запретило издание «Rheinische Zeitung», объявив его незаконным изданием, не имеющим лицензии и пропагандирующим опасные идеи {60}.

Газета Маркса раздражала правительство Рейнланда и Берлин чуть ли не с момента создания, так что угроза закрытия висела над ней еще в ноябре, однако некоторые исследователи полагают, что последней каплей стала публикация от 4 января 1843 года, прямо критиковавшая русского царя Николая I. Резкую критику вызвала встреча русского само-

держца и прусского посла в Санкт-Петербурге, во время которой царь потребовал от Пруссии обуздать свою либеральную прессу {61}. 21 января Фридрих Вильгельм лично созвал кабинет министров, и на этом заседании решено было закрыть газету. Правительство давало «*Rheinische Zeitung*» время до конца марта 1843 года, одновременно поручив сразу двум цензорам тщательно проверять материалы публикаций {62}. Маркс уволился из газеты 17 марта, надеясь, что это позволит сохранить «*Rheinische Zeitung*» (этого не произошло, и 31 марта газета прекратила свое существование), да и в любом случае он был уже готов к разрыву. Маркс писал Рюге: «Я стал задыхаться в этой атмосфере. Противно быть под ярмом – даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, считаться с каждой мелочной придиркой. Словом, правительство вернуло мне свободу» {63} ¹⁴.

---

¹⁴ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений.

4. Кройцнах, 1843

*Итак, где бы я не был,
Душа моя принадлежит вашему сердцу
Здесь она полна самых безумных мечтаний,
Здесь она парит и порхает в воздухе...*
Генрих Гейне {1}

Маркс снова остался без работы и денег. Это станет привычным делом на ближайшие десятилетия его жизни: всю свою жизнь Маркс будет отстаивать безусловный примат экономики в жизни общества, при этом демонстрируя полную несостоятельность во всем, что касается его личных финансов. (Его репутация была хорошо известна. По настоянию семьи Вестфален он подписал соглашение, по которому его будущая жена не несет ответственности за любые его долговые обязательства, принятые им до брака {2}). От матери денег получить не удалось {3}, и потому в марте Маркс отправляется в Голландию – повидаться с дядей, Леоном Филиппсом, чтобы обсудить возможное наследство. Хотя никаких письменных свидетельств этой поездки не сохранилось, можно предположить, что Маркс заручился согласием Филиппса, потому что деньги у Маркса откуда-то появились, и их хватило до конца года. Вряд ли он скопил их за время работы в Кельне.

В этот период Маркс активно переписывается с Рюге, ко-

торый строит планы переезда во Францию и создания «Германо-французского ежегодника», издания, которое могло бы стать рупором оппозиции сразу двух государств. Маркс от этой идеи пришел в восторг, но Женни отнеслась к перспективам прохладнее. Она боялась, что, если Маркс переедет во Францию, его объявят изменником родины и запретят въезд в Пруссию {4}.

Примерно в это же время Маркс получает сразу два предложения, позволяющие ему остаться на родине. Одно из них исходит от дальнего родственника по фамилии Эссер, который был тайным советником и служил в Берлине, в ведомстве апелляционного суда по Рейнланду. Эссер был уполномочен властями предложить Марксу государственную службу – возможно, это была попытка несколько приручить молодого оппозиционного критика, чья слава неуклонно росла.

Еще одна возможность поступить на госслужбу была предоставлена Фердинандом, который, хоть и не сумел выиграть битву за сестру, все же стремился максимально контролировать и ее саму, и ее строптивого мужа {5}. Государственная служба всегда считалась престижной, надежной и желанной для выпускников университета, однако Маркс отклонил оба предложения.

Он все больше утверждался в мысли о необходимости отъезда из Германии; как писал Рюге, «чтобы издавать газету без оглядки на ограничения и с беспощадной откровенностью» {6}. В мае Маркс едет в Дрезден, чтобы встретиться-

ся с Рюге и Юлиусом Фробелем, профессором из Цюриха, у которого было собственное солидное издательство. Рюге и Фробель договорились о совместном вложении средств в новую газету, Марксу было предложено место редактора с жалованьем, сопоставимым с тем, что он получал в Кельне, плюс роялти потенциальной стоимостью в половину этой суммы. Маркс дал свое согласие и сообщил, что займется подготовкой статей в Кройцнахе, чтобы иметь достаточно материала для первых выпусков {7}. Как ни странно, в середине письма Рюге Маркс сбивается на очень доверительный тон, что обычно было для него нехарактерно: «Могу Вас заверить без тени романтики, что я влюблен с головы до пят, притом – серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти – с ее пиететно-аристократическими родственниками, для которых в одинаковой степени являются предметами культа и «владыка на небе», и «владыка в Берлине», отчасти – с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов» {8} ¹⁵.

Маркс пишет о «бессмысленных и изматывающих ссорах» с представителями обеих семей, представляя дело так, будто они с Женни изо всех сил пытались пожениться еще с 1836 года, года их помолвки. На самом деле этому браку мешал только один человек: Карл Маркс. Он все время ме-

---

¹⁵ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений.

тался между Бонном, Берлином и Кельном, предпринимая все свои действия в одиночку и нимало не заботясь о том, чего это стоило Женни и какому риску подвергало их затянувшиеся в своей неопределенности отношения. Примечательно, что сама Женни ни разу не потеряла терпения по отношению к своему возлюбленному. Ее письма зачастую полны тревоги, но главное в них – бесконечная любовь к своему Карлхену. Буквально накануне свадьбы она написала, что готова следовать за ним повсюду: «Я пойду за тобой везде и куда угодно. Если бы я только могла сделать все твои пути легкими и безопасными, если бы могла убрать с них все препятствия...» {9}

Немецкий романтик Готлиб Фихте считал, что человек может познать свое «я», свою истинную сущность, лишь влияя на другого человека. Маркс и Женни открывали свою сущность друг через друга {10}. Их бесконечная помолвка завершилась 19 июня 1843 года, когда они поженились в протестантской церкви Кройцнаха. Никто из родственников Маркса на свадьбе не присутствовал. Единственным из семьи Женни был ее брат Эдгар. Марксу было 25, Женни 29 лет {11}.

В качестве свадебного подарка Каролина фон Вестфален преподнесла дочери старинный серебряный сервиз и постельное белье, все это было украшено вензелем рода Аргайл. Она же дала молодым денег на медовый месяц, который они провели в Швейцарии {12}. Женни показала себя

образцом бережливости еще до свадьбы: она велела Марксу не покупать никаких подарков к свадьбе, даже цветов – нужно было экономить {13}. Впрочем, чуть позже, в эйфории первых дней замужества, она без всякого сожаления рассталась с той небольшой суммой, что была у них в наличии. Из швейцарского отеля для новобрачных в Рейнпфальце они возвращались дилижансом, не торопясь, и по дороге еще и ссужали деньгами тех своих друзей-бессребреников, что навещали их по пути в гостиницах. Наличные деньги они всегда держали в открытой шкатулке, стоявшей на столе. Когда молодые вернулись в Кройцнах, шкатулка была пуста {14}. Своего рода символический жест освобождения – прямо из книг любимых романтиков. Перси Биши Шелли наверняка одобрил бы их.

Денежные трудности абсолютно не волновали эту пару. В багаже Маркса хранилось, как они оба считали, самое ценное: 45 томов, которые он намеревался прочитать за время медового месяца, среди них – сочинения Гегеля, Руссо, Макиавелли и Шатобриана {15}. Защищенный тихим, сильным и ровным огнем любви своей Женни, Маркс изучит не только эти книги, но еще и пересмотрит практические политические и экономические уроки, извлеченные из его жизни в Кельне. Тот Карл Маркс, которому суждено будет стать исторической личностью, родился именно в долгожданном браке с Женни. Их клятвы перед алтарем были клятвами истинной верности, а их браку суждено было стать согретым единым

огнем взаимной любви.

Любовь Женни укрепила дух Карла и напитала его разум. Во время медового месяца родились две самые важные его идеи: религия есть опиум для народа, а движущей силой освобождения человечества является пролетариат {16}.

Молодожены оставались в Кройцнахе до октября. Они занимались любовью в окружении книг, они жили в городке, где у них не было ни перед кем никаких обязательств. В июле Женни забеременела, а Маркс приступил к решению одного из самых сложных для него вопросов {17}. К этому времени самое сильное влияние на Маркса оказывают идеи Гегеля, это останется неизменным и в дальнейшем, хотя Маркс будет критиковать Гегеля за отрыв его идей от реальности. Тем не менее главное останется неизменным: диалектика Гегеля станет марксистской диалектикой, Маркс преобразует теорию – в политическую практику. Подобный ревизионистский подход Маркса не в малой степени был продиктован влиянием идей Людвиг Фейербаха {18}. Фейербах был другом Маркса и Бруно Бауэра. В 1841 году он опубликовал книгу под названием «Сущность христианства», в которой утверждал, что Бог есть продукт человеческой мысли, собравшей все добродетели человечества и приписавшей их некоему божеству, которому следует поклоняться. Фейербах утверждал, что таким образом человек сам отказывается от всего лучшего, что есть в его натуре, передавая эти качества кому-то или чему-то другому – и из-за этого чувствуя себя

слабым и недостойным. Затем, в 1843 году, Фейербах публикует серию эссе, в которых спорит с мыслителями прошлого, особенно с Гегелем, утверждая, что они все были не правы, описывая мышление, идею, как и религию, чем-то исходящим извне, со стороны, поражающим человека, словно удар молнии, в то время как на самом деле именно человек генерирует идеи и через это создает себе бога и определенную философию {19}.

Маркс попробовал применить эту идею к положениям Гегеля о государстве – и обнаружил, что Гегель описывает систему, в которой государство функционирует отдельно от личности, навязывая ей свою волю. Маркс спорит с этим, утверждая, что государство есть общество людей, и человек сам должен быть автором законов, конституции, которая является своего рода контрактом, по которому государство действует в интересах человека {20}.

Затем Маркс тщательно исследует религию. Фейербах полагает религию сосудом, который человек создает, чтобы хранить в нем добродетели. Однако Маркс видит в религии лишь отражение страданий человечества. Он называет религию наркотиком, призванным облегчить боль, которую испытывает человек в огромном мире, чувствуя свое бессилие и ничтожность перед мирозданием. «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум на-

рода» {21} ¹⁶.

Пытаясь поставить человека в центре мироздания, Маркс начинает критиковать все и вся; сам он называет это «безрассудной критикой всего сущего, неосторожной до такой степени, что уже не страшны ни результаты ее, ни неминуемое столкновение с властью...» Он говорит Рюге, что именно по этому пути должна пойти их газета. Рюге и Фробель, поразмыслив, приходят к выводу, что такая газета может существовать лишь в одном городе.

В Париже {22}.

---

¹⁶ Речь идет о работе «К критике гегелевской философии права». Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1.

Часть II

Семья в изгнании

5. Париж, 1843

Мы не представляем миру никакой новой доктрины, не утверждаем: се — Истина, на колени перед ней! Мы лишь вырабатываем новые принципы существования мира, опираясь на принципы старые...

Карл Маркс {1}

На протяжении всей истории было несколько моментов, когда Париж становился буквально центром новой вселенной — 1843 год относится к таким моментам. Каждый, кто жил в Париже в то время, участвовал в Истории, все было политизировано до предела. Сторонники реформ из Франции, Германии, России, Польши, Венгрии, Италии смешались с художниками, поэтами, композиторами, писателями и философами, которые все более тяготели в своем творчестве и идеях к реальному, а не идеальному миру {2}.

Аристократы древних родов встречались с революционерами (с весьма противоречивым и темным прошлым) в роскошных салонах или на собраниях тайных обществ, где об-

суждали, как превратить царства – в нации. Политические беженцы блистали на банкетах в ресторанах и кафе Правого Берега, где их принимали, словно принцев крови. Военные покидали службу, чтобы примкнуть к оппозиции, – и это считалось доблестью; впрочем, модницы и кокетки горько сетовали об их отказе от пышных мундиров.

Таково было время короля Луи-Филиппа в Париже, куда, словно магнитом, тянуло радикалов со всей Европы.

Во время Французской революции 18-летний Луи-Филипп сам поучаствовал в свержении монархии, после чего много путешествовал по Англии и в особенности – по совершенно новому рассаднику идей равенства – Соединенным Штатам. Таким образом он впитывал самые современные политические веяния и, напившись идеями, в 54 года не вызывал особой ярости у оппозиции, да и она его не раздражала – до тех пор, пока не вмешивалась в его бизнес. Он учился на ошибках своих предшественников и прекрасно понимал, что либерализм жизненно необходим не только для его собственной безопасности и его трона, но и для того, чтобы процветал его личный бизнес и пополнялась государственная казна. В результате Париж этого периода буквально сияет в своем великолепии, богатстве и пышности. На одно платье из модной коллекции идет 250 ярдов знаменитого кружева Шантли и индийского кашемира, а стоит оно 10 000 франков – это в десять раз больше годового дохода целой рабочей семьи {3}. Однако Париж – это еще и

дом родной для проповедников самого радикального толка и левых взглядов (иногда их, впрочем, повсюду сопровождают женщины, одетые в подобные платья), которые яростно пророчат скорый конец всему этому бесстыдному расточительству. По словам Фридриха Энгельса, Париж был именно тем местом, где «европейская цивилизация достигла своего полного расцвета» {4}.

Женни и Карл приехали в город вечного праздника – и после долгой и утомительной поездки оказались в самом центре этого карнавала. Они приехали в Париж, потому что здесь была свобода; потому что здесь можно было писать и говорить то, что думаешь, не опасаясь цензуры... однако вполне возможно, что их несколько удивило то, как выглядит эта самая свобода. В Пруссии они лишь предполагали, как это может быть, и верили в это, не зная по сути. Теперь же они видели всю эту суету своими глазами: то, как буржуазия откликнулась на призыв государства «обогащайтесь»; то, как легко декларировались повсюду самые различные «-измы» – либерализм, социализм, коммунизм, национализм. Все эти идеи, движения и термины были рождены здесь, в Париже – и выплескивались в остальную Европу {5}.

Ни Карл, ни Женни еще никогда не бывали так далеко от дома – и до такой степени «за границей». Тем не менее оба пришли к выводу, что Париж – это их город.

Почти сразу погрузились они в парижскую жизнь. Женни, как и ее мать, обожавшая театр, оперу, шумное об-

щество, в особенности полюбила эту нескончаемую оперу-буфф, разыгрывающуюся на тенистых бульварах французской столицы. Здесь все – от непомерно узких брюк и элегантных пальто мужчин до вычурных дамских нарядов и причесок – предназначалось для привлечения внимания, внешнего эффекта. На этих улицах, по ироничному наблюдению Женни, словно бы шли бесконечные брачные игры; казалось, что обеспеченные классы не думают ни о чем, кроме любви. И одновременно совсем рядом, на узких улочках, да и в самих домах богачей, жили, трудились, обслуживали сияющий Париж те, кто в один прекрасный день станет причиной его падения. Эти бедняки кипели ненавистью, но пока наверху ее никто не замечал – настолько велика была иллюзия безопасности и незыблемости общества, привыкшего помыкать себе подобными.

После долгих и тоскливых лет в Трире, когда постепенно, год за годом, уходила ее молодость, Женни с восторгом окунулась в ту жизнь, о которой она мечтала. С мыслями о будущих доходах Маркса от газеты эта жизнь казалась еще ярче и безоблачнее. Карл кипел идеями для книг, которые он напишет, а она переведет; Женни ждала ребенка; они оба были в Париже, и революция представлялась романтическим праздником. Даже ее преданные бойцы предпочитали модную одежду.

Дочь тихого Рейнланда с жадностью вдыхала атмосферу большого города и чувствовала себя совершенно опьянен-

ной ею.

Незадолго до приезда Марксов в Париж сюда уже переехал Рюге – в специальном семейном экипаже, с женой, целым выводком детей и увесистой копченой телячьей ногой – про запас. Он был богат исключительно в смысле счастливой семейной жизни – но стеснен в средствах; зная, что Марксы тоже экономят буквально на всем, он предложил объединиться в небольшую семейную коммуну вместе с еще одной парой – поэтом Георгом Гервегом и его женой Эммой. Консервативный и добропорядочный Рюге занял два этажа в довольно скромном доме на рю Ванно, расположенной между набережной Сены и бульваром Сен-Жермен. Трое мужчин должны были стать сотрудниками «Ежегодника», редакцию планировали разместить в том же доме – а женщины могли бы сообща вести домашнее хозяйство {6}.

Поначалу это предложение Карл и Женни встретили с энтузиазмом, радуясь тому, что будут жить в чужом городе вместе со своими соотечественниками. Однако очень скоро этот план рухнул. Годы спустя сын Гервегов, Марсель, писал, что его мать оценила обстановку с первого взгляда и почуяла надвигающиеся проблемы: «Как могла фрау Рюге, милая маленькая саксонская домохозяйка, поладить с умной и амбициозной фрау Маркс, далеко превосходившей ее интеллектом?» Гервеги не стали дожидаться обострения обстановки и быстро отказались от идеи совместного проживания {7}, а Маркс и Женни прожили с семьей Рюге две недели – и пе-

реселились в другой, более элегантнй дом на той же улице, чтобы начать самостоятельную семейную жизнь.

Доктор Карл Маркс и его жена быстро влились в парижскую жизнь, войдя в либеральные и радикальные круги, где впервые состоялось их представление обществу в качестве семейной пары. Маркс гордился своей Женни, чья красота была заметна даже среди эффектных и ярких парижанок, не говоря уж о ее уме и интеллекте. С самых первых дней их брака Маркс признавал жену интеллектуально равной себе, и это вовсе не было преувеличением со стороны влюбленного молодого мужа: Маркс всегда был беспощадно правдив в оценке чужого ума и не стал бы полагаться на суждения Женни, если бы не считал ее на самом деле умной женщиной {8}. На самом деле за всю жизнь подобной высокой оценки и искреннего уважения Маркс удостоил еще лишь одного человека – Фридриха Энгельса, ставшего альтер эго самого Маркса и его ближайшим соратником. Но Энгельс был только другом и коллегой – Женни была еще и его любовью.

В частной, интимной жизни Маркс был нежным, любящим и добрым человеком; его часто называли душой компании – пока дело не касалось бессонных ночей, проводимых им за работой, или периодов болезненного беспокойства за свою работу.

В публичной же жизни он был яростным спорщиком, зачастую высокомерным и заносчивым, совершенно нетерпимым к тем, кто рискнул с ним не согласиться. Эпизоды его

не вполне трезвых дебатов с коллегами в Бонне, Берлине и Кельне зачастую оборачивались отнюдь не только словесными битвами. У него не было времени на соблюдение светских условностей; для того, кто проповедовал значимость человеческой личности, Маркс был удивительно нетерпим ко многим личностям, столкнувшимся с ним в реальной жизни. Споры бодрили его – но в то же время и отвлекали от самого главного, от того, что он любил больше всего в жизни. Счастливее всего он чувствовал себя за работой, среди своих книг (он называл их «своими рабами»). Маркс был интровертом, который, несмотря на все свое сопротивление этому, притягивал к себе людей, очаровывая и увлекая их своим несомненным лидерством и уверенностью в себе. Богатый русский либерал Павел Анненков называл Маркса «воплощением демократического диктатора», который вызывал бесконечное уважение, несмотря на свою неуживчивость и неряшливый вид {9}.

Женни, напротив, была признанным авторитетом в отношениях с обществом. Ее спокойное благородство и изысканность манер успокаивали тех, кого уже успевал напугать ее необузданный муж. Только рядом с ней Маркс становился на людях почти таким же, каким бывал только дома: веселым, остроумным, порою даже фривольным. Бешеный дикарь становился ручным в нежных руках его жены.

Женни исполнилось 29, а Марксу 25, когда они прибыли в Париж. Среди немецких эмигрантов имя Маркса – кельн-

ского журналиста и публициста – было достаточно известно, но Париж того времени стал убежищем для куда более знаменитых сыновей Германии. Георг Гервег был одним из них. Несколькими месяцами ранее Фридрих Вильгельм назначил ему личную аудиенцию – вскоре после того, как сам же и запретил последнюю книгу Гервега по политическим мотивам. Император хотел убедить Гервега примкнуть к правительству в деле культурного возрождения Пруссии, однако поэт смело ответил, что является прирожденным республиканцем и потому не может служить короне. После этого он был последовательно изгнан из Пруссии, Саксонии, Швейцарии, и в конце концов добрался до Парижа {10}. Как и ожидалось, слава его росла с каждым новым актом о выдворении. По пути во Францию он женился на дочери богатого берлинского торговца шелком (шафером на их свадьбе был будущий анархист Михаил Бакунин) и мечтал стать поэтическим голосом Новой Германии {11}.

Как и Маркс, Гервег собирался писать для газеты Рюге. Обе пары были недавно женаты и потому быстро сдружились. Вскоре Маркс узнал, что его талантливый и очень привлекательный внешне друг известен всему Парижу своим вольным отношением к любви. На тот момент любовницей Гервега была графиня д'Агу, писавшая романы под псевдонимом Даниэль Стерн и имевшая троих детей от своего предыдущего любовника, венгерского композитора и пианиста Ференца Листа. Графиня содержала один из самых по-

пулярных и известных салонов в Париже. Среди ее близких друзей были Жорж Санд, Шопен, Энгр и Виктор Гюго {12}.

К середине XIX века разница между художниками, наподобие этих, и радикально настроенными оппозиционерами-политиками, вроде Маркса, была размыта. Художники в значительной степени оторвались от богатых патронов-меценатов, которые раньше щедро платили за стихи и картины {13}. Теперь же «работники умственного труда», как называл их Маркс, испытывали нужду и голодали так же, как и простые рабочие. Столкнувшись с близкой перспективой нищеты, все эти романтические непонятые гении постепенно политизировались. Один писатель заявил, что художники – это универсальные партизаны, прирожденные борцы, чьи работы следует считать в первую очередь политическим инструментом {14}.

Оказавшись в этом «полусвете творческих личностей», Маркс и Женни легко приняли и оправдали поведение Гервега как нечто, что невозможно было – особенно для Женни – даже и представить в консервативной, обывательской Германии. Как бы там ни было, Маркс всю свою жизнь подходил к оценке поэтов с отдельным стандартом. Его дочь Элеонора писала, что Маркс называл их «странными рыбами, которым позволено плыть своими собственными путями. К ним нельзя подходить с обычными мерками или даже с мерками, по которым судят выдающихся людей» {15}.

Примерно в это же время один немецкий доктор знако-

мит Маркса и Генриха Гейне. Гейне удалился в изгнание, когда Карл был еще мальчиком, однако он всегда незримо присутствовал в жизни Маркса, и не только как литературный кумир, но еще и как дальний родственник со стороны матери. Хотя Гейне был на двадцать лет старше Маркса и так же склонен более заводить врагов, нежели друзей, они сошлись очень быстро и тесно. Гейне говорил, что им всегда «достаточно было лишь нескольких слов, чтобы понять друг друга» {16}.

В юности Гейне был очень привлекателен; первое впечатление, которое он производил, – мягкость. Она проявлялась в нежных чертах лица, разрезе больших глаз, неизменно длинных волнистых волосах. Однако к тому времени, как с ним познакомились Маркс и Женни, он выглядел уже куда более драматично. Ему диагностировали блуждающий паралич лицевого нерва, который в 1843-м поразил левую часть его лица; он боялся ослепнуть. Гейне только что женился на своей любовнице Матильде (неграмотной француженке, 15 годами его младше, понятия не имевшей, кем на самом деле был ее сожитель) накануне поединка, который должен был проиграть (он этого не знал {17}).

Однако это существование на грани жизни и смерти, казалось, только и питает его поэтический дар. Критики описывали его как «чудовищно эгоиста», но на самом деле он был крайне чувствителен и не раз плакал в присутствии Маркса из-за плохих отзывов о его стихах (в таких случаях Маркс

поручал его заботам Женни, которая своей добротой и мягким юмором умела успокоить поэта и вернуть ему уверенность в своих силах). Гейне, без преувеличения, стал членом семьи Маркс, и они ежедневно навещали друг друга {18}. Эти отношения были очень важны для обоих; поэт все глубже вникал в политику, а Маркс с его помощью становился более зрелым писателем – и мужчиной. Впрочем, Матильду Маркс искренне ненавидел, подозревая, что она и ее компания, состоящая из сутенеров и проституток, просто вытягивали из слабохарактерного Гейне деньги и силы {19}.

Газету Рюге, которая должна была выходить ежемесячно на французском и немецком языках, планировали выпустить в ноябре 1843, однако возникли проблемы с финансированием и подпиской. Рюге не смог привлечь ни одного французского подписчика. Вообще, единственным иностранным подписчиком стал русский, Михаил Бакунин, в то время также живший в Париже. Рюге поручает Марксу подыскать французских авторов и интересуется, должны ли они привлекать к работе женщин-авторов – Жорж Санд и Флору Тристан. Маркс был знаком с обеими, но достоверных сведений о том, смог ли он уговорить их сотрудничать с «Ежегодником», нет. В конечном итоге ни эти дамы, ни любые другие французские авторы в газете так и не публиковались. Германия жадно впитывала французскую философию, но сами французы, кажется, не хотели иметь с немцами ничего общего, считая, что немецкая философия возилась с

проблемами, которые сами они уже разрешили в 1789 году {20}.

В результате этих потрясений Рюге заболел, стал крайне раздражителен – и выпуск газеты был отложен до февраля 1844 года. Когда «Ежегодник» наконец вышел (под редакцией Маркса) – это была уже скорее целая книга, включавшая стихи Гервега и Гейне, полемическую переписку Рюге, Маркса, Фейербаха и Бакунина, статьи Бакунина, Мозеса Гесса и бывшего редактора газеты, эмигранта из Баварии Ф.К. Бернайса; а также две статьи Маркса и его молодого соавтора, немца, проживающего в Англии, – Фридриха Энгельса. Тираж газеты составил тысячу экземпляров.

Рюге, истинный умеренный демократ по убеждениям, сердился на Маркса за его радикализм и неотшлифованный стиль его статей {21}. (Рюге стал первым критиком стиля Маркса, впоследствии многие будут упрекать его в использовании слишком длинных и громоздких фраз, слишком сложных аллюзий, бессвязных аргументов и совершенно очевидном равнодушии к читателю – Маркса совершенно не волновало, поймут ли то, что он пытался сказать.) Женни вспоминала, что газета, на которую она так рассчитывала в качестве их обеспеченного и успешного будущего, «стала их несчастьем с первого же выпуска» {22}.

Своего читателя во Франции «Ежегодник» не обрел, а через границу с Германией тираж не пропустили. Рюге и Фробель урезали финансирование, а затем обрели плоть и кровь

страхи Женни, что ее мужа не пустят обратно в Германию. Прусские власти получили предписание арестовать при пересечении границы Карла Маркса, Рюге, Гейне и Бернайса по обвинению в государственной измене {23}. Среди статей, которые прусские власти нашли предосудительными, были две, которые Маркс начал писать во время медового месяца. Одна содержала критику философии Гегеля, другую Маркс озаглавил «О еврейском вопросе». Обе статьи явились результатом того периода, который Маркс провел в Берлине и Кельне, однако несли на себе и отчетливый отпечаток французского влияния, особенно в части обсуждения нового по тем времена понятия «пролетариат». Произведено оно от латинского слова *proletarius*, означавшего «низший класс, не имеющий никакой собственности»; этот термин Маркс применял в отношении жертв социальных реформ и угнетения. Однако имелись в виду не те, кто исторически считался бедняками; пролетариат XIX века – это те, кто когда-то был в состоянии себя обеспечивать, но стал жертвой экономических и промышленных подвижек, в частности – в результате замены людского труда на машинный, использования более дешевой рабочей силы женщин и детей, снижения заработной платы, сокращений, увеличения количества рабочих часов без увеличения оплаты и т. д. {24}.

В своей критике Гегеля Маркс утверждал, что одна голая теория не способна питать революцию, но пролетариат с его грубой силой и гневом, порожденным социальной неспра-

ведливостью, вооруженный интеллектуальным оружием в виде новой философии – способен {25}. «Голова этой эмансипации – философия, ее сердце – пролетариат» {26}.

Размышляя над «еврейским вопросом», Маркс рассматривает религию не с точки зрения богословия, а как социальную и политическую величину. В начале XIX века евреи в Германии занимались в основном торговыми и финансовыми сделками, селились на определенных территориях, хоть и не закрепленных за ними законодательно, но отведенных государством – все это помогало им сформироваться как общности. Однако с 1816 года, когда родной отец Маркса был поставлен перед выбором – остаться евреем или стать полноценным членом общества, перейдя в христианство, – евреи в Пруссии не имели одинаковых прав с остальными гражданами. В начале 40-х годов права и роль евреев в обществе вновь подверглись пересмотру.

В своей работе Маркс утверждал, что религия используется государством для решения повседневных задач, будь то христианство на политической арене или доминирование евреев в торговле, а также размышлял, что может означать свобода от религии, если не рассматривать этот вопрос в русле теологии.

Маркс говорит, что евреи, заняв нишу своей основной деятельности – финансы, – стали необходимым условием самого существования государства, и заключает, что изгнание евреев из ниши коммерческой деятельности (каковую он счи-

тал сущностью иудаизма) и тем самым лишение их выгоды – спровоцирует социальную революцию в Германии, о которой Маркс так мечтал. Государство не сможет выстоять, если рухнет один из важнейших его столпов – финансирование; государство, которое Маркс и его единомышленники презирали, падет {27}.

Две статьи Маркса в «Ежегоднике» затрагивали совершенно разные темы, но одинаково касались будущего Германского союза, и обе прогнозировали его развал. В этих статьях Маркс зашел дальше, чем во всех работах кельнского периода, когда приходилось высказываться с оглядкой на цензуру. В Париже никаких цензурных ограничений не существовало, и тон статей Маркса стал намного резче, в них явно обозначилась тенденция к революционной пропаганде.

К этому времени Женни находилась на седьмом месяце беременности, а финансовое положение семьи было по-прежнему нестабильным. Отношения Маркса и Рюге заметно испортились из-за излишне радикального тона статей Маркса, кроме того, они часто спорили по поводу Гервега. Рюге чувствовал отвращение к поведению Гервега. Он называл его распутником и потаскуном, говоря, что тот «поддался и продался соблазнам Парижа, его магазинам, богатым салонам, цветочным киоскам, экипажам и девицам». Его приводили в ужас отношения Гервега с графиней д'Агу, и он обвинял поэта в легкомыслии и лени. Во время одной из таких обличительных тирад Маркс молча выслушал его и тихо

ушел, но дома сочинил открытое письмо, в котором гневно и пламенно защищал гений Гервега и назвал Рюге недалеким, узко мыслящим обывателем и филистером {28}. Впрочем, вполне возможно, что истинной причиной их разногласий все же были деньги. Рюге отказывался платить Марксу обещанное жалование и вместо денег предложил забрать часть тиража бесполезной, как ему казалось, газеты.

Отказ Рюге платить взбесил Маркса не только потому, что у него не было других источников дохода, а ему вот-вот предстояло стать отцом, но и потому, что он знал о наличии у Рюге средств, вырученных на железнодорожных акциях {29}.

Положение Карла и Женни грозило стать безвыходным, однако Георг Юнг и бывшие акционеры «*Rheinische Zeitung*» два раза присылали Марксу суммы, которые он мог бы заработать в качестве соредактора «Ежегодника», – это было сделано, по их словам, в знак признательности за совместную работу в Кельне {30}. Это поступок, в свою очередь, вызвал резкое раздражение Рюге и побудил его пожаловаться Фробелю на то, что Маркс и Женни живут не по средствам. «Его жена подарила ему на день рождения хлыст для верховой езды стоимостью в сотню франков – а наш несчастный дьявол не умеет ездить верхом и не имеет лошади! Он вечно хочет иметь то, на что падает его взгляд: экипаж, дорогую одежду... луну с неба» {31}.

Другое письмо Рюге содержит ядовитое описание еще одной «мании», якобы владеющей его бывшим коллегой. Рю-

ге характеризует Маркса как «циничного и жестокого, грубого, высокомерного человека... Эта своеобразная личность хороша в роли ученого и философа, но совершенно невыносима и разорительна в качестве журналиста. Он много читает, он работает с необычайной интенсивностью... но ничего не доводит до конца, обрывает сам себя на полуслове и с головой погружается в свои любимые книги» {32}.

За год раскол между двумя бывшими друзьями стал окончательным. Даже и по прошествии времени Маркс не пощадит Рюге – «невежа с лицом хорька» станет самой короткой и оскорбительной характеристикой бывшего друга {33}.

Первенец Маркса и Женни родился 1 мая 1844 года. Маленькая Женни, или Женнихен, получила свое имя в честь матери, но унаследовала от отца черные глаза и волосы {34}. Ни у Карла, ни у Женни не было никакого опыта в обращении с грудными младенцами. Женни выросла в доме, где всегда было полно слуг, а детей почти сразу после рождения передавали кормилицам и нянькам. Маркс же так давно ушел из семьи в самостоятельную жизнь, что вел себя так, будто бы был единственным ребенком в семье, хотя у него было семеро братьев и сестер.

Их богемные приятели в Париже, просыпающиеся в 5 часов вечера и до 5 утра проводящие время в кафе, салонах и ресторанах, тоже ничем не могли помочь молодым родителям, так что Карл и Женни справлялись с малышкой Женнихен по мере способностей, пока девочка не заболела, и до-

вольно тяжело.

Помощь пришла с неожиданной стороны: от Генриха Гейне. 46-летний поэт, страдающий от паралича, никогда не имевший собственных детей, однажды пришел к ним и обнаружил молодых родителей близкими к безумию, у постели корчившейся в судорогах малютки. Гейне принялся командовать. Велел вскипятить воды и искупал девочку в горячей ванне {35}.

Женнихен поправилась, но ее родители все никак не могли прийти в себя. Было решено, что Женни с ребенком отправится в Трир, где ее мать могла бы помочь ей с малышкой в эти самые сложные первые месяцы. Одетая в дорожный плащ и шляпку с пером, с ребенком на руках, Женни села в дилижанс и отправилась домой, оставив Маркса в Париже одного. Чем дальше на восток они уезжали, тем больше Женни беспокоилась. Они не прожили в браке и года, и молодая женщина боялась, что ее Карл падет жертвой «необузданных страстей и соблазнов французской столицы» {36}. Женни уже хорошо усвоила, что Париж был тем местом, где легко исполняются практически любые желания.

Ей не стоило волноваться. Маркс был очень занят в ее отсутствие, но отнюдь не другими женщинами. Пока Женни отсутствовала, он с головой погрузился в мир тайных обществ – и начал свои первые реальные исследования экономики.

6. Париж, 1844

*Пять человек слушали и не понимали, а пятеро
других не понимали, но говорили.
Александр Герцен {1}*

Безработица для Маркса означала свободу: теперь он мог вернуться к обучению. Его классными комнатами стали маленькие кафе, освещенные газовыми рожками, винные погребки и крошечные конторы, переполненные мужчинами, почти не видящими друг друга в клубах сизого сигарного дыма. Здесь не было лекций – здесь шли дискуссии, шумные собрания, привлекавшие внимание любопытных прохожих. Заглянув сюда, можно было услышать пламенные речи на всех европейских языках и увидеть, как мужчины кричат друг на друга, иногда даже не понимая собеседника, но обсуждая одни и те же темы: достоинства социализма, коммунизма, национализма, либерализма и демократии. Надо ли брать власть силой? Восстанавливать ли после этого государство из руин – или обратиться к правящему классу с требованием кардинальных социальных перемен, неотвратимость которых видит каждый, – и монархии должны смириться с этим процессом. Здесь были те, кто поддерживал растущую роль буржуазии и промышленников, кто видел надежду человечества в технических и научных достижениях, ускоряющих производство; в сокращении расходов на производство

основных товаров и в открытии новых рынков сбыта. Раздавались и другие голоса, призывавшие к осторожности. Эти люди говорили о том, что упомянутые достижения таят в себе даже большую опасность для трудящихся, чем монархия, которую буржуазия высокомерно считала бессильной и полностью исчерпавшей себя. Промышленниками двигала обыкновенная жадность, жажда наживы – и ради нее они были способны жертвовать целыми поколениями рабочих.

Однако все стороны, участвующие в этих дебатах, видели необходимость введения новых форм правления в Европе. Природа общества изменилась. Абсолютные монархии с их деспотичными правителями, кровавыми приспешниками и подбострастными придворными выглядели архаично и неестественно, словно персонажей пьесы вырядили в костюмы прошлых веков – однако они нешуточным образом сдерживали социальный и экономический прогресс. Да, все те, с кем общался Маркс, признавали необходимость отмены монархии как формы правления, расходясь лишь в вопросах тактики и способов смены режимов {2}.

В марте, перед отъездом Женни в Трир, Маркс принял участие в банкете, на котором обсуждались эти проблемы. За столом сидели несколько человек – каждый из них вскоре станет активным действующим лицом грядущей революционной драмы, которая будет разыгрываться по всей Европе на протяжении ближайших тридцати лет. Идеи, предложенные ими, были противоречивы, разнообразны и в разной

степени сложны, однако все эти люди уже давно сформировались как личности {3}. Двое из собравшихся значили в жизни Маркса очень многое: Михаил Бакунин и Луи Блан.

Бакунин был сыном русского графа. Он владел громадным поместьем и пятью сотнями крепостных. Мать его происходила из знаменитого рода Муравьевых, ее близкий родственник был повешен в 1825 году за участие в восстании против царя. Бакунин должен был стать военным, однако в 21 год оставил военную службу и решил посвятить себя научной деятельности. В 1840-м он оказался в Берлине, где примкнул к русскому кружку младогегельянцев, куда входил и его близкий друг, писатель Иван Тургенев {4} (ему принадлежит авторство термина «нигилизм» {5}). Высокий, долговязый Бакунин ходил повсюду в грязной студенческой фуражке поверх нечесаной гривы вечно сальных черных волос. Он был настоящим человеком действия, неумным в своих аппетитах, всегда готовый яростно броситься на защиту своих идей или идей своих друзей. Странно замкнутый с женщинами (поговаривали, что он страдает импотенцией), он тем не менее оказывал на них почти гипнотическое воздействие, и женщины всех сословий буквально тянулись к нему {6}.

Ко времени приезда в Париж Бакунин уже приобрел репутацию революционера, который больше доверяет собственным инстинктам, а не разуму {7}. Он был на 4 года старше Маркса, однако, по его собственному признанию, куда менее

развит в интеллектуальном смысле. С самого начала отношения между ними были несколько напряженными. Как замечает один писатель, «между русским аристократом и сыном еврея-адвоката стояла не только разность темпераментов; их разделяла громадная пропасть в традициях и идеях, на которых они выросли и возмужали» {8}.

Десятилетия спустя Бакунин писал в воспоминаниях о том времени: «Мы виделись довольно часто, так как я весьма уважал его за науку и страстную и серьезную приверженность делу пролетариата, хотя и постоянно смешанную с личным тщеславием. Я с жадностью искал разговоров с ним, всегда поучительных и возвышенных, когда они не вдохновлялись мелочной злобой, то, что случалось, увы, слишком часто. Однако никогда между нами не было полной открытости. Наши темпераменты не выносили друг друга. Он называл меня сентиментальным идеалистом, и он был прав; я называл его вероломным и скрытным тщеславцем; и я был тоже прав...» {9} ¹⁷

Луи Блан, которому в 1844 году исполнилось 33 года, был одним из самых знаменитых социалистов Франции, особенно популярным в среде наиболее образованных рабочих. Физически и интеллектуально он был полной противоположностью Бакунину. Блан был ростом с 8-летнего ребенка,

---

¹⁷ Русский перевод дан по: Бакунин М.А. *Мои личные отношения с Марксом* // Материалы для биографии М. Бакунина / Под ред. Вяч. Полонского. Т. 3. М. Л., 1928.

однако у него при этом были железная воля прирожденно-го лидера и могучий интеллект, позволившие ему стать признанным лидером рабочего движения {10}. В 1840 году он опубликовал две книги: «Организация труда», в которой он призывал к рабочему контролю в условиях демократического государства, и «История Десятилетия» – критика правления Луи-Филиппа. В 1843 году он основал оппозиционную газету «La Reforme», которая выступала за отмену монархии в пользу республики, всеобщее избирательное право, гарантированную занятость рабочих и защиту прав трудящихся {11}. Блан, как и Бакунин, будет неоднократно встречаться с Марксом на протяжении нескольких лет, и, как и в случае с Бакуниным, их встречи всегда будут заканчиваться бурными спорами.

Когда все эти мужчины собрались за одним столом, в Европе еще не было никаких международных организаций, под эгидой которых могли бы проходить такие встречи. Отчасти это происходило из-за разобщенности, из-за того, что проблемы каждой страны были уникальны, а отчасти потому, что никакой оформленной оппозиции в то время еще не существовало – пока будущие союзы и организации существовали лишь в мозгу этих самопровозглашенных лидеров. Однако постепенно в Париже, в этом плавильном котле людей и идей, преодолевая разность языков и традиций, начинала оформляться новая идеология, начинался разговор на общую для всех тему. Основными темами обсуждений новых

европейских реформаторов были: либерализм, радикализм, национализм и социализм.

Либералы мечтали о демократическом правительстве, в которое попадали бы по личным заслугам, а не по праву рождения. Они ратовали за то, чтобы право голосования было у тех, кто владеет имуществом и достаточно образован. Кроме того, они хотели свободы слова, печати и собраний, а также защиты прав собственности. Они даже были не против сохранения монархии – при условии принятия конституции.

Радикалы – те же либералы по взглядам, однако они монархию решительно отвергали, тяготая к республиканской форме правления и выступая за активное проведение социальных реформ. Также они считали, что избирательное право должно быть более широким.

Националисты также придерживались либеральных взглядов (особенно немцы и итальянцы), однако главной их целью было национальное самоопределение, объединение страны на основе единого языка и традиционной культуры, отечественной истории и искусства.

Социалисты во многом отличались от своих товарищей по оппозиции.

Социализм возник во Франции в ответ на растущую мощь буржуазии и бизнеса. Его приверженцы выступали против неравенства в праве на собственность, которую они считали инструментом в руках тех, кто стремился к личному обогащению и пытался исключить из политической системы лю-

дей труда. Социалисты в целом поддерживали демократию как противовес монархии и феодализму, однако полагали, что одни только демократические принципы устройства государства не способны защитить права трудящихся в условиях растущей индустриализации { 12 }.

Все эти «-измы», впрочем, существовали в основном в теории и не могли быть применены на практике, поскольку теоретики не опирались на широкую поддержку масс и оставались, образно говоря, полководцами без армии. Причина этого была относительно проста: рабочий класс, который, по мнению Маркса, мог бы стать такой армией, с подозрением относился к умникам из среднего класса и их непонятным идеям. С таким же подозрением относился к ним и сам Маркс. В дискуссиях доминировала идея блага для всего человечества – но интересы отдельного человека никого особенно не интересовали. Кроме того, в идеях этих революционеров-интеллектуалов прослеживалась одна и та же тенденция: замена одного господствующего класса или доминирующей элиты (дворянство) на другой (буржуазия). Это означало, что тирания и эксплуатация в отношении человека труда никуда не денутся.

Наконец, ни в одном из этих движений Маркс не видел главного, с его точки зрения: реального понимания того, что нарождающаяся индустриально-экономическая система Европы серьезна больна (в отличие от нее, проблемы монархии были совершенно очевидны) и что без понимания этого ни-

какие значимые социальные изменения невозможны. Маркс признавал, что и сам не знал ответов на все эти вопросы – но он, по крайней мере, их искал! {13}

Нашел же он их с помощью двух немцев, проживавших на улице Ванно.

Август Герман Эвербек и Герман Маурер были членами тайной организации Союз справедливых, созданной в Париже в 1836 году крайне радикально настроенными беженцами из Германии, в основном пролетарского происхождения {14}.

Союз – наполовину пропагандистская, наполовину тайная организация – придерживался принципов французского коммунизма, выступая за уничтожение частной собственности, поскольку именно в этом видел самый верный способ изменения основ общества {15}. Маркс посетил эти собрания немецких рабочих и их французских единомышленников – и ушел под большим впечатлением, впечатленный их приверженностью идеалам борьбы, что так отличало их от интеллектуалов-социалистов. Маркс писал: «Братство людей для них – не просто фраза, это факт их жизни, и весь их грубоватый облик дышит благородством». Кроме того, Маркс замечает на их лицах печать усталости и отчужденности, как у людей, чей тяжелый труд никогда не оплачивался соразмерно усилиям; эти люди не получают достойной компенсации за то, что производят, и все продукты их труда принадлежат исключительно хозяевам предприятий {16}.

Вдохновленный этой встречей, Маркс возвращается к книгам, которые он читал в тот год – трудам французских и английских экономистов. Он заполняет своими заметками блокнот за блокнотом. Эти заметки – со следами засохшей яичницы и пролитого кофе – станут «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», трудом, который так и не был завершен, но лег в основу всех последующих работ Маркса.

Изучение трудов «буржуазных экономистов», как называл их Маркс, привело его к выводу, что эти ученые опирались на твердую убежденность, будто экономические системы работают в соответствии с непреложными законами, исключая из этого поля влияние человеческой личности и отвергая контроль человека над этими системами. Эти экономисты верили, что бизнес, развивающийся без государственного вмешательства, растет, принося человечеству исключительно пользу. Однако Маркс видел и слышал совершенно обратное, и потому занялся демифологизацией буржуазной экономической науки, описывая реальный мир труда при капитализме со всеми его противоречиями {17}.

В «Рукописях» Маркс разбирался с понятиями заработной платы, аренды, кредитов, прибыли, частной собственности как противопоставления общей, коммунистической собственности, исследовал отношения между капиталом и трудом; в этот период он снова обращается к философии Гегеля. Он обнаружил, что главная составляющая экономической

системы деньги (а в более широком смысле – то, что на них можно приобрести) становятся движущей силой существования современного человека, извращая любые аспекты его отношений с другими людьми и даже его собственную самооценку. Богач преображается внутренне, когда понимает, что может купить все, что захочет.

«Я уродлив – но я могу купить себе красивейшую женщину. Значит, я не уродлив, ибо действие уродства, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами... Я скудоумен, но деньги – реальный ум всех вещей, – как же может быть скудоумен их владелец? Кроме того, он может купить себе людей блестящего ума, а тот, кто имеет власть над людьми блестящего ума, разве он не умнее их?.. Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?» {18} ¹⁸

Между тем труд, благодаря которому богач получает свои деньги, по сути дела, грабит работающего: «Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих» {19}.

Маркс стремится объяснить, каким образом развивались эти уродливые отношения. Он помещает человека в систе-

---

¹⁸ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений.

му, при которой крупные промышленники, буржуазия – контролирующие прибыль и распоряжающиеся ею по своему усмотрению – низводят рабочего на самый примитивный уровень, заставляя его продавать свой труд по самой низкой цене, которую он даже не назначает сам – за него это делает владелец недвижимости или промышленник. Маркс приводит пример – это как если бы человек продавал мешок кукурузы, но вместо того, чтобы назначить за него соответствующую цену, брал за него только то, что хочет заплатить покупатель. Продавец, таким образом, утрачивает контроль над истинной ценой своего товара – именно это происходит с рабочим в системе новых индустриальных отношений. Он становится отчужденным субъектом, никак не участвующим в распределении собственности и прибыли, а все преимущества и выгоды достаются покупателю, капиталисту, который платит рабочему самый минимум, достаточный лишь для выживания.

Теории Маркса, без преувеличения, стали яркой вспышкой, проливающей свет на очень многое. Для него самого мир открывался по-новому. Он другими глазами смотрел на усталые, опухшие от голода лица бедняков, которые пришли в город в тщетных поисках работы, но не могли найти место, способное обеспечить им хотя бы выживание (французы немедленно придумали название этому явлению – пауперизм).

Заработная плата рабочих упала до уровня 20-летней дав-

ности, а жизнь все дорожала, прожиточный уровень за год вырос на 17%. В 1844 году началась широкомасштабная нехватка продовольствия – но столы богачей продолжали ломиться от деликатесов {20}. По Франции прокатилась волна громких скандалов, когда выяснилось, что чиновники правительства собственноручно создали дефицит бюджета и общий дисбаланс экономики, сконцентрировав огромные средства в руках нескольких избранных {21}. Маркс был свидетелем тому, что никакого свободного рынка, который с таким восторгом описывали буржуазные экономисты, не существует, рынок управляется капиталистами, богачами – и исключительно в пользу богачей.

Хотя еще два года назад в Кельне Маркс называл коммунизм несбыточной утопией, сейчас он начинал понимать, что именно эта идея способна оздоровить общество. Люди могут и должны стремиться к богатству, но богатству общему, принадлежащему всем. Люди должны работать – но так, чтобы работа приносила выгоду им самим, а не собственнику производства. Маркс описывает коммунизм как «действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» {22}.

Друг Маркса, Гейне, сказал как-то, что боится, как бы

коммунизм не уничтожил искусство и красоту, на это Маркс отвечал: «Если я не могу опровергнуть предпосылку, что все люди имеют право есть, я должен принять и все, что из этого следует» {23}.

Французские и немецкие рабочие в Париже, считавшие себя коммунистами, верили, что единственный способ разрушить полностью коррумпированный новый экономический порядок – это революция; никакие переговоры и договоры об ослаблении эксплуатации были невозможны, поскольку собственникам было что терять. Промышленный феодализм (как его иногда называли) шел по пути своего исторического предшественника и действовал исключительно с помощью насилия.

Маркс соглашался с ними: «Для того чтобы отменить частную собственность, идеи коммунизма вполне достаточно. Фактически, это и есть главная задача коммунизма – реальное уничтожение частной собственности» {24}.

В самый разгар экономических изысканий Маркса, словно по заказу, началась эскалация насилия. До Парижа дошли слухи о восстании в Силезии, одном из прусских регионов. Для Маркса и его товарищей это было явным предзнаменованием более серьезных событий.

4 июня 1844 года, почти обезумев от страданий и безысходности, группа силезских ткачей двинулась к дому двух братьев-фабрикантов, чтобы потребовать повышения заработной платы. Толпа яростно скандировала: «Вы все злодеи,

вы адские трутни, вы мошенники и слуги сатаны в человеческом обличье. Вы сожрали все, чем владели бедняки. Наши проклятия будут вам расплатой!»

Мужчины, женщины и дети получали на фабриках этих братьев такие мизерные зарплаты, что многие рабочие попросту голодали. В требованиях им было отказано, и разъяренные ткачи ворвались в дом фабрикантов. Братьям удалось скрыться целыми и невредимыми, но рабочие разрушили и сожгли дом. На следующий день число участников восстания выросло по меньшей мере до 5000 человек. Они громили частные дома и фабрики, ломали станки, грабили конторы тех, кто столько лет их обворовывал и отказывал даже в еде. Фабриканты обратились к правительству, на подавление беспорядков была отправлена прусская армия. Солдаты стреляли в толпу восставших, было убито 35 человек. Вооруженные лишь булыжниками и топорами, эти люди заставили солдат отступить, но на следующее утро подошло подкрепление, и бунтари были рассеяны. Кто успел – бежал из Пруссии, остальные были арестованы.

Восстание ткачей стало первым относительно организованным выступлением пролетариата в Германии, и хотя оно окончилось поражением, Маркс воздавал ему должное: оно стало подтверждением его теории о необходимости столкнуть страсть и ярость пролетариата, экономику и государство.

Движущей силой этого восстания стала не абстрактная

идея или символ, вроде религии, национальной принадлежности или царского трона, как часто бывало в прошлые века, – но нечто куда более реальное и важное: хлеб. Особенно же потрясла и возмутила Маркса буржуазия, против которой и поднялись ткачи: в его глазах именно буржуазия стала врагом будущего. Контролируя несметные средства, она контролировала и правительство, даже императора, – собственно, то же самое происходило во Франции {25}.

Воодушевленные происходящими дома событиями, 200 с лишним «парижских немцев» (среди них Маркс, Гервег и Гейне, последний уже успел написать две поэмы, посвященные силезским ткачам) начали собираться на митинги по воскресеньям. Это происходило в парижском винном кабачке на авеню де Венсенн. Французские полицейские осведомители и провокаторы докладывали, что на этих собраниях обсуждаются планы убийства монархов, террор против богачей и церкви и «прочие ужасные вещи» {26}. Маркс также довольно часто встречался с Бакуниным и другими либеральными русскими дворянами, которые проводили много времени в Париже, и мог попытаться убедить их вложить часть средств в общее революционное дело {27}. Наконец, в июле 1844 года Маркс был представлен знаменитому французскому анархисту Пьеру-Жозефу Прудону, самоучке из рабочей среды, который так лихо ответил в своей книге 1840 года на собственный вопрос «Что есть собственность?» – «Собственность – это воровство» {28}. Прудон за-

являл, что не собирается предлагать новую систему, а просто требует положить конец любым привилегиям; справедливость, по его словам, превыше всего.

Однако Маркс называл работу Прудона «эпохальной». Он говорил, что Прудон – первый человек, кто наглядно показал: социальные болезни присущи системе, основанной на частной собственности. Хотя два эти человека часто беседовали, иногда ночи напролет, о коммунизме, Маркс говорил, что по большей части он учил Прудона немецкой философии, которую тот не смог освоить самостоятельно, поскольку не знал языка {29}.

Тот Маркс, который в этом же году писал для «Германо-французского ежегодника» Рюге и был обвинен за эту статью в государственной измене, мог считаться незрелым юнцом по сравнению с Марксом, который летом 1844 года начинает писать для газеты «Vorwärts!». Базирующийся в Париже еженедельник на немецком языке был единственным в Европе изданием немецкой оппозиции, неподконтрольным цензуре {30}. В реальности он финансировался на средства прусского оперного композитора Джакомо Мейербеера, который познакомился с социалистами, коммунистами и их более умеренными либеральными союзниками через графиню д'Агу и получил личные указания от прусского императора Фридриха Вильгельма выявить немецких революционеров в Париже, дав им возможность печататься, и тем самым разоблачить их. Главным редактором стал

друг Маркса, Бернайс, однако его помощником был назначен Адальберт фон Борнштедт, австрийский шпион и провокатор, состоящий на службе у прусского императора.

Вполне возможно, что Маркс и его товарищи знали, на кого работают Мейербеер и Борнштедт, однако попросту решили использовать шанс быть опубликованными. Да и шпионы в их окружении были столь же привычны, как алкоголь и сигары, и иногда приносили интересные сплетни {31}.

Генрих Борнштейн, который основал газету, хотя и не финансировал ее, вспоминал, что в составе редакторского отдела каждую неделю собиралось от 12 до 14 человек – в его собственной квартире, расположенной на рю де Мулен, на правом берегу Сены, к северу от Тюильри. «Кто-то сидел на кровати или на сундуках, другие стояли или расхаживали по комнате. Все они ужасно много курили, а спорили всегда громко и страстно. Открыть окна было нельзя – возле них сразу собралась бы толпа зевак, привлеченная этим страшным шумом – поэтому через некоторое время вся комната заполнялась плотной завесой сизого дыма, и вновь вошедший вряд ли мог кого-то узнать в этом смоге». В этих встречах принимали участие Маркс, Гейне, Гервег, Рюге, Бакунин, поэт Георг Веерт и коммунист Эвербек. Никому из авторов не платили жалованья {32}.

Писем Маркса Женни в Трир за этот период не сохранилось, однако в ее письмах легко читаются страх и тревога за их будущее; возможно, именно об этой тревоге упоминал

много лет назад отец Маркса. В письме, датированном 21 июня, Женни, кажется, с искренним удовольствием подробно расписывает свой обычный день и стремится подчеркнуть все признаки благополучной жизни.

«Со всеми я держусь гордо, и моя внешность и манеры полностью оправдывают это гордое поведение. Во-первых, я элегантнее всех, и кроме того, никогда еще в своей жизни я не выглядела такой здоровой и цветущей, как теперь. Мнение об этом единодушно». Описав неожиданную и теплую встречу с матерью и сестрами Маркса, Женни добавляет: «Удивительно, как успешность и благополучие меняют отношение к тебе людей; вернее, в нашем случае – видимость благополучия». Однако всех близких по-прежнему волнует главный вопрос – где и когда Маркс сможет получить приличное место, и Женни много раз упоминает, что этот же вопрос мучает и ее саму. «Родной мой, меня часто тревожит наше будущее, как ближайшее, так и более отдаленное, и я думаю, что буду наказана за проявленные мной здесь высокомерие и гордость. Если ты можешь, успокой меня в этом отношении. Здесь так много говорят о постоянном доходе»¹⁹.

Женни изо всех сил старается быть сильной, пока ее муж уходит все дальше по выбранному им опасному пути. Повод быть сильной у нее есть – их дочь. Впервые за долгие годы

---

¹⁹ Русский перевод цитат из письма дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

сердце Женни разрывается между двумя одинаково любимыми существами – мужем, оставшимся в Париже, и ребенком, которого она в Париже чуть не лишилась. Она называет Женнихен «самым нежным свидетельством нашей любви» и сходит с ума от тревоги за хрупкое здоровье девочки. «Если бы мы только могли продержаться, пока наша малышка не подрастет...»

Пункт за пунктом чередуются в письмах Женни новости и страхи, однако в конце концов она, кажется, смиряется с тем, что выбор Карла был неизбежен и правилен, и говорит, что все было бы хорошо, если бы он только писал статьи, избегая при этом злого или раздраженного тона: «Ты прекрасно знаешь, какой эффект могут оказывать твои статьи. Пиши – но как бы между делом, небрежно и легко, с твоим обычным тонким юмором». Тем же, кто сомневается в правильности такого решения (возможно – отчасти и себе самой), она говорит: «О, вы, ослы, можно подумать, что сами вы неколебимо стоите на твердой земле! Где сейчас можно найти столь твердый фундамент? Можно ли не видеть повсюду признаки грядущей катастрофы, подрыва устоев общества, колебания опор, на которых возведены его храмы и рынки?» {33}

Примерно через месяц после того, как Женни написала эти слова, заколебались и основы Пруссии. После кровавого восстания ткачей в Силезии страну вновь начало лихорадить после неудавшегося покушения на Фридриха Вильгельма IV. Исполнителем – по словам Жени – двигала не полити-

ка, а голод. В письме мужу Женни описывает неудавшегося убийцу: «Этот человек, подвергаясь постоянной опасности голодной смерти, три дня тщетно нищенствовал в Берлине – таким образом, социальное покушение на убийство! Если когда-нибудь дело начнется, то оно начнется именно с этой стороны – здесь самое уязвимое место, и этой угрозе подвержено и немецкое сердце»²⁰. И все же Пруссия не обращает внимания на приближающуюся опасность: «Все колокола звонили, пушки палили, и благочестивая толпа шествовала во храм, чтобы воздать хвалу небесному богу за то, что он столь чудесно спас бога земного» {34}.

Маркс опубликовал это письмо Женни в газете «Vorwärts!» 10 августа 1844 года, подписав его «Немецкая Женщина». Первая публикация Женни появилась через три дня после того, как ее муж сделал свой собственный вклад в развитие этой самой радикальной из немецких газет {35}. Вскоре после этого газета привлекла повышенное внимание прусских властей, и без того находившихся в состоянии боевой готовности после покушения на императора. Пока имперские шпионы держали сотрудников и авторов газеты под наблюдением, власти не предпринимали против них никаких действий, но все изменилось, когда «Vorwärts!» опубликовала статью, в которой цареубийство было названо единственным способом доказать, что император Пруссии –

---

²⁰ Русский перевод дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

обычный человек, а не избранник небес.

Прусское правительство надавило на французское, которому тоже вовсе не хотелось, чтобы Франция прослыла убежищем для тех, кто призывает к убийству монархов {36}.

Против главного редактора Бернайса было сфабриковано и выдвинуто обвинение, по которому он был на 2 месяца заключен в тюрьму; остальные сотрудники начали готовиться к возможным обвинениям и изгнанию из страны {37}.

В этой напряженной атмосфере Женни готова вернуться в Париж. Между 11 и 18 августа она пишет, что скоро будет рядом с ним и «весь этот ад закончится». Ее письмо переполнено любовью к «дорогому отцу моей маленькой куколки», к ее «хорошему, сладкому черному лохматiku» – и она спрашивает его: «Карлхен, долго ли наша куколка будет исполнять роль соло? Боюсь, я боюсь, что, когда мама и папа окажутся вместе, будут жить по принципу имущественной собственности, соло превратится в дуэт» {38} ²¹.

Женни всегда будет вставать на сторону мужа, когда ему будет грозить опасность. Если он будет в оппозиции, она будет сражаться за него, если в опасности – защищать его. Все страхи насчет их финансов мгновенно растворились перед лицом более серьезных бед.

Через несколько дней после получения ее письма Маркс знакомится с человеком, который станет еще одним его за-

---

²¹ Русский перевод дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

щитником на всю жизнь – с Фридрихом Энгельсом.

7. Париж, 1845

Я вообще не понимаю, как можно завидовать гению. Это настолько своеобразное явление, что мы, не обладающие этим даром, заранее знаем, что для нас это недостижимо; но чтобы завидовать этому, надо уж быть полным ничтожеством.

Фридрих Энгельс {1} ²²

Энгельс путешествовал и направлялся из Англии домой, в Германию, но по дороге решил ненадолго остановиться в Париже. Маркс знал его заочно, как автора блестящей, по его мнению, статьи о политической экономии, которую Энгельс написал для Рюге меньше года назад. Энгельс в свою очередь слышал о Марксе-тиране, главном редакторе «Rheinische Zeitung» в Кельне, чьи труды он очень уважал.

Они встретились 28 августа 1844 года в кафе «de la Regence» – и проговорили подряд десять дней и ночей {2}. Это кафе близ Лувра было отличным местом для их первой встречи: оно было известно едва ли не всей Европе в качестве своеобразного клуба шахматистов, где они оттачивали свое мастерство.

В свои 23 года Энгельс был высоким, стройным, белокурым, очень аккуратно одетым, спортивно сложенным моло-

---

²² Знаменитая цитата из письма Ф. Энгельса Э. Бернштейну в Цюрих от 25 октября 1881 г., русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 35.

дым человеком. Он очень любил женщин – и лошадей. По настоянию своего отца – богатого фабриканта – в 17 лет он бросил учебу, чтобы войти в семейное дело. Называющий себя бизнесменом и «императорским прусским артиллеристом» {3} Энгельс был, казалось, полной противоположностью приземистого, большоголового, смуглого и вечно растрепанного Маркса – во всем, кроме любви к выпивке и довольно ядовитого юмора {4}. Однако если Маркс был весь на виду, то Энгельс был более сложным человеком.

С одной стороны, он был вполне светским человеком, беспечным холостяком, любившим посещать собачьи бега, и ценителем изысканных вин. Но одновременно он был и страстным революционером, взял в любовницы ирландскую революционерку, простую девушку с фабрики, и, еще будучи подростком, написал ряд весьма резких статей на социальные темы, в частности – о результатах нерегулируемой индустриализации в его родном Бармене. Этот юный революционер сам представился Марксу тем августом в Париже, и Маркс с готовностью принял и понял все стороны этого экстраординарного характера.

Натура Энгельса представляла собой редкую комбинацию – человек идеи и человек действия. Он мог писать замечательные статьи, обладал замечательным красноречием и живым умом, – но при этом был и хорошим бизнесменом, прекрасно знавшим всю подноготную промышленности: от апартаментов фабриканта-хозяина до рабочих цехов. Он по-

нимал социальные, политические и экономические последствия существующей промышленной системы, потому что сам жил и работал внутри нее. Он стал посланником материального мира, однажды постучавшим в дверь Карла Маркса, чтобы заполнить пробелы в его теоретических исследованиях.

Что касается самого Энгельса, то в 26-летнем Марксе он увидел столь могучую личность и огромный интеллект, равных которым никогда ранее не знал. Хороший солдат ищет хорошего командира – и Энгельс нашел для себя такого человека.

Позднее он довольно скромно описал их историческую встречу в Париже: «Выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа» {5} ²³. На самом деле он попросту стал спасителем семьи Маркс. Он не только предоставлял фактический материал для статей Маркса, но еще и материально обеспечивал существование всей его семьи.

Энгельс был старшим из восьми детей в семье и являлся наследником процветающей текстильной фирмы, основанной в долине Вупперталя еще в XVIII веке его прадедом. К тому времени как Энгельс превратился в подростка, этот район Рейнской земли считался в Германии самым развитым в промышленном отношении. Река Вуппер была сильно за-

---

²³ Цитата из статьи «К истории Союза коммунистов», русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21.

грязнена промышленными отходами фабрик, принадлежавших семейству Энгельс. Его семья принадлежала к наиболее радикальной ветви христианской церкви; любые радости жизни, увеселения и легкомыслие решительно осуждались, Священное Писание считалось незыблемым канонem, по которому следовало жить, так же незыблемо было мнение христианской общины, к которой принадлежала семья. Едва став самостоятельной личностью, молодой Фридрих принес немало беспокойства своим родителям, прежде всего своим бунтарским духом {6}. В письме к жене Фридрих Энгельс-старший выражает серьезную озабоченность неповиновением своего 15-летнего сына, который отказался признать свою вину даже после серьезного наказания. Кроме того, отец нашел в его столе «грязную книжонку, которую он взял в общественной библиотеке, историю о рыцарях XIII века... Пусть Бог исправит поскорее его характер... Я часто опасюсь за этого превосходного во всех прочих отношениях мальчика...» {7}

Во время обучения в гимназии Эльберфельда Энгельс проявил интерес и – в отличие от Маркса – истинный талант к стихосложению. Первые его стихи были напечатаны, когда Фридриху исполнилось 17, и тогда он искренне надеялся стать литератором {8}. Однако его отец мечтал, чтобы сын пошел по его стопам, и потому вынудил его бросить учебу. Энгельса отправили в Бремен, промышленный город, в качестве ученика на фабрике, и именно там сын фабриканта

начал свой революционный путь. Некоторые из его ранних мятежных выходок стали притчей во языцех для всего города {9}. Он подговорил своих сверстников на спор отрастить усы – что считалось в обществе неприличным. Дюжина юнцов это и сделала – и они все вместе отпраздновали «юбилей усов» {10}. Сестре он хвастался, что оскорбляет «обывателей» не только демонстрацией своих усов на концерте, но и тем, что пришел в обычном пальто и с «голыми руками», в то время как все приличные молодые люди были одеты во фраки и белые перчатки. «Дамам, кстати, очень понравилось... Самое же замечательное, что три месяца назад меня здесь не знал никто, а теперь знают все» {11}. Однако реальным и серьезным его протестом стали статьи. «Письма из Вупперталя» он подписал вымышленным именем, взяв псевдоним «Фридрих Освальд». Как он сам описывал этого персонажа – «философ, коммивояжер, путешественник». «Письма» произвели фурор и стали сенсацией. Опубликованы они были в 1839 году, в одном из периодических изданий Гамбурга, и их тут же расхватили либеральные газеты по всей Германии {12}. В письмах рассказывалось о жизни рабочих, которые начинают работать уже в возрасте 6 лет, трудятся в душных, темных помещениях, вдыхая не столько кислород, сколько угольную пыль и чад. «Удел этих людей – мистицизм или пьянство. Этот мистицизм в той грубой и отвратительной форме, в которой он там господствует, неизбежно порождает противоположную крайность, и в результате получается, что

народ там состоит только из «добропорядочных» (так зовут мистиков) и беспутного сброда» {13} ²⁴.

Ужасающая нищета преобладала среди низших классов, в частности среди рабочих на фабрике в Вуппертале; си-филис и легочные заболевания были распространены повсеместно; в Эльберфельде из 2,5 тысяч детей школьного возраста 1,2 тысячи лишены возможности получить образование, ибо растут на заводах и фабриках, начиная работать с малых лет, поскольку работодателю невыгодно брать на их место взрослого и платить ему вдвое больше. Однако у фабрикантов гибкая совесть – и смерть одного ребенка не отправит душу истинного пиетиста в ад, особенно если он посещает церковь два раза в день по воскресеньям...

Ибо прекрасно известно, что самые жестокие фабриканты – как раз пиетисты; они использовали любую возможность, чтобы снизить заработную плату рабочим – например, под предлогом того, чтобы не давать им деньги на выпивку {14}.

«Освальд» также выступает за освобождение женщин, что, по его словам, будет главным шагом на пути к всеобщей свободе {15}. (Хотя не исключено, что Энгельсом двигали менее альтруистические соображения, и в освобождении женщин от рабского труда он усматривал, скорее, сексуальную свободу.)

Что касается чистой политики, то в письме другу Энгельс заявил, что ненавидит императора – им тогда был Фридрих

---

²⁴ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 1.

Вильгельм III. «Если бы я не так сильно презирал это дерьмо, то ненавидел бы еще больше. Наполеон был ангелом по сравнению с ним... Чего-то хорошего я могу ожидать только от правителя, которого народ тащит за уши из дворца, в котором уже все окна разбиты летящими камнями революции» {16}. Он отвергает и дворянство – результат «64 династических браков» {17}.

Энгельс вернулся домой в Бармен в 1841 году и почти сразу отправился в Берлин, чтобы год отслужить в армии. Такова была официальная версия, неофициально же он отправился в Берлин, чтобы быть поближе к университету и младогегельянкам, чьи работы он читал в Бремене. Энгельс примкнул к новому поколению младогегельянцев, к крылу, известному как «Свободные». Они горячо приветствовали его, поскольку он уже опубликовал 37 статей, и все в группе были наслышаны о легендарном «Фридрихе Освальде» и его атаках на фабрикантов {18}.

Одним из тех, кто в ту пору оказывал самое сильное влияние на Энгельса, был друг Маркса Мозес Гесс, первым поддержавший идеи коммунизма. Гесс считал, что революция неизбежна и начнется она во Франции, Германии и Англии одновременно. Франция – родина революции политической мысли, Германия – центр философской мысли, а Англия – место сосредоточения мировых финансов {19}. Как нарочно, именно в Англии случится следующая остановка Энгельса в его большом путешествии длиной в жизнь...

В 1837 году семья Энгельсов объединяет капитал с братьями Эрмен в Англии, чтобы открыть ткацкие фабрики в Манчестере. Отец Энгельса посылает туда старшего сына, чтобы он продолжал осваивать семейный бизнес. Фридрих будет работать в конторах Эрмен&Энгельс в Виктория-Миллс, в городе, который в то время по праву считается промышленным центром всего мира. Подобрать место лучше вряд ли возможно – и для Энгельса-бизнесмена, осваивающего законы экономической системы, и для Энгельса-революционера, размышляющего над тем, как эту систему разрушить {20}. По дороге в Англию Энгельс заезжает в Кельн, чтобы встретиться с редактором «Rheinische Zeitung» Карлом Марксом. Однако Маркс принимает его крайне холодно, ибо презирает «Свободных» младогегельянцев, и тот визит очень краток и скомкан {21} (до такой степени краток, что когда эти двое встретятся в Париже, это можно будет с полным правом считать их первой встречей).

Когда Энгельс приехал в Манчестер в ноябре 1842-го, накануне своего 22-летия, город только-только приходил в себя после забастовки рабочих, вызванной очередным сокращением заработной платы. Атмосфера очень напряжена. Рабочие всегда были самой угнетенной частью населения, и все же по английским законам у них было право на свободу собраний, что давало им проблеск надежды на некоторое улучшение своего положения {22}. Однако добиться этого улучшения было непросто. Один из современников писал о Ман-

честере так: «Нет на свете другого города, где разница между бедными и богатыми так бросалась бы в глаза, а барьер между ними был бы так же труднопреодолим» {23}. Энгельсу это, впрочем, удастся – с помощью 19-летней ирландки Мэри Бернс {24}. Мэри работала на фабрике Энгельса вместе со своим отцом и 15-летней сестрой Лидией (или Лиззи). Не вполне ясно, как именно они с Фридрихом познакомились, случилось ли это на фабрике или нет – некоторые биографы утверждают, что он встретил ее, когда она торговала апельсинами в Сайенс-Холл, знаменитом центре, где социалисты читали свои лекции и где проходили манчестерские митинги. Но где бы ни произошла их встреча, Энгельс явно был очарован тем, что его друзья называли «дикой красотой Мэри», а также ее остроумием и врожденным умом. Этот союз имел для Энгельса судьбоносное значение. Мэри познакомила его с «Маленькой Ирландией» и другими рабочими районами Манчестера, куда уважающие себя джентри не сошались даже для того, чтобы собрать плату за аренду {25}. Энгельса ужаснуло полное отсутствие санитарии; это была выгребная яма, пропахшая мочой, повсюду гнили и разлагались останки животных, через каждые 20 шагов торчали вонючие свинарники, а «грязные лужи были настолько глубоки, что по ним невозможно было пройти, не утонув по щиколотку». В домиках с земляными полами было одна-две комнаты. Энгельс вспоминал: грязь и вонь были настолько ужасающими, что для «человека любой степени цивилизованно-

сти было бы попросту невозможно жить в таком кошмарном месте» {26}.

И тем не менее это были дома тех самых рабочих, которые работали на фабрике его отца и десятках других похожих фабрик. И это были те самые рабочие, чьим трудом ковалось успешное будущее фабрикантов. Энгельс сделал тогда вывод, что единственная разница между рабами древности и современными рабочими состояла в том, что рабов продавали на всю жизнь, а рабочие продавали себя изо дня в день {27}. Однако, как и сами рабочие, молодой человек увидел проблески надежды, озарившие этот мир страданий. Энгельс считал, что положение рабочих «постепенно внедряет в их умы мысль о необходимости социальных реформ, благодаря которым машинный труд будет использован не против них, но им в помощь» {28}.

Мэри также представила его ирландским и английским революционерам-радикалам {29}. Один из них, британец Джордж Джулиан Гарни – поразительный «стройный молодой человек с выражением почти мальчишеской незрелости на юном лице, говоривший на прекрасном английском языке» {30}.

Протест и гнев разгорались в душе внешне безобидного молодого прусского промышленника буквально после первых же недель, проведенных в Манчестере. Находясь в фабричной конторе своего отца, Энгельс пишет статьи в английские либеральные газеты, в которых описывает положение

рабочих в Германии – а в Германию посылает письма со своими наблюдениями и выводами о положении рабочего класса в Англии. В 1842 году Маркс публикует пять его писем в «Rheinische Zeitung», однако без подписи автора. Статьи в Англии подписаны настоящим именем – «Ф. Энгельс» {31}. К 1843 году «уличное» образование Энгельса серьезно дополнено внимательным чтением английских работ по экономике, политике и истории. Результатом этих изысканий становится 25-страничная статья «Наброски к критике политической экономии», редактором которой станет Маркс и которую напечатают в газете Рюге в Париже в начале 1844 года. Эту статью можно считать самым первым «марксистским» разоблачением только зарождающейся капиталистической системы. В ней Энгельс писал, что тот, кто владеет машинами, создает экономику – и социальный хаос, поскольку участие в цикле перепроизводства сопровождается сокращениями; они, в свою очередь, влекут за собой понижение заработной платы, что провоцирует социальный кризис и обостряет классовые конфликты. Облегчающие труд технические достижения не облегчают положение самого рабочего и служат лишь увеличению прибыли. Людей увольняют из-за внедрения техники, а те, кто остается на своих рабочих местах, вынуждены работать все интенсивнее и интенсивнее, чтобы восполнить недостаток рабочей силы. В этой системе прибыль капиталиста напрямую зависит от потерь рабочего {32}.

К моменту их встречи в августе 1844 года Маркс и Энгельс приходят к одинаковым выводам – с разных сторон. Именно поэтому они соглашаются, что наилучший способ борьбы сейчас – это пропаганда. Энгельс планирует вернуться в Германию и написать книгу о периоде, проведенном в Англии (знаменитое и ставшее классическим трудом «Положение рабочего класса в Англии»), в то же время Маркс начинает работать над книгой о политической экономии, основанной на его исследованиях за последний год. Прежде чем уехать из Парижа в сентябре, Энгельс пишет 15-страничный политический памфлет, соавтором которого становится и Маркс: в нем они смело атакуют позицию некоторых их бывших союзников. Во вступлении Маркс и Энгельс описывают этот памфлет как своего рода катарсис, после которого они намерены предпринять ряд конкретных и позитивных шагов к созданию работ философской и социальной направленности. Этот памфлет станет их первой совместной работой. Маркс назвал его «Святое семейство, или Критика критической критики» {33}.

Женни приезжает в Париж и находит Маркса за работой – он пишет свою часть памфлета. Она не застаёт нового друга ее мужа, так вдохновившего Маркса, но Карл буквально потрясен рассказами Энгельса о манчестерских фабриках и его подробным описанием «изнутри» того, как вся эта система работает. Маркс еще больше утверждает в мысли, что любая социальная теория не может существовать, не опираясь

на опыт реальной жизни. Бруно Бауэр становится его легкой мишенью – потому что примерно в это же время утверждает в одной из статей, что история является той силой, которая направляет людей, а не наоборот. Также Бауэр пишет, что участие народных масс в Великой французской революции подпортило и исказило идеи, которые этой революцией двигали, и в конечном итоге привело к ее поражению. Наконец, Бауэр соизволил критиковать Прудона... {34}

Маркс надеялся, что памфлет будет опубликован достаточно быстро, чтобы успеть вступить в полемику с Бауэром – и заработать немного денег. Последнее обстоятельство – вместе с деньгами, присланными Юнгом в июле из Кельна, – дало бы им с Женни возможность пережить финансовый кризис в семье {35}. Деньги им понадобятся. В любой момент Маркса могут арестовать или выслать из страны, если прусское правительство сможет убедить французскую сторону начать преследование редакции «Vorwarts!» во главе с Бернайсом. Маркс пишет статью под жесточайшим давлением – и кажется, что всё против него. Работа над дополнением к 15 страницам Энгельса продлится до ноября {36}, и раздел Маркса вырастет до 300 страниц, причем большую часть будут составлять довольно бессвязные замечания о готическом романе французского писателя Эжена Сю {37}. Разумеется, Маркс очень сильно ушел в сторону от темы. Возможно, это было вызвано волнением и восторгом от встречи с Энгельсом, которого он теперь настойчиво звал вернуться в Париж

в ноябре (Энгельс ответил, что не может этого сделать – он был слишком погружен в работу над книгой об английском рабочем классе, а кроме того, рисковал рассориться со своей семьей в случае отъезда, да и любовные отношения требовали прояснения) {38}. Возможно также, что Маркс просто выпускал пар после длительного напряжения. За последний год его мозг буквально переполнился идеями. «Святое семейство» временами читается как некий интеллектуальный взрыв.

В январе 45-го работа над совместным проектом все еще не завершена, не продвинулся Маркс и в своем экономическом труде. В письме к нему Энгельс интонациями очень напоминает Женни – она примерно так же пыталась уговорить своего мужа доделать начатое дело: «Постарайся закончить книгу о политэкономии, даже если там осталось много того, чем ты недоволен; это не так важно; умы созрели для такого труда, и мы должны ковать железо, пока горячо... Делай так, как обычно делаю я, – назначь самому себе дату, к которой ты должен закончить писать, и сделай все для того, чтобы труд поскорее опубликовали...» {39}

Это письмо датировано 20 января 1845 года. Видимо, Энгельс не знал о тех событиях, которые произошли в Париже. За 9 дней до этого министр внутренних дел Франции издал приказ, согласно которому члены редакции «Vorwärts!» – среди них Маркс, Гейне, Рюге, Бернайс и Бакунин – должны в течение 24 часов покинуть Париж, а затем, как мож-

но быстрее, и пределы Франции. Изгнать «атеистов» Луи-Филиппа уговорил известный прусский ученый Александр фон Гумбольдт, передавший королю подарок от Фридриха Вильгельма – раритетную фарфоровую вазу. Французский король, желавший мира в своем государстве и собственно процветания, с удовольствием принял подарок – и отдал распоряжение выслать «неудобных» писак {40}. Как пишет Женни, полицейский комиссар явился к ним домой в воскресенье – с подписанным ордером и вооруженными полицейскими {41}.

Опасность быть выдворенными из Франции висела над их головами долгие месяцы, но по-настоящему они к этому так и не подготовились, особенно Женни. Она уже успела стать парижанкой. Ее мир помещался на улицах между площадью Сен-Жермен и Латинским кварталом. Париж был городом, в котором они с Карлом начали свою совместную жизнь, здесь родилась их дочь, здесь жили все их друзья. Она хотела остаться – и ордер предусматривал для изгнанников такую возможность: если они подпишут обязательство больше не заниматься политической деятельностью.

На это условие согласились все, кроме Маркса и Бакунина. Товарищам Маркс заявил, что «его гордости и чести претит добровольное согласие встать под надзор полиции» {42}. Вкусив свободной от произвола жизни вне Пруссии, Маркс не собирался отказываться от возможности свободно писать и говорить. Он попытался оговорить условия, на которых

он и его семья могли бы остаться в Париже, – и ради этих переговоров ордер был продлен на месяц. Однако в остальном правительство Франции уступать не собиралось – как и Маркс. 2 февраля Карл Маркс и молодой журналист Генрих Бюргерс уезжали из Парижа – на расхлябанном дилижансе, сквозь мокрый снег, в Бельгию. Бюргерс оставил описание их совместного путешествия – а также свою не вполне удачную попытку поднять спутнику настроение песней. Они прибыли в Брюссель 5 февраля 1845 года {43}.

Женни, ее 8-месячная дочь и кормилица, приехавшая с ними из Трира, чтобы заботиться о Женнихен, остались у Гервегов. Каждый день к ним приходили нескончаемые посетители, чтобы обсудить их изгнание, попытаться найти способ избежать его и предложить помощь {44}. Женни писала Марксу, что Бакунин, который все еще пытался уговорить правительство позволить ему остаться в Париже, «пришел и преподал мне настоящий урок риторики и драматического искусства, изливая душу...», а немецкий журналист Александр Вайль объявил себя ее «личным защитником». Разумеется, главным образом Женни требовалась финансовая помощь. Она пыталась собрать денег, чтобы расплатиться с долгами и оплатить переезд в Брюссель. Карл оставил ей 200 франков, но за квартиру они должны были 380. 10 февраля она пишет мужу: «Не знаю, что и делать. Сегодня утром я обегала весь Париж. Монетный двор закрыт, надо сходить еще раз. Потом я была в транспортной конторе и у комисси-

онера аукционного зала. Нигде ничего не добились». Посылая «тысячу поцелуев папочке от мамы и один поцелуйчик от паиньки», Женни подписывает письмо: «До свидания, дорогой друг. Жду тебя с нетерпением. Сейчас ты уже в Брюсселе. Приветствуй наше новое отечество. Прощай» {45} ²⁵.

В течение нескольких дней ей удастся продать мебель за смешную, как она пишет, сумму и покинуть Париж. Женни вспоминала: «Больная и продрогшая, под проливным дождем я последовала за Карлом в Брюссель» {46}.

Она еще не знала, что это всего лишь первый из их многочисленных переездов. Так началась жизнь семьи Маркс в изгнании.

---

²⁵ Русский перевод цитат из письма дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

8. Брюссель, весна 1845

Я редко встречал столь счастливые браки, в которых все радости и страдания были поделены поровну, на двоих, а все несчастья преодолевались в сознании полной и взаимной зависимости...

Стефан Борн {1}

Крошечная Бельгия была островком мирной доброжелательности в мрачном море суровых реакционных монархий. Независимой она стала всего 15 лет назад, выйдя из состава Голландии, и хотя здесь правил король, в Бельгии была конституция, которую с полным правом можно назвать самой либеральной в Европе. Если в чем-то Брюссель и проигрывал (а после Парижа он мог показаться чем-то вроде большой деревни), то по части свободы явно перегонял французскую столицу.

Все, чего король Леопольд I требовал от политических беженцев, пересекавших границу его королевства, – это просьба воздерживаться от публичной политической деятельности и пропаганды, ибо это могло раздражать более крупных и могущественных соседей маленькой Бельгии {2}. Подобные условия были неприемлемы для Маркса в Париже, но в Бельгии он на них согласился – по личным и профессиональным причинам. Не только потому, что вскоре у них с Женни должен был родиться второй ребенок, но и потому,

что в день своего отъезда из Парижа он подписал контракт на книгу по политэкономии {3}.

Маркс написал два прошения на высочайшее имя, в которых называл себя «самым скромным и покорным слугой Его Величества», — он просил разрешения иметь возможность жить с женой и детьми в Бельгии и давал слово чести, что не будет «публиковать в Бельгии работ, связанных с текущими политическими процессами» {4}. Леопольд дал свое разрешение, и Марксы поселились в королевстве Бельгия {5}.

Впрочем, это не означало, что они останутся совсем без присмотра; бельгийские власти получили предупреждение от французской стороны, что на территорию Бельгии въехал активный революционер-пропагандист. В письме начальника французской полиции мэру Брюсселя говорилось: «Если до Вашего ведома дойдет, что он нарушил данное слово и предпринял любые действия, наносящие ущерб правительству Пруссии, нашего соседа и союзника, я прошу Вас уведомить меня о том немедленно...» {6}

Вскоре подозрения оправдались. В стране, правителю которой он поклялся не заниматься никакой политической деятельностью, Маркс напишет, возможно, самый революционный трактат XIX века — «Манифест коммунистической партии». Однако все это еще впереди. Пока же он изо всех сил старается сдержать данное слово.

Со своей стороны, Женни надеется, что в Бельгии они смогут вести более оседлый образ жизни, чем в Париже. Пе-

ред отъездом Маркса из Франции она снабдила его подробным списком требований к месту их будущего обитания. Забавно представлять себе Маркса – выдворенного из Франции за подготовку свержения монархии – путешествующим в дилижансе по сельской местности, со списком в кармане, где указано, на что ему нужно обратить особое внимание, например на шкафы: «Они играют важную роль в жизни домохозяйки». Маркс должен найти дом «с четырьмя комнатами и кухней, а также с чуланом, куда можно убрать лишние вещи и чемоданы... Три комнаты должны отапливаться... Наша комната не должна быть особенно элегантной. Хорошо бы обставить ее, как и твой кабинет, достаточно скромно». На себя она берет расстановку книг {7}.

Возможно, представляя себе такой дом в Брюсселе, Женни пыталась побороть шок после высылки из Франции. Воображаемый дом, патриархальный, приличный, очень буржуазно-добропорядочный, психологически защищал ее от образа стучавших в дверь полицейских с очередным ордером в руках. А возможно,нося под сердцем их второго ребенка, она просто ощущала потребность покончить с их божественной жизнью.

Однако, когда Женни приехала в конце февраля в Брюссель, она убедилась, что конца их бродячей жизни пока не предвидится. Карл так и не нашел постоянного пристанища для своей семьи. Женни, Женнихен и кормилица поселились вместе с Марксом в пансионе Буа-Соваж на площади Сен-

Гудуль, в самом центре города. Крошечный по сравнению с громадным собором Сен-Мишель, возвышавшимся над ними, словно грозное напоминание о могучем враге Маркса – Церкви, пансион Буа-Соваж вряд ли мог считаться настоящим домом, о котором мечтала Женни; однако здесь было любимое пристанище всех немногочисленных беженцев, которых в Брюсселе было не так много (всего несколько сотен) по сравнению с Парижем, где немецкая община насчитывала 80 тысяч человек {8}. В этом маленьком сообществе связи налаживались быстрее и прочнее, и вчерашние попутчики становились друзьями.

В Париже общественная жизнь Марксов была наполнена ежедневными высокими драмами, политическими и личными, как и подобает большой сцене. Первые недели в Брюсселе были тихими, но и куда более насыщенными. На протяжении многих лет противники Маркса пренебрежительно называли круг его друзей «партией Маркса» – такое название предполагало бы наличие целой организации с большим количеством членов. Но такой организации никогда не существовало, и даже те, кто употреблял это определение, знали, что относится оно лишь к его семье и ближайшим друзьям. Разумеется, ближний круг его соратников в целом разделял его взгляды, однако мужчин и женщин вокруг Карла и Женни также связывала глубокая личная привязанность. Большинство этих «членов партии» и собрались впервые в середине 1840-х годов в Брюсселе.

На следующий же день после своего приезда в город Маркс отправился навестить поэта Фердинанда Фрейлиграта, чтобы извиниться перед ним за то, что *Rheinische Zeitung* в бытность Маркса главным редактором три года назад довольно жестко нападала на него. К этому времени Фрейлиграт (также занимавшийся бизнесом и тем очень вдохновивший молодого Энгельса) был одним из самых знаменитых немецких поэтов.

Вначале его поклонников привлекала не политика, а чистая прелесть его стихов, как и у Гервега. Фрейлиграт утверждал, что поэты не должны принимать участие в социальных вопросах, и имел публичную дискуссию с Гервегом по этому поводу. В 1842 году ему была назначена персональная пенсия от прусского императора, и «*Rheinische Zeitung*» осудила его за это, объявив, что Фрейлиграт продался врагам свободы {9}.

В течение следующих двух лет, пока прусское правительство становилось все более реакционным, стихи Фрейлиграта приобретали все более отчетливую политическую направленность. В 1844 году его книга «Патриотические фантазии» была запрещена. Он изменил название на «Исповедь Веры» и в предисловии отказался от императорской пенсии. Император был в ярости, книгу запретили вторично, и Фрейлиграт бежал в Бельгию. Он и его жена Ида мирно и спокойно жили в Брюсселе, пытаясь продумать свои следующие шаги, когда в Бельгию приехали Марксы. Между двумя семейства-

ми сразу установились очень теплые отношения {10}. Фрейлиграт, который был всего на 8 лет старше Маркса, называет своего нового друга «хорошим, интересным, скромным, решительным человеком» {11}.

Однако вскоре Фрейлиграты переехали в Швейцарию, и Марксы переехали из Буа-Соваж в освободившийся после их отъезда дом. В мае они снова переехали в пригород к востоку от Брюсселя, близ Порт-де-Лювен {12}. У них была 1000 франков, присланная Энгельсом, Юнгом и другими людьми, поддерживавшими их на родине, и потому они могли заплатить за аренду дома (владельцем которого был один бельгийский демократ) на рю де Альянс, в рабочем районе, где была публичная библиотека {13}. По сравнению с их квартирой на рю де Ванно в Париже, этот дом был тосклив и мрачен. Потемневшее от копоти и сажи трехэтажное здание стояло на улице, сплошь усеянной мелкими торговыми лавками и кустарными мастерскими. Но Женни, казалось, нисколько не расстраивало ее убогое жилище; постепенно вокруг них начал собираться круг друзей.

Бюргерс, журналист, ехавший с Марксом в Брюссель, поселился рядом {14}, так же как и другой немецкий журналист, Карл Хайнцен, которого Маркс знал еще по Кельну (и даже однажды взял в заложники во время хмельной вечеринки) {15}. Мозес Гесс и его возлюбленная Сибилла Пеш (неграмотная женщина, рабочая с фабрики, которую он встретил в Кельне) арендовали квартиру через два дома от

Марксов {16}; бывший прусский лейтенант, социалист по взглядам, Йозеф Вейдемейер (Маркс называл его Вейвей) временно поселился у Марксов {17}. Однако самые важные друзья, по сути ставшие членами семьи Маркса, прибыли в апреле. Одна из них – Елена Демут, другой – Энгельс.

Елену в семье Маркса называли по-разному, но чаще всего – Ленхен. Она была на 6 лет моложе Женни и на 2 – Карла. Родом она была из деревни неподалеку от Трира, одна из семерых детей местного пекаря. Ленхен прислуживала в доме Вестфаленов с 11 лет и практически выросла на глазах у Женни, ее брата Эдгара и Карла Маркса, хотя в ее обязанности входило ухаживать за детьми хозяев {18}. В апреле 1845 года мать Женни отправила 25-летнюю Ленхен в Брюссель для помощи Женни, поскольку сомневалась, что та в одиночку справится и с маленькой дочерью, и с новорожденным. Каролина фон Вестфален передала дочери, что посылает самую лучшую помощницу, ближе и преданнее которой только она сама {19}. Белокурая и голубоглазая Ленхен взяла на себя управление хозяйством, тем самым дав возможность Женни спокойно доносить ребенка и помочь Карлу в его работе.

Неясно, каких политических взглядов она придерживалась до приезда в Брюссель, да и вряд ли она когда-нибудь о них говорила, однако в доме Маркса она быстро примкнула к коммунистам и социалистам из компании Маркса и Женни и начала вполне сознательно участвовать в социальной жиз-

ни. С весны 1845 года Ленхен становится фактически членом семьи, платя ей за это бесконечной преданностью. Один из современников рассказывал, что ей несколько раз делали предложение, но она всегда отказывалась выходить замуж, посвятив себя семье Маркс {20}.

Приезд Ленхен стал большой удачей: она приехала, чтобы обеспечить порядок в доме, в то время как Энгельс, казалось, явился, чтобы его разрушить. Он арендовал дом по соседству, но, судя по всему, большую часть времени проводил в доме друга {21}. С тех пор как он оставил Париж 8 месяцев назад, Энгельс успел пожить с семьей в Бармене, закончить свою книгу «Положение рабочего класса в Англии» (в которой, как он сказал Марксу, обвинил английскую буржуазию в убийстве, грабеже и других преступлениях, совершаемых в массовом порядке на фабриках и заводах, в том числе и принадлежащих отцу Энгельса) и поссориться со своим отцом. То, кем стал его сын, совершенно не устраивало Энгельса-старшего, и, чтобы успокоить его, молодой человек согласился вернуться к работе на фабрике во время своего пребывания дома {22}. Однако он писал Марксу: «Мне это опротивело раньше, чем я начал работать: торговля – гнусность, гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, то есть буржуа, активно выступающим против пролетариата. Несколько дней, проведенных на фабрике моего старика, снова воочию показали мне всю эту мер-

зость, которую я раньше не так сильно чувствовал» {23} ²⁶. Он ушел с фабрики, сказал отцу, что не желает больше иметь ничего общего с семейным бизнесом, и вместе с Мозесом Гессом начал коммунистическую пропаганду в Рейнланде {24}. Активность Энгельса вскоре привлекла внимание полиции, и в полицейских отчетах он фигурирует как «оголтелый коммунист, выдающий себя за литератора» {25}. Отец боялся, что вслед за этим последует и ордер на арест, и, чтобы избежать позора для семьи и страданий о судьбе сына, дал ему денег на отъезд в Брюссель, что было Энгельсу очень на руку, поскольку именно туда он и собирался {26}.

Еще накануне приезда он писал Марксу, что хотел бы отставить в сторону «теоретическую болтовню» и обратиться к реальным проблемам реальных людей {27}. Его книга о рабочем классе Англии должна была быть опубликована в Германии в мае, и Энгельс сообщил, что с радостью будет перечислять полагающиеся ему роялти на счет семьи Карла, что поможет им вылезти из финансовой пропасти; самому ему с лихвой хватало денег, которые выделял ему отец {28}. В то же время он был равно готов и к работе, и к новым провокациям. По его словам, он так хорошо вел себя в Бармене, что боялся: «Всевышний прочитает мои труды и призовет меня на небеса» {29}.

Маркс был счастлив появлению такого энергичного компаньона, а Женни – рада встрече с другом своего мужа (бу-

---

²⁶ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 27.

дучи на 6 лет моложе ее, до сих пор он знал Женни только под довольно строго звучащим именем «мадам Маркс»). Если Энгельс планировал работать вместе с Марксом, ему предстояло работать и с Женни. Она по-настоящему стала «правой рукой» своего мужа – как когда-то в своих экзальтированных фантазиях о том, как он потерял руку на дуэли и не может писать. Теперь жизнь стала намного легче, потому что их дом стал центром притяжения для всех их соратников, и Марксу больше не было нужды уходить на собрания и встречи, как он это делал в Париже. Теперь все встречи проходили у них, и Стефан Борн, 23-летний немецкий наборщик, с которым они познакомились в Брюсселе, отмечал: «Я редко встречал такие счастливые браки, в которых радость и страдание были поделены поровну, а все скорби преодолевались сообща, в сознании полной и взаимной зависимости. Кроме того, я редко встречал женщин, которые были бы одинаково привлекательны и внешне, и внутренне в такой степени, как мадам Маркс» {30}.

Их маленькая колония жила в полной гармонии, каждый сочувствовал другому и, как вспоминала Женни, всегда был готов поделиться своими скудными средствами. Успех одного становился общим успехом. Они вместе обедали, вместе танцевали и вместе выпивали под роскошными хрустальными люстрами брюссельских кафе {31}. В этих кафе немцы встречали беженцев из других государств, которые рассказывали те же истории о растущей нужде и невозможности

вернуться на родину.

В 1845 году казалось, что над Европой нависло проклятие. Неурожай пшеницы и картофеля первым обрушился на Ирландию, откуда перекинулся на континент, опустошая продовольственные склады. Сельские жители столкнулись с мучительным выбором: оставаться на своей земле, которая больше не могла их прокормить, или бросить все, что они нажили за всю свою жизнь, и поселиться в странных непривычных домах среди странных и непривычных людей. Любой выбор мог закончиться голодом и нуждой. Десятки тысяч европейцев эмигрировали – если у них была возможность купить билет. Только в 1845 году в Соединенные Штаты эмигрировало 100 тысяч человек, это был первый подобный рекорд в целой череде массовых исходов населения в последующие годы. Однако большинство из тех, кто оставил свою землю, так далеко не уезжали, они заполняли города Европы, постепенно превращавшиеся в огромные перенаселенные мегаполисы {32}. Дороги, соединяющие деревни и города, были забиты возами и телегами, на которых бывшие крестьяне перевозили свой скарб; по ним брели и те, чье имущество помещалось в заплечном мешке. Нехватка продовольствия спровоцировала разорение мелких фермеров {33}. Свирепствовали болезни, преступность и пороки всех мастей, включая торговлю детьми. Росла угроза массовых беспорядков, усугубленная сельскохозяйственным кризисом {34}.

Одновременно с этим коммерция по всей Европе выходила в овердрайв. Население с 1800 года выросло почти на 40%, и промышленники делали все возможное, чтобы насытить такой огромный рынок. Раньше продукты производились только в тех объемах, чтобы удовлетворить спрос, но теперь процесс производства настолько ускорился и подешевел, что жаждущие прибыли производители больше не ждали, когда их товар будет востребован покупателями. Вместо этого они создали свои собственные рынки, и если местных потребителей становилось недостаточно, то наличие новых железных дорог и паровых линий позволяло им продавать свою продукцию по всему миру. Они полагали, таким образом, что потенциал их коммерции бесконечен. Подобный менталитет был особенно распространен в Англии, самой развитой в промышленном отношении стране мира. Обеспеченные люди больше не задавались вопросом «Что мне нужно?». Главным вопросом эпохи стало «Что я хочу?» – и разрыв между теми, кто мог себе позволить задать этот вопрос, и всем остальным населением рос с ужасающей быстротой {35}.

Развитие торговли и производства действительно создавало новые рабочие места, но новые фабрики и шахты все равно не могли обеспечить работой всех желающих, кроме того, хозяева все реже нанимали взрослых мужчин – их труд был практически вытеснен машинами и станками. Выгоднее было брать на работу женщин и детей – и платить им в несколь-

ко раз меньше. Кроме того, рабочие места, созданные на новых фабриках и шахтах, не обеспечивали даже того невысокого уровня безопасности и стабильности, к которой привыкли рабочие и их семьи. Ведь они работали на одного и того же хозяина из поколения в поколение, всегда на одном и том же месте. Их жизнь была трудна – но она была частью той фабрики, той небольшой коммуны, к которой они принадлежали. Теперь же эта жизнь – и существование семьи – зависела лишь от прихоти непонятного, зачастую совершенно постороннего человека, «мастера», который был предан исключительно хозяину.

Отдельного взгляда заслуживали и условия в фабричных цехах, где рабочие постоянно рисковали получить серьезное увечье, травму или даже погибнуть. Рабочий день длиной от 12 до 18 часов, 6,5 рабочих дней в неделю – рабочие жили, чтобы работать, и работали, чтобы выжить.

Этих несчастных – и миллионов таких же, как они, все еще не вписавшихся в новую промышленную систему, – было гораздо больше, чем людей, которые пользовались производимыми благами и прибылью. Однако ими пренебрегали с легкостью – рабочие были совершенно безликой, глухой, бессловесной, по большей части безграмотной массой. Разумеется, и среди них встречались те, кто стоял особняком, настоящие мастера, ремесленники, грамотные умные люди – портные, краснодеревщики, печатники. Они были свидетелями страданий своих братьев, чья жизнь была безжалостно

скомкана и перевернута новой системой.

Были и те, кто не входил в рабочую среду, но хорошо знал о бедственном положении пролетариата – интеллектуалы, мыслители, бунтари. В кафе и тавернах по всей Европе интеллектуалы и ремесленники обсуждали множество возможных социальных изменений, направленных на облегчение жизни рабочих.

В действительности то, что помогало с такой скоростью развиваться торговле и промышленности, способствовало такому же быстрому распространению идей реформ. Уровень грамотности в Европе не превышал 50%, но жажда знаний была велика. Литература стала интернациональной, и такие авторы, как Бальзак, Виктор Гюго и Диккенс, описывавшие все общество в целом, от особняков до сточных канав, в новом реалистичном стиле, были признаны писателями мирового уровня. Их произведения взволнованно обсуждали в гостиных и клубах, где раньше знали лишь местных авторов {36}. Газеты тоже быстро перемещаются из города в город, уворачиваясь от местных цензоров, следящих, чтобы ничего из того, что местный князек-правитель хотел скрыть от общественности, не попало под типографский пресс. Даже в России, с ее самым репрессивным в Европе правителем, царем Николаем I, создавшим аж 12 цензурных департаментов, иностранные газеты все же распространялись среди граждан, которые передавали их из рук в руки {37}. Друг Маркса, Павел Анненков, говорил об этом феномене: «То,

что раньше составляло привилегию высшей аристократии и правительственных сфер, отныне стало в порядке вещей среди простых граждан» {38}.

Пожалуй, наибольшую опасность в этом смысле представляли путешественники, становившиеся своего рода троянскими конями, перевозившими из страны в страну революционные идеи. В отличие от эмигрантов, которые полностью порывали со своими корнями, чтобы начать жизнь на чужбине, путешественники – а это были, как правило, образованные европейцы – переезжали из страны в страну либо по делам бизнеса, либо для продолжения обучения. Останавливаясь на короткое время в разных местах, они волей или неволей знакомились с новостями – и новыми идеями. Это перекрестное опыление привело к тому, что об американских уроках демократии уже говорили в Санкт-Петербурге, а тонкости английского бизнеса обсуждали в Милане. По всей Европе потихоньку нарастал приветственный гул – так встречали идеи коммунизма и социализма, сторонники которых обещали исправить социальные беды общества и помочь тем, кто остался без еды, крова или работы – неважно, по вине природной катастрофы или рук человеческих.

Лидеры этих групп были уже давно высланы правительствами своих стран; они встречались в чужих столицах – и в разговорах их все чаще можно было заметить, что тон изменился и обсуждаемые проблемы перестали быть национальными. Они стали интернациональными {39}.

Демонстрации протеста в то время еще редки; у рабочего класса, похоже, пока не было ни малейшего представления о том, как бороться с коварной, безжалостной и опирающейся на большие деньги промышленной системой. Однако год назад уже восстали силезские ткачи (Энгельс объявил их восстание началом активной фазы рабочего движения), и в конце марта 1845 года в швейцарском Люцерне были убиты сто человек – когда бурный политико-религиозный диспут вылился в кровавые беспорядки {40}. Для тех, кто призывал к социальным реформам, эти события стали знаковыми.

Коронованные особы по всей Европе тоже прислушивались к нарастающему гулу. Общество менялось на глазах. В прошлом основные угрозы исходили от самих монархов – войны, споры за земли, честь или религию. Однако уже с XVIII века, после революций в Америке и Франции и последовавших за ними волнений в 1830 году, угрозы стали менее очевидными, более универсальными и касались уже прав человека. Монарху все еще мог угрожать другой монарх, но все чаще опасность исходила от просвещенного дворянства его собственной страны, от буржуазного интеллигента-либерала или от лавочника в простой блузе и красном шарфе.

Европа вступала на неизведанную территорию. Относительно простая социальная структура, проверенная веками, в которой воля королей и князей была неоспорима, а все остальные члены общества были обязаны лишь беспрекословно повиноваться, рушилась на глазах. Но что придет ей

на смену? На самом деле в будущее Европы можно было за-
просто нанести визит. Все, что для этого требовалось, – пе-
ресечь Ла-Манш. Энгельс уже бывал там, а летом 1845 года
привез туда своего друга.

Карла Маркса.

9. Лондон, 1845

Мы не можем сказать, что такое удача в этом мире, сэр. Я обязан трудиться, очень тяжело трудиться, действительно тяжело, сэр, чтобы получить отдачу. А потом взять – и не получить вообще ничего. Время от времени приходится идти в короткую. Часто.
Уличный актер {1}

Весной, перед отъездом вместе с Энгельсом в Англию, Маркс начал набрасывать идеи для книги, которую они написали бы совместно, что помогло бы им окончательно уйти от «теоретической болтовни» и продемонстрировать всем раз и навсегда, что такое настоящие идеи: будь они религиозные, политические или экономические, корни их должны быть в реальном мире {2}. В частности, немецкие философы в своих работах касались лишь высоких сфер философии – по необходимости, вынужденно, поскольку правительство запрещало им обсуждать или публиковать все, что хоть как-то могло быть отнесено к повседневной, сегодняшней жизни. Даже социалисты использовали отвлеченные понятия, такие как «человечество» или «страдания» – вместо подразумевающих «человек» или «голод». Маркс и Энгельс настаивали: теоретическая завеса должна быть снята с философии, и на передний план нужно вывести практические вопросы.

В состоявшейся из 11 пунктов работе «Тезисы о Фейербахе», написанной в это время, Маркс довольно лихо резюмирует: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» {3} ²⁷. С этим призывом к действию, а также с 1500 франков, выданных ему в качестве аванса за книгу по политэкономии (которую он еще даже не начал), Маркс присоединился к Энгельсу, и они начали готовиться к поездке в Англию {4}.

Женни решила на время отсутствия Карла вернуться в Трир вместе с Ленхен и ребенком. Она была на 6-м месяце беременности, и путешествовать ей было трудновато, но у ее матери начались проблемы с братом Женни, Эдгаром. После долгих лет проволочек он наконец сдал экзамены и стал юристом, но, казалось, не собирался остепениться или найти работу. Во время учебы в Кельне он был буквально очарован радикальными идеями – и бодро опустошал кошелек матери, утверждая, что делает это во имя грядущей революции и для искупления страданий человечества, хотя на самом деле вел чрезмерно активную социальную жизнь... в частности проводя все вечера в опере. Женни, нежно любившая брата, когда он был еще мальчиком, рассказывала Марксу, что теперь ей трудно вспомнить былые чувства. Эдгар собирался надолго приехать в Брюссель; Женни надеялась, что это легкомысленное решение несколько облегчит жизнь матери {5}. Она отправилась на восток, сев в поезд до Трира и по-

---

²⁷ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3.

прощавшись с Карлом и Фридрихом, которые в июле отбыли в противоположном направлении.

Они пробыли в Англии 6 недель и почти все это время жили в Манчестере. В текстильной промышленности Англии работало почти полмиллиона человек, и город считался центром этой отрасли. Для социолога это была готовая модель индустриального мира. К приезду Маркса и Энгельса вполне обособленное традиционное текстильное производство превратилось в мощную и массовую фабричную систему. Мелкие промышленники, по старой традиции худо-бедно заботившиеся о своих рабочих с различной степенью доброжелательности, были вытеснены безликими компаниями, не имеющими никаких обязательств перед своими сотрудниками, кроме заработной платы, установленной на крайне низком уровне, что позволяло получать наибольшую прибыль. Человек перестал быть человеком – теперь это был всего лишь придаток к машине. Рабочий переставал быть даже главой собственной семьи, его жизнь всецело принадлежала фабрике {6}.

Маркс и Энгельс работали в Библиотеке Четэм, старейшей публичной библиотеке Англии. Они приходили сюда под мелким дождем, черным от сажи, и сидели среди потемневших от времени деревянных стен и витражей, изучая работы английских экономистов, таких как Дэвид Рикардо, Адам Смит, Дэвид Хьюм и сэр Уильям Петти – цитаты и отсылки к этим авторам будут встречаться потом во всех ра-

ботах Маркса и Энгельса.

По вечерам они сидели в пабах, среди представителей среднего класса, или встречались с Мэри Бернс и шли в рабочие кварталы {7}, где жизнь кипела в любое время суток, особенно в субботу, когда выдавали жалованье за неделю. Когда тяжелый недельный труд чудесным образом превращался в серебряные и медные монеты, на мгновение возникала иллюзия свободы – но недельный заработок рабочий редко доносил до дома: многие управляющие выплачивали деньги прямо в пабах. Мужчины и женщины за стойками пивных тешили себя иллюзией, что их труд сейчас купит им немного счастья...

Другие несли заработанные пенсы напрямую на продуктовый рынок, работавший с 10 вечера до полуночи, чтобы купить еды. Даже с большого расстояния рынок вонял и выглядел как настоящий ад: бесконечные ряды киосков и прилавков были освещены красным светом масляных, нещадно чадающих ламп, а на прилавках лежали загнивающие овощи и вонючие обрезки мяса, которые не смогли продать владельцы «приличных» магазинов. Продавцы и посетители буквально утопали по колено в смеси жидкой глины и навоза, и все это было лишним напоминанием о том, на какой низкой ступени общества стояли обитатели рабочих кварталов {8}.

В жилом секторе стояли маленькие коттеджи, состоящие обычно из двух комнат, подвала и чердака; в каждом таком домишке ютилось до 20 человек, на улице стояли туалеты –

по одному примерно на 120 человек. Зловоние было всепроникающим, дома стояли так тесно, что, казалось, даже воздух между ними проникает с трудом, и никакой ветер не может выдуть эту ужасную вонь {9}.

На фабрике работали в основном с хлопком — хлопок и носили на протяжении всего года. Шерсть была слишком дорога. Платье, первоначальный цвет которого еще можно было угадать, считалось выходным, это был признак достатка; в основном же одежда рабочих была до такой степени застирана и изношена, что никаких оттенков различить было нельзя. Рабочий не мог позволить себе шляпу, чтобы защититься от почти постоянного холодного дождя, поэтому люди носили некое подобие шапок из размокшей бумаги. Перчатки, чулки — таких слов в словарном запасе рабочих просто не было. Даже ботинки считались чем-то экстравагантным — мужчины, женщины и дети ходили босиком практически круглый год {10}.

В этом жутком мире не было места семейной жизни. Матери были вынуждены работать, им не с кем было оставить маленьких детей, и они давали младенцам опиум, чтобы те не плакали, пока мама на фабрике. Девочек, едва им исполнилось 12 лет, выдавали замуж, чтобы избавиться от лишнего рта; мальчики лет с 6 росли просто на улице — тоже из соображений экономии. Отец, который когда-то был главой семьи и заботился о тех, кого любил, сегодня конкурировал с родным сыном за место у станка, где получал жалкие гроши.

Болезнь – вот еще одна роскошь, которую не могли позволить себе бедные люди, и смерть здесь считалась предпочтительнее и милосерднее, чем увечье или болезнь, потому что больной сразу становился обузой для собственной семьи, и без того раздавленной нищетой {11}. Похороны бедняков, особенно ирландцев, становились чуть ли не праздником в честь того счастливого, которому повезло уйти из этого мира. Неистовый визг скрипок, джига и выпивка помогали живым хоть на время забыть об убогости своего существования.

Если это была та реальность, которую Маркс искал, то в Манчестере он ее нашел. До поездки он фактически никогда не видел, как живут пролетарии, и вряд ли что-то могло его подготовить к картинам того унижения человека, которые он увидел в Англии. В Париже он встречался с рабочими, но только слушал их рассказы. Теперь же он погрузился в их жизнь... в прямом и переносном смысле. Звуки, запахи, образы – все было шокирующим. В конце концов, Маркс принадлежал к среднему классу, был женат на аристократке, вращался всю жизнь в культурных, образованных кругах. Хотя он и критиковал тех, кто привержен лишь теории, – но ведь и сам он был теоретиком. До этой поездки {12}.

Друзья покинули Манчестер примерно через полтора месяца и переехали в Лондон, чтобы познакомиться еще с одной стороной нового индустриального общества. Они обнаружили, что столица Англии переполнена до такой степени, что по улицам трудно ходить, однако Энгельс говорил, что,

несмотря на эту толчею, здесь каждый чувствовал себя одиноким и окруженным стеной безразличия {13}.

В Манчестере богатые старались не пересекаться с бедными; город был построен так, что зажиточные граждане просто не имели возможности столкнуться с бедняками {14}. В Лондоне все было иначе. Богатые и бедные ходили по одним и тем же улицам, однако два эти вида никогда не смешивались, в социальном смысле они как бы вообще не существовали друг для друга. Бедные грабили богачей, богачи обирали бедных; первое называлось преступлением, второе – индустрией.

В Лондоне и так хватало трущоб, но из-за голода в Ирландии их количество возросло. Вновь прибывшие даже не всегда напоминали людей. Старухи-нищенки, сидящие прямо на мокрой земле в переулках Лондона, напоминали кучу грязного тряпья, и только горький табачный дым, поднимавшийся над этой кучей, говорил о том, что перед вами – человеческое существо. Дети в лохмотьях были настолько грязными, что иногда просто не было возможности угадать их возраст и пол {15}.

Некоторые эмигранты оставили в Ирландии каменные дома, но большинство знали в своей жизни лишь грязные хижины. Их кожа загорбела и стала коричневой – из-за насыщенной танином воды ирландских рек и ручьев. Они были изгоями даже среди своих – их соотечественники, успевшие обустроиться в Лондоне, ненавидели этих несчастных, пото-

му что они соглашались работать за любую, самую мизерную плату и занимали драгоценное место под хмурым английским солнцем {16}.

В Манчестере трущобы распространялись, словно сорняки, в длину – в Лондоне они росли вверх. Бедняки набивались в четырехэтажные дома снизу доверху; каждый дюйм пространства – даже лестницы – был заселен {17}. Снимали даже не комнату – кровать; даже не кровать – место в кровати. К стенам прикрепляли гамаки – в них тоже можно было спать. Мальчики, девочки, мужчины, женщины, знакомые и незнакомые – все были сбиты в плотную массу и каждую ночь прижимались друг к другу, ища тепла и отдыха – того, что богатые получали даром {18}. Эта скученность, а также постоянная борьба за существование привели к тому, что уровень развращенности в Лондоне был неизмеримо выше, чем в Манчестере. Секс-индустрия базировалась в легендарном треугольнике: площадь Сохо, Сент-Джайлс, Стрэнд... Подражая взрослым, совсем маленькие дети произносили мерзкие слова, предлагая себя любому прохожему, кто мог дать им хоть фартинг {19}. Те, чьи семьи были изгнаны неурожаем и голодом со своих ферм, научились выживать на улице. Это был пролетариат трущоб. Общество спросило, что они могут продать, – они ответили тем единственным, что у них осталось: своим телом.

Маркс и Энгельс изучали город, встречались с немецкими и английскими рабочими, представлявшими это общество

обездоленных людей. Некоторые из них были членами тайного общества Союза справедливых – Маркс уже был знаком с этим обществом по Парижу; в Лондоне организация собиралась в пабе «Красный Лев» в Сохо под более нейтральным и не вызывающим подозрений именем Просветительного общества немецких рабочих {20}. Ее лидерами были Карл Шаппер, Генрих Бауэр и Йозеф Молль. Энгельс, познакомившийся с ними еще в 1843 году, говорил, что это «первые революционные пролетарии», которых он встретил в жизни.

«Я никогда не забуду то глубокое впечатление, которое произвели на меня эти трое мужчин. Эти люди всего лишь хотели оставаться людьми» {21}.

Союз справедливых использовал Общество в качестве прикрытия для вербовки новых членов. Филиалы организации имелись в Швейцарии и Германии, а когда и на Общество пали подозрения властей, немцы стал организовывать хоровые кружки и спортивные клубы – все для того, чтобы привлечь в свои ряды новых участников {22}. К 1845 году в организации было всего лишь около 300 человек. Мало-помалу, привлекая не только немцев, группа росла, становилась интернациональной и называлась теперь Коммунистической рабочей ассоциацией. В членском билете, напечатанном на 20 языках, значилось: «Все люди – братья».

Энгельс отмечал, что в организацию входили в основном ремесленники – своеобразная аристократия рабочего класса. Многие из них и сами стремились стать хозяевами {23}.

Английское радикальное движение сторонников реформ, напротив, состояло не только из ремесленников, но и из простых рабочих. Оно существовало с 1792 года, когда лондонский сапожник Томас Харди основал Лондонское корреспондентское общество, добивавшееся избирательных прав (за это Харди попытались обвинить в государственной измене, за что по законам того времени вешали не до полного удушения, а затем четвертовали²⁸). Англия раньше других стран стала промышленной, поэтому и изучение новой экономико-политической системы здесь было представлено более зрелыми трудами {24}. В 1820 году Роберт Оуэн, первый английский социалист, утверждал, что рабочие должны владеть денежным эквивалентом своего труда, в чем им отказано. С тех пор английские радикалы пытались определить качественную и количественную стоимость труда {25}. Они считали владельцев мануфактур непосредственно ответственными за эксплуататорскую систему; однако они следили за источником своего капитала и нашли таких же богатых землевладельцев и провинциальных торговцев, контролировавших работу парламента. Эти люди финансировали новую индустриальную систему, получая постоянную прибыль в денежном эквиваленте и укрепляя тем самым свою власть. До сих пор им удавалось ее удерживать, но не без экс-

---

²⁸ Томас Харди был оправдан в суде, и это событие в течение полувека отмечалось британскими рабочими как национальный праздник. По мотивам процесса над ним была снята 4-я серия 1-го сезона телевизионного сериала BBC «Закон Гарроу». – *Примеч. ред.*

цессов {26}.

В 1830 году, когда Европа пережила восстания в Польше и Франции, рабочие в Манчестере собрались под эгидой профсоюза, чтобы настаивать на проведении политической реформы, включающей общее избирательное право. Но два года спустя, когда реформа стала законом, парламент нашел способ обойти это, узаконив избирательное право только для выборных представителей среднего класса. Таким образом, рабочие были исключены из политической системы {27}. Это было поражение – но неудача ускорила создание профсоюза. К 1833 году организация насчитывала полмиллиона членов {28}. Кроме того, рабочие впервые осознали себя частью общества, они сформировали свой собственный класс. Бронтер О'Брайен, пропагандист-радикал, озвучил их цели: «Из-за законов для избранных существует неравенство; закон для всех его уничтожит» {29}. В 1837 году английские рабочие агитаторы представили в палату общин шесть пунктов, которые стали известны на следующий год как Народная хартия. Она содержала призыв провести всеобъемлющую политическую реформу, итогом которой должна стать возможность избираться в парламент для любого английского гражданина мужского пола {30}. Однако в течение следующих пяти лет движение в поддержку Хартии сошло на нет, шесть требований неоднократно отвергались парламентом. К 1845 году чартисты активно искали возможность объединения с рабочим классом Франции и Германии, чтобы вы-

жить {31}.

Именно в это время Маркс и Энгельс встречаются в Лондоне с лидерами английского рабочего движения, в первую очередь с Джорджем Джулианом Гарни, лидером чартистов и редактором базирующейся в Лондоне газеты «Северная звезда», и Эрнестом Джонсом, также чартистом, который станет Марксу и Энгельсу другом на всю жизнь {32}. Энгельс, выступавший еще и в качестве переводчика для Маркса, вспоминал, что в итоге этих встреч и бесед все собравшиеся пришли к выводу: чартизм, социализм и коммунизм – это проявления одной и той же, исторически обоснованной, борьбы пролетариата против буржуазии {33}.

Маркс и Энгельс многому научились у этих ветеранов революционного движения, много рассказавших своим младшим товарищам не только об истории, но и о реалиях дня сегодняшнего, о практических аспектах деятельности их организации. Карл и Фридрих вернулись в Бельгию воодушевленными, горящими новыми идеями по объединению рабочих в Брюсселе и за его пределами.

За тяжелым нравом и презрительными манерами Карл Маркс скрывал удивительную глубину чувств к своим близким, в том числе – к своему другу. Его враги могли этого и не видеть. Многие современники утверждали, что в Марксе было больше ненависти, чем любви. Однако, глядя на его жизненный путь, становится ясно, что в нем жили оба эти чувства в равной степени. Невозможно представить, что уви-

денное в Англии не повлияло бы на Маркса. Он вернулся в Бельгию другим человеком. Слова, которые он так хорошо знал из книг, обрели плоть и кровь, теперь это были слова живых людей, чьи лица он видел воочию. Еще один важный результат этой поездки – окрепшая дружба с Энгельсом. За год до этого они провели вместе 10 дней в Париже – но с тех пор общались только письмами либо встречались в больших компаниях. Путешествуя по Англии, они обнаружили, что их связывает не только общая идея, но и простая личная симпатия. Большинство из тех, с кем работал и общался Маркс, были старше его. За исключением Гервега и Бакунина, он всегда был окружен мужчинами другого поколения. Но с Энгельсом они говорили на одном языке, их истории были похожи, у них были сходные, хотя и не идентичные взгляды и жизненный опыт. В интеллектуальном смысле они были прекрасным тандемом, остроумным, наделенным даром предвидения, творческим (а еще – снобистским, сварливым, нетерпимым и склонным к конспирологии). Как друзья – они были сквернословы, веселые похабники, подростки в душе. Они любили курить (Энгельс – трубку, Маркс – сигары), выпивать до рассвета (Энгельс – хорошее вино и эль, Маркс – все что угодно), сплетничать (в основном о сексуальных склонностях своих знакомых) и хохотать до упаду (в основном издеваясь над своими противниками – и в случае Маркса – до слез, градом льющихся от хохота). Лучшими друзьями они возвращались в Брюссель, полные сил и новой

энергии. Маркс ощущал в себе какую-то свирепую ясность, сродни откровению. Энгельс вез нечто более «земное»: свою жену, Мэри Бернс.

10. Брюссель, 1846

Для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это – производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни.

Карл Маркс {1} ²⁹

Женни вернулась в Брюссель, как она называла это – «в нашу колонию нищих», в конце сентября, как раз к родам. Отъезд из Трира она оттягивала до последней минуты, потому что не хотела расставаться со своей матерью. Эдгар наконец-то уехал в Брюссель, где планировал пожить несколько месяцев перед тем, как отправиться в Соединенные Штаты, чтобы попробовать свои силы в бизнесе. Каролина фон Вестфален оставалась в полном одиночестве {2}. Женни видела, как эта женщина, всегда общительная, любившая быть на виду, выходить в свет, все глубже уходит в себя и свои воспоминания. Богатство ее давно истаяло, она редко выходила в свет. Без денег, без влиятельного мужа Каролина ушла в тень того сияющего мира, который когда-то принимал ее с распростертыми объятиями. Она была 60-летней вдовой,

---

²⁹ Цитата из работы «Немецкая идеология», русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3.

одинокой и отверженной, как и многие другие.

Женни очень любила мать и, возможно, боялась, что обидит ее своим отъездом из Трира. Она пишет Карлу сердитое письмо о положении женщин в обществе, защищает их от мужчин и даже от той идеологии, которую сама исповедует вместе со своим мужем. В кругу Женни права обсуждаются бесконечно – но это всегда права мужчин. Равные права для женщин, которые защищали романтики, по-видимому, станут борьбой завтрашнего дня. В своем обвинительном заключении Женни вспоминает также и о своем разочаровании по поводу изгнания из Франции и о том, что их положение в Брюсселе ненадежно. Находясь на родине, Женни защищает и ее – хотя они с Карлом вместе всегда только осуждали Германию.

«Что касается меня, то мне очень хорошо в маленькой Германии! Не правда ли, чтобы сказать это вам, архинемцедам, нужно иметь много смелости... Живется здесь, в этой грешной земле, совсем не плохо. Во всяком случае, я теперь познакомилась с мелкими и мелочными отношениями и в прекрасной Франции, и в Бельгии. Пусть здесь люди мелки, ничтожно мелки, вся их жизнь как бы в миниатюре, но там герои тоже не гиганты, и жизнь отдельной личности не сулит ничего грандиозного. У мужчин, может быть, дела обстоят иначе, а для женщины, призванной растить детей, шить, стряпать, штопать, для нее и жалкая Германия хороша» {3}

Не было никаких сомнений, что Женни вернется в Брюссель, однако она действительно верила, что именно в Германии могла бы полноценно реализовать себя как женщина, мать и жена. Напротив, когда годы спустя у Маркса появилась возможность вернуться в Берлин, Женни была категорически против даже самой идеи. В любом случае, ее письма отражают разочарование, которое она испытывала, будучи вынужденной выбирать между долгом дочери и обязанностью жены. Однако обстоятельства пресекли любые споры по этому поводу. Когда она писала Карлу в августе, она была на восьмом месяце беременности. Если она хотела родить ребенка в Брюсселе, ей следовало немедленно уезжать из Трира. Друзья Карла предложили ей сопровождать ее в этой поездке, передавая, словно драгоценный груз, от эскорта к эскорту во время пересадок на железной дороге и остановок в гостиницах на пути через леса и поля Западной Пруссии. Ее главной задачей, по ее собственным словам, было «останавливаться по возможности чаще, потому что поспешность могла бы иметь самые неприятные последствия». Она попросила Карла встретить ее, Ленхен и Женнихен примерно через 50 миль после пересечения границы Бельгии, в Льеже, и проводить их в Брюссель {4}. Путешественницы добрались до дома на рю де Альянс за две недели до того, как

---

³⁰ Русский перевод цитат из письма дан по: Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса.

26 сентября Женни Маркс родила вторую дочь. Девочку называли Лаурой, в честь сестры Женни, умершей в младенчестве {5}.

Перед самыми родами Женни сильно переживала, как бы волнения не отразились на работе Карла. Она писала: «Лишь бы только большая катастрофа не разразилась в то самое время, когда ты заканчиваешь свою книгу, опубликования которой я так жду». Они договорились, что Женни будет рожать на верхнем этаже, а со временем дети перейдут вниз, на первый, таким образом, Карл мог спокойно работать, занимая кабинет на втором этаже, который она в шутку называла их огромным, но неотапливаемым салоном {6}. Существовало несколько причин, по которым Женни хотела поскорее увидеть книгу (между собой они называл ее просто «Политэкономия») напечатанной – помимо давно расточаемых авансом похвал, она должна была помочь мужу Женни обострить политическую дискуссию и тем самым ускорить политические реформы. Но самым, пожалуй, насущным поводом желать выхода этой книги было финансовое положение семьи: у них с Карлом не было иного источника доходов, и хотя их друзья были щедры до сих пор, семейная пара не могла (или не хотела) рассчитывать только на их доброту.

Всю свою жизнь Маркс был очень большим лицемером в отношении собственной работы. В ответ на вопрос, когда будет закончена работа, он обычно отвечал, что ему осталась неделя или две на окончательную отделку текста, или утвер-

ждал, что вычитывает последнюю корректуру, или сетовал на то, что столкнулся с финансовыми или личными трудностями, которые его немного задержали, но теперь он уже вернулся в нормальное рабочее русло и близок к завершению работы... На самом деле чаще всего он был очень далек от этого завершения. Новые идеи кипели в его мозгу, сталкиваясь с уже записанными на бумаге и порождая выводы, которые он считал неожиданными и необычайно важными. Как же он мог приказать своему мозгу остановиться, чтобы он мог сесть писать? Представьте, сколько бы было упущено, если бы он сделал это. В связи с этим, надо полагать, он просто не говорил Женни, что его книга очень далека от завершения и находится, скорее, в фазе концептуальной разработки – то есть в его голове. За годы совместной жизни Женни узнает, что для ее мужа подписание контракта на тщательно лелеемые и востребованные книги на самом деле было самым мучительным. Она буквально воочию увидит, как психические мучения превращаются в мучения физические: на нервной почве Маркс будет страдать страшнейшим фурункулезом. Но все это будет намного позже. В 1845 году Женни все еще верит, что работа будет выполнена в установленный срок и что они могут положиться на доход, который принесет книга.

На самом деле Маркс действительно писал, только не о политической экономии. Приблизительно в то самое время, когда по дому разнесся первый крик его второй дочери Лауры,

Маркс – совместно с Энгельсом – начинает писать «Немецкую идеологию». Фактически он начал эту работу еще весной, в «Тезисах о Фейербахе», но теперь, после поездки в Англию, и Маркс, и Энгельс готовы выбросить немецкую философию на свалку, а вместе с ними и немецкий социализм – в том виде, в котором он пропагандируется в то время.

Своему обеспокоенному издателю, Карлу Леске, Маркс сказал, что книга о политэкономии невозможна, пока не будут развенчаны все устаревшие и нежизнеспособные теории, в том числе – младогегельянство {7}. Может показаться, что этого дракона Маркс уже убивал бесчисленное количество раз, но сам он думал иначе, и теперь намеревался это сделать вместе с Энгельсом.

В «Немецкой идеологии» впервые в тезисной форме высказана мысль Маркса о материальной основе истории человечества. Маркс и Энгельс утверждали – в противовес Гегелю и его последователям – что историю двигает вовсе не некая сила, отдельная от человека; история – это сам человек, материальная летопись его поступков. Думать иначе, представлять человека пассивным исполнителем роли в драме, поставленной неким Режиссером (будь то Бог или король), – означает считать его бессильным и не способным ни на что в обществе своих собратьев. Они утверждали, что жизнь, смерть, любые изменения – политические, экономические и социальные – происходят при вполне определен-

ных обстоятельствах. В этом нет никакой мистики, и человечеству незачем искать ответы на вопросы где-то вовне себя {8}.

Решая проблему научно, то есть пытаясь найти доказательства своим тезисам в реальной жизни, Маркс и Энгельс определяют, что существование человека коренится в процессе непрерывного производства; что человек стал отличаться от животных, как только начал производить средства собственного существования {9}. (Кроме того, они объявили, там же, у Маркса в кабинете, но, разумеется, между собой, что первое разделение производительного труда произошло между мужчиной и женщиной в вопросе деторождения {10}.) Впоследствии они писали, что каждое поколение стояло на плечах предыдущего, улучшая методы развития производства и изменяя общество в соответствии с изменившимися потребностями {11}. Но на определенном этапе в этот процесс вторгаются деструктивные силы – когда машины и деньги консолидируются в руках небольшой группы людей в качестве частной собственности. Эта элита, в свою очередь, порождает свою противоположность, класс, «который должен нести все тяготы нового общества, не наслаждаясь своими преимуществами... класс, который составляет большинство членов общества и от которого исходит осознание необходимости коренных изменений, революции, т. е. коммунистическое сознание» {12}.

Маркс и Энгельс приходят к выводу, что все революци-

онные изменения в истории были результатом столкновения между теми, кто контролировал производство, и народными массами, которые под этим контролем находились {13}. Предвосхищая будущее утверждение Маркса, что образование и знания станут предпосылками революции, они предположили, что реальные и устойчивые изменения не произойдут в результате одиночных действий или одного насилия: простое силовое устранение правящей элиты не устранит «универсальных истин», которые эта элита исповедовала: останутся прежними законы, искусство, государственные и культовые институты. Идеи господствующего класса в каждую эпоху являются господствующими для всего общества, т. е. класс, управляющий материально, управляет и интеллектуально, идеологически и морально. Класс, который имеет в своем распоряжении средства материального производства, управляет и средствами духовными, а те, кто такими средствами не располагают, просто подчиняются этому порядку {14}.

Таким образом, чтобы достичь точки, в которой возможна и реальна революция, массы должны сначала осознать, что система, при которой они живут, неважно, земной или божественной она считается, полностью создана правящим классом, чья цель – сохранить свою власть.

Во-вторых, массы должны создать интеллектуальный фундамент, на котором будет строиться новое общество, отличное от того, которое они хотят заменить.

Два друга работали над «Немецкой идеологией» с конца сентября 1845 года по август 1846-го. Работа уложилась в два тома, в ней было более пятисот страниц. Как и в их первом совместном труде «Святом семействе», основная часть книги была посвящена насмешкам над конкретными личностями в радикальных кругах Германии. Годы спустя Ленхен вспоминала, как Маркс и Энгельс будили весь дом своим хохотом во время работы. Те ночи веселья на деле стали единственной компенсацией, которую они получили от книги {15}. Они сами и их друзья в Германии пытались заинтересовать восемь издателей – но безуспешно. В конце концов, по словам самого Маркса, «рукопись отдали на уничтожение мышам, тем более что свою цель она выполнила: мы все для себя прояснили в самых насущных вопросах» {16}.

Осенью 1845 года, вскоре после рождения Лауры, в семье Маркса началась паника после получения новости, что Пруссия пытается добиться выдворения Маркса из Бельгии. Численность немецких беженцев в Брюсселе росла, среди них наверняка находились и шпионы прусского правительства. Прямых провокаций против Маркса не было, пока все шло на уровне политического давления; возможно, осведомители сообщили, что его дом является своеобразным центром радикально настроенных изгнанников, и Пруссия хотела убрать его подальше от своих границ. Маркс пытался блефовать, ища выход из сложившегося положения. Он запросил магистрат Трира о выдаче ему документов и разрешения

эмигрировать в Америку. Если бы документы ему выдали, это означало бы, что он больше не является прусским подданным и вероятнее всего не интересуется прусские власти. Нет никаких признаков того, что Маркс на самом деле когда-либо собирался переехать в Америку, скорее всего, это была просто уловка, чтобы отвлечь внимание прусских властей. В любом случае его план провалился: разрешение на выезд было дано, однако давление продолжалось. В декабре 1845 года, чтобы оградить себя от дальнейшего вмешательства Пруссии, Маркс отказался от прусского гражданства {17}. Несмотря на официальный отказ от гражданства, это означало просто административные изменения в его статусе, так как он в любом случае не мог въехать в Пруссию без того, чтобы быть арестованным на границе.

Однако сознание того, что он больше не связан с государством, которое считал нелегитимным, освобождало его. В начале 1846 года Маркс, Энгельс и Филипп Жиге, молодой бельгийский библиотекарь, приступили к созданию коммунистического корреспондентского комитета, организации, чьей целью было объединение пролетариата всех стран, слом границ между рабочими и социалистами государств Европы и подготовка к активным действиям, которые «могут начаться в любой момент» {18}. Листовки и прокламации можно было писать без оглядки на цензоров, единственную опасность представляли не особенно систематические обыски и досмотры почты, которые ввели европейские монархи, что-

бы контролировать проникновение в страну политического «динамита» {19}.

Членов в организации было совсем мало, соответственно, невелики были и объемы корреспонденции, но это была первая международная организация, которую Маркс попытался создать – и первое проклюнувшееся семя целого политического движения его имени. Женни взяла на себя обязанности секретаря, переписывая неразборчивый почерк Маркса (всю жизнь его почерк понимали только Женни, Энгельс и дочери). Энгельс продолжал работать вместе с ним над книгой, все трое участвовали в работе Комитета. Вскоре в доме номер 5 по рю де Альянс закипела круглосуточная деятельность, хотя его обитатели всячески старались делать вид, что живут совершенно спокойно и тихо – чтобы не привлекать внимания бельгийских чиновников. Маркс вспоминал, что ему в то время удавалось спать всего четыре часа в сутки, и то уже под утро {20}. Жена Джорджа Джулиана Гарди в письме из Англии предположила, что Женни основала «Анти-3 или 4 часа утра-Комитет», запрещающий революционную деятельность в утренние часы – чтобы сохранить семью {21}. Это было бы хорошей идеей, поскольку нервы у всех были на пределе, Маркс с Энгельсом начали ссориться, а усугубилось это тем, что в марте Женни пришлось вернуться в Трир, к заболевшей матери. Маркс «работал» над двумя книгами, занимался новой политической организацией, которую пополняли все новые члены – из беженцев, чье количество также

возрастало, — а еще на него оставили двух маленьких детей, старшей не было и трех лет. Нет сомнений, что о них заботилась Ленхен, но вот о самом Марксе позаботиться было некому. В отсутствие Женни Комитет запланировал на 30 марта собрание, на котором должен был выступать портной по имени Вильгельм Вейтлинг. Вейтлинг, внебрачный сын немецкой прачки и французского офицера, был среди социалистов и коммунистов фигурой легендарной; у него было много сторонников и последователей в рабочей среде и из числа образованных людей среднего класса. Он основал отделение Союза справедливых в Париже и был автором подпольно изданной книги «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть». Раньше Маркс сравнивал его с Прудоном, говоря, что Вейтлинг отличается в лучшую сторону; однако по мере того, как пропагандистская деятельность Вейтлинга продолжалась, тон его высказываний становился все более безнадежным, а идеи — все более утопичными. Многие объясняют эти изменения тем, что некоторое время он провел в тюрьме, в Пруссии и Швейцарии. Вейтлинг был приговорен к заключению за свою книгу «Евангелие бедного грешника», в которой Христос, как и сам Вейтлинг, был представлен коммунистом, внебрачным сыном бедной девушки. Говорили, что Вейтлинг начал считать себя мессией {22}.

По словам Энгельса, он «предлагал рецепт построения рая на земле, который лежал у него в кармане... и был одержим идеей, что у него этот рецепт хотят украсть...» {23}.

Среди его предложений – создание армии из 40 тысяч грешников, которых он поведет на битву с правящим классом {24}.

Маркс тепло приветствовал Вейтлинга по приезде в Брюссель в феврале (Энгельс описал этот прием как акт «почти сверхчеловеческого терпения» {25}). Йозеф Вейдемейер рассказывает, что всю ночь продолжалась карточная игра с участием Маркса, Вейтлинга, Эдгара фон Вестфалена и самого Вейдемейера, а наутро к ним присоединилась Женни, и все отправились гулять. Это происходило «самым приятным образом, какой только можно представить. Рано утром мы пошли в кафе, затем сели на поезд и отправились в Виллворде, соседнюю деревушку, где у нас был ланч. Мы дурачились и хохотали, а вернулись последним поездом» {26}.

Но после того как Женни уехала в Трир и члены Комитета приступили к работе, идиллия закончилась. Сидящие вокруг небольшого зеленого стола в гостиной мужчины начали обсуждать политику. Русский Анненков, очарованный политическим театром того времени, но не имевший никаких внятных соображений, был в то время в Брюсселе и ярко описал заседание, в ходе которого лидеру немецкого коммунизма прошлого противостоял лидер немецкого коммунизма будущего. По словам Анненкова, Вейтлинг не был похож на сумасшедшего революционера. В свои 38 он был на 10 лет старше Маркса, русоволосый, красивый, в элегантном сюртуке, с аккуратной, «кокетливо подстриженной бородкой». У

него был вид добропорядочного бизнесмена. Маркс, напротив, имел довольно дикую внешность, неуклюж в движениях, но зато совершенно уверен в себе.

«У него был вид человека, имеющего власть и право на уважение, независимо от того, как он выглядел и что делал... Его поведение бросало вызов общепринятым правилам... оно было достойным, но несколько презрительным и вызывающим...»

Анненков описывает голос Маркса – резкий и металлический; он говорит отрывисто и повелительно, словно никакие возражения и разногласия (если кто-то на них осмелится) непозволительны в его присутствии.

Энгельс открыл собрание, приветствуя коллег, и сказал о том, что оно необходимо, если те, кто стремится изменить положение рабочих, хотят найти согласие между собой. В своих мемуарах Анненков описывает, как львиная голова Маркса склонилась над бумагами, в руке у него карандаш, и он что-то быстро пишет, пока Энгельс говорит. Однако Маркс не умеет долго сидеть молча. Он требует от Вейтлинга, которого тут же и обвиняет в том, что он наделал «столько шума в Германии своими проповедями», чтобы тот объяснил свою позицию.

Вейтлинг начал туманно и расплывчато рассуждать о бедственном положении рабочих и необходимости их сплочения под знаменами коммунизма и демократии, но Маркс сердито прервал его. Он сказал, что вселять фантастические

надежды части рабочих – нечестность и лицемерие, которые присущи тем, «у кого спереди – облик вдохновенного пророка, а сзади – голая задница». Для рабочих недостаточно знать, что они несчастны – они должны понять, почему они несчастны. Разжигать недовольство, не предлагая четкого плана или доктрины, – значит обречь революционное движение на провал. Вейтлинг пытался защищаться, но Маркс в гневе ударил кулаком по столу так, что едва не свалил лампу, и закричал: «Невежество еще никогда никому не помогало!» Все разошлись, а Маркс продолжал сердито мерить шагами комнату {27}. (Еще один современник описывал Маркса как человека, который «способен использовать тяжелую артиллерию для того, чтобы разбить окно» {28}.) В течение последующих дней он набросился на другого члена группы, немецкого журналиста Германа Криге, которого пригвоздил к позорному столбу за сентиментальность и утопические идеи, обвинив в том, что тот в своей статье использовал слово «любовь» 35 раз! {29} Затем он напечатал памфлеты, в которых нападал на французских и немецких «робких социалистов», которых считал недостаточно «научными»: «Они не могут, или не хотят, обсуждать способы, которыми можно реально облегчить положение рабочих и реально бороться с несправедливостью в реальном мире» {30}. Разум Маркса был навеки заклеен тем, что он видел в промышленной Англии, – и потому он не желал терпеливо мириться с мужчинами, которые поворачивались спиной к

ужасающей действительности в угоду абстрактным теориям. Нет времени на пустую болтовню, революция неизбежна – считал Маркс.

Для Маркса последним доказательством грядущего возмущения стали события в Польше, где в феврале восстали крестьяне Галиции. Восстание докатилось до Кракова, где было объявлено о свершившейся польской революции и отмене крепостного права, однако через 10 дней восстание было подавлено, потому что восставшие не имели четкого плана действий и не были организованы. Именно на этом и настаивает Маркс: устойчивая и успешная революция невозможна без четкого понимания исторических событий, которые привели людей к нынешнему состоянию, и без плана действий, которые нужно предпринять после того, как падет старая система {31}.

Восстание в Галиции стало напоминанием о том, что Европу разъедала раковая опухоль. Его отголоски ощущались повсюду, в любой столице любого государства, где правители угнетали свой народ, где из-за нехватки продовольствия и финансовых кризисов начинались массовые увольнения рабочих и разорение крестьян, где правительству начинало не хватать денег.

Понимая, что соратники должны для начала быть в курсе происходящего в других странах, Маркс – без особого успеха – пытался привлечь к работе комитета писателей, журналистов и публицистов. Пока что на его призыв откликнулась

лишь горстка людей в Германии и сторонники Гарни в Англии; он снова столкнулся с тем, как тяжело сотрудничать с французами. В мае Маркс, Энгельс и Гиго написали письмо Прудону; Маркс довольно смиренно просил его стать представителем Комитета во Франции, потому что, по его словам, никто не был бы больше пригоден для этой работы {32}. Но до Прудона, вероятно, дошли слухи о последней вспышке Маркса, направленной против социалистов, особенно против сторонников Вейтлинга в Париже. Он ответил, что сильно опасается, как бы Маркс не превратился в лидера «новых непримиримых».

«Давайте не будем изображать из себя апостолов новой религии... даже если эта религия абсолютно логична и правильна».

Если Маркс гарантирует свободный и откровенный обмен мнениями, Прудон согласен присоединиться к организации, «в противном случае – нет!» {33}.

В отсутствие Женни у Маркса не было иных проблем, кроме Комитета, однако у него возникла некоторая напряженность в отношениях с Энгельсом. Мэри Бернс жила с Энгельсом уже полгода, и хотя два семейства практически жили одним домом, Маркс и Женни никогда не выказывали особо теплых чувств к сожительнице Энгельса. Некоторые биографы полагают, что Женни не нравилось то, что Фридрих и Мэри не были женаты, но это вряд ли соответствует действительности: Мозес Гесс тоже не был женат на своей сожи-

тельнице (хотя многие хроникеры ошибочно называют Сибиллу женой Гесса), однако Маркс и Женни всегда спокойно воспринимали факты подобного сожительства во время пребывания в Париже.

Другие намекают на то, что Женни чувствовала себя выше по социальному статусу – однако на протяжении всей жизни разные люди отмечали, что Женни были чужды классовые и сословные предрассудки. Вероятнее всего, любовница Энгельса просто по-человечески не нравилась Марксу и Женни. Культурная пропасть между 23-летней ирландкой, дочерью фабричного рабочего, и 32-летней дочерью прусского аристократа была огромной. В марте в письме Марксу из Трира Женни говорит о «радикальных переменах», произошедших в доме Энгельса из-за Мэри, и о том, что она даже рада быть вдали от Брюсселя, потому что она, словно «амбициозная леди Макбет», слишком критично относится к отношениям Энгельса и Мэри. Она сетует, что Энгельс мог бы найти себе другую женщину. «На свете есть много прекрасных, обаятельных, работающих и умных женщин... которые только и ждут такого мужчину, способного освободить их и обеспечить».

Что бы там ни происходило на самом деле, вскоре после этого Мэри вернулась в Англию {34}.

Один за другим вспыхивали в маленькой брюссельской коммуне и другие конфликты; доброжелательность первых месяцев сходила на нет. Гесс заявил Марксу, что не желает

иметь ничего общего с его «партией» из-за того, как Маркс обошелся с Вейтлингом (позднее он обвинит Маркса в том, что тот хочет полного соответствия окружающих его запросам) {35}. Но никто в этом тесном кругу не был подавлен больше, чем сам Маркс. В марте издатель его так и не написанной книги объявил, что Маркс может искать себе другое издательство, а когда найдет – пусть вернет аванс в 1,5 тысячи франков {36}. (Маркс снова ничего не сказал об этом Женни, потому что в это же время она пишет ему, как ждут выхода его книги в Германии {37}.) Даже Энгельс оказался неожиданно стесненным в средствах – он пишет своему названному брату, что у него осталось 150 франков, вырученных под заклад вещей, и ему срочно требуется столько же, чтобы выкупить их {38}. Маркс пишет Вейдемейеру, который вернулся в Германию и пытается опубликовать там «Немецкую идеологию», что попал в очень затруднительное положение.

«Для того чтобы свести концы с концами, я в последнее время заложил последнее золото и серебро и даже большую часть белья». Но хуже всего то, что Марксы вынуждены съехать из дома на рю де Альянс, поскольку истек срок годовой аренды, а на ее продление у них нет денег. Они вынуждены вернуться в Буа-Соваж, там же селится и Энгельс. Маркс описывает общий финансовый крах среди своих друзей: «Как вы можете убедиться, мы в мизере со всех сторон. На данный момент я в полном недоумении, что делать дальше» {39}.

Однако ни одно из этих несчастий не заставило Маркса отклониться от радикального пути, который он избрал. Так будет всегда. В любом случае, их с Женни ситуация была тяжелой – но не критичной. Можно было найти деньги – например, заняв их у бизнесменов в Кельне (хотя по политическим соображениям Маркс предпочитал этого не делать). Что касается его друзей, таких как отдалившийся от Маркса Гесс, то на смену старым пришли новые. В апреле 1846 года на горизонте появляется один из таких персонажей. Невысокий коренастый человек 37 лет, о котором Энгельс говорит, что он «был похож на немецкого крестьянина в одежде провинциального буржуа», постучал в дверь Маркса. Его звали Вильгельм Вольф. Он был приговорен к тюремному заключению за нарушение закона о прессе, однако бежал прежде, чем его успели препроводить в Силезскую крепость. За ним, получившим в ближнем кругу Маркса прозвище «Люпус» (Волк), появляется немецкий журналист Фердинанд Вольф («Красный Волк»), затем немецкий поэт Георг Веерт, бельгийский юрист и журналист Люсьен Жоттран, бельгийский юрист Виктор Тедеско {40} и довольно пожилой польский историк и революционер Йоахим Лелевель (Женни тепло вспоминает, что он носил синюю блузу простого рабочего во время их посиделок в брюссельских кафе) {41}. От Маркса отвернулись многие из его знакомых социалистов, но крепнущая репутация его окружения привлекает все новых действующих лиц.

В августе Энгельс вызывается поехать в Париж для создания там отделения Комитета. Они надеются набрать новых членов организации в личных беседах, раз никто не отвечает на письма из Брюсселя {42}. Однако успеха он не добивается точно так же, как и Маркс в Бельгии, а в ноябре на него приходит донос в полицию: осведомители сообщают, что он агитировал на рабочих собраниях, говоря при этом, что цели коммунизма не могут быть достигнуты без «демократической революции, совершенной силовыми методами» {43}. Энгельс рассказывал Марксу, что, узнав о слежке полиции, он решил отдохнуть от политической агитации и весело провести время. Впоследствии он говорил, что от души благодарит полицию Парижа за возможность «пикантных встреч» с молодыми женщинами и «доставленное ими удовольствие» {44}. Мать Маркса, его дядя Лион Филиппс и мать Женни дали Карлу и Женни достаточно денег, чтобы в декабре они смогли переехать из Буа-Соваж в маленький домик в другом пригороде Брюсселя, Икселе. Женни была на седьмом месяце беременности. Она не хотела, чтобы ее третий ребенок родился в пансионе, но у них никогда не хватило бы средств, чтобы переехать самостоятельно, а от писательских трудов Карла никаких поступлений не предвиделось {45}. Карл утверждал, что книга закончена, но ее потребовали переделать {46}. Между тем издатель Леске, по существу, умыл руки, и Маркс никак не мог найти другого издателя, который бы согласился напечатать «Политэко-

номию» или «Немецкую идеологию». Он устало пишет Анненкову: «Я хотел бы иметь возможность послать Вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии, но до сих пор мне не удалось издать ни этой работы, ни критики германских философов и социалистов, о которой я Вам рассказывал в Брюсселе. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, которые сами являются заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть членов немецкой коммунистической партии сердиты на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций» {47} ³¹.

Тем не менее в этом же письме Маркс говорит о том, что не боится быть подвергнутым ostracism немцами (или кем угодно еще). Без сомнения, Маркс скрывал досаду на Прудона с тех самых пор, как французский социалист выставил свои условия участия в политической организации Маркса, Коммунистическом исполнительном комитете; Маркса должен был унижить тон этого письма, в котором Прудон отчитывал его, словно школьника. Однако декабрьский выпад Маркса против человека, чьи труды он когда-то назвал эпохальными, спровоцировал новый виток напряженности. В последние годы, особенно в 1846 году, Маркс систематиче-

---

³¹ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 27.

ски развенчивал всех теоретиков, у которых он учился в то время, когда еще только начинал строить свою политическую систему. Прудон был последним из великих, кто еще держался, но он сам подставился под атаку Маркса в своем новом двухтомнике «Философия нищеты». Маркс получил книгу в декабре и рассказывал Анненкову, что его первое впечатление было: «очень убого». Это доказывало, что Прудон совершенно не понимал текущий исторический момент и происходящие экономические преобразования. Согласно Прудону, говорит Маркс, человек никак не может опираться на продукты деятельности людей прошлого или достижения тех, кто жил до него, потому что история есть иллюзия «в туманном царстве воображения, она парит много выше понятий времени и места... Эволюция, по Прудону и ему подобным, происходит в мистическом лоне абсолютной идеи...» {48}. Маркс часто подчеркивал, что такие абстракции бесполезны и даже опасны. Он также подвергает критике отсутствие у Прудона понимания того, что французский социалист холодно называет «экономическими категориями» – например рабства. Маркс пишет: «Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля – необходимое условие крупной машин-

ной промышленности» {49} ³².

Но на этом Маркс не останавливается. Он быстро пишет ответ – книгу «Нищета философии». Хорошая сотня страниц исполнена глубокого смысла и страсти. Положения работы Прудона он использует в качестве рычага к прояснению собственных теорий истории, экономики и революции. Это первая книга Маркса, написанная им самостоятельно, и первая, в которой он сам называет себя экономистом {50}. Маркс пишет: «Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата» {51} ³³.

Книга Прудона была с большим энтузиазмом встречена во Франции и переведена на немецкий {52}. Маркс тем временем все никак не мог найти издателя для своего ответа Пру-

---

³² Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 27.

³³ Русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4.

дону. Он заплатил собственные деньги из очень ограниченных средств за тираж в 8 тысяч экземпляров, напечатанный для Парижа и Брюсселя {53}. Книга успеха не имела, однако для Маркса она стала важной вехой. Он победил последнего интеллектуального гиганта уходящей эпохи. Его борьба с социализмом и коммунизмом старого образца, с гегельянством, христианством и иудаизмом завершилась, породив на свет нечто новое: отправную точку современной политической, экономической и социальной системы, которая требовала не только теории, но и действий, которые могли бы в корне изменить общество.

Маркс говорил, что пришло время стать частью исторического революционного процесса, и именно с учетом этого он, Женни и их соратники в Брюсселе присоединились к Союзу справедливых {54}.

11. Брюссель, 1847

Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучшее всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом».

Фридрих Энгельс {1} ³⁴

Штаб-квартира Союза справедливых находилась в Париже, однако к осени 1846 года полицейские преследования усилились, и большинство самых значимых его членов бежали из Франции. В Лондоне Союз мог действовать без помех со стороны властей, отчасти потому, что его никто не воспринимал всерьез. Поэтому центральный комитет организации переехал в английскую столицу, где в коалицию с Союзом вступили немецкие коммунисты и английские чартисты, с которыми Маркс и Энгельс встречались в прошлом году.

Маркс обратился к этим людям в начале 1846 года с призывом объединиться с его Комитетом, но это происходило в самый разгар его столкновений с бывшими товарищами, коммунистами и социалистами, и потому члены обновленного Союза не спешили связываться с такой взрывной натугой, как Маркс. Союз отклонил его предложение.

К осени тем не менее Маркс своими письмами смог убе-

---

³⁴ Цитата из письма К. Марксу 23 ноября 1847 года, русский перевод дан по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 27.

дить их, что время требует сделать выбор между расплывчатыми, утопическими мечтами об идеальном будущем – и научным коммунизмом, который стремится понять и реально удержать угнетенный класс в его современном состоянии, стать знаменем революционной борьбы пролетариата, даже если пролетариат пока и не признает его в качестве такового {2}. В феврале 1847 года кельнский часовщик по имени Йозеф Молл постучал в дверь дома Маркса в Бельгии – и попросил его присоединиться к Союзу. Затем Молл отправился в Париж, чтобы повидаться с Энгельсом. Он сообщил, что Союз просит двух молодых революционеров помочь активизировать деятельность организации. Маркс и Энгельс приняли предложение {3}.

Доказательством аргумента Маркса, что Союзу необходимо развиваться и отходить от его утопической идеологии, служил экономический и сельскохозяйственный кризис, который разразился на континенте и вызвал широкие волнения среди тех самых людей, для помощи которым и создавался Союз, но до сих пор не имел реальной возможности это сделать. Неурожай пшеницы и картофеля, случившийся в 1845 году, продолжился, и это – в совокупности с новой торговой политикой, которая выжимала мелкого производителя из бизнеса, – позволило крупным участникам рынка продавать продукты за рубеж с большой прибылью, в то время как на внутренних рынках цены на основные продукты выросли (в два раза – между 1845 и 1847 годами {4}). Количество

банкротств в этот период было беспрецедентным; из-за высоких цен на продукты люди не могли позволить себе покупать другие товары, предприятия закрывались, в городах начался голод {5}. Той зимой треть миллионного населения Парижа выживало за счет благотворительности местных чиновников, католической церкви или общественных организаций. Вскоре начались голодные бунты, сопровождавшиеся забастовками рабочих, и на улицах городов вновь появились баррикады. Власти некоторых провинций пытались сдерживать растущее недовольство городского населения, направляя в города изъятый у крестьян хлеб, но это только усугубило тяжелейшее положение сельского населения, не решив проблему {6}.

Один писатель провозгласил, что этот момент истории знаменует собой конец древнего сельскохозяйственного уклада, при котором судьба общества зависела от сезонного урожая. Новый мировой порядок, плохо это или хорошо, будет привязан к торговле и промышленности. Однако в 1847 году Европа и ее жители стали несчастными жертвами самого худшего, что было в обеих этих системах миропорядка {7}.

Союз справедливых был первой пролетарской организацией, к которой примкнул Маркс. В принципе он не любил организации и публичную политику. Он был писателем, публицистом, мыслителем, не обладавшим дипломатическими навыками или достаточным терпением для того, чтобы со-

стоять в какой-либо организации (хотя на протяжении всей жизни не только участвовал в них, но и почти всегда становился их лидером). Неизвестно доподлинно, колебался ли он перед вступлением в Союз (раньше его принципом было – стать союзником, а не участником), но, возможно, Молл «поймал» его в тот момент, когда Маркс испытывал к близким людям исключительно теплые чувства: он прибыл в Бельгию сразу после рождения своего первого сына. Родившегося 3 февраля мальчика называли Эдгаром, в честь брата Женни {8}, и из переписки Маркса и Женни того периода становится ясно, что он стал их любимцем. Женни говорила, что этот большеголовый малыш никогда не будет внешностью напоминать Адониса – но ей нравилась его дикая неукротимость, и она с гордостью описывала свое «маленькое чудовище» {9}.

Впрочем, рождение сына несло не только безмерную радость, но и возросшие финансовые проблемы. В семье теперь было трое детей и пятеро взрослых, считая Ленхен, кормилицу малыша и Эдгара фон Вестфалена. Возросли расходы на переписку с Парижем (посылка в столицу Франции стоила 6 франков {10}), а также на картофель и свиную грудинку для тех бессемейных друзей, которые привыкли столоваться у Марксов. В письмах друзьям Женни и Маркс никогда не упоминали о своих расходах, даже когда за их столом появился Вейтлинг – и это после шумной публичной ссоры с Марксом. Маркс всегда говорил, что революционное

движение важнее частных обид и размолвок и что жертвовать чем-то необходимо. С помощью Энгельса Маркс пытался собрать причитавшиеся ему деньги с друзей в Париже, но, даже если бы ему это удалось, цена вопроса была не больше нескольких франков {11}. Его политэкономия доходов принести не могла: в феврале издатель официально расторг контракт с Марксом. Потенциальный источник дохода превратился в очередной долг {12}.

Жертвы были неизбежны, однако в письмах Энгельс, казалось, вовсе не обращал внимания на личные и профессиональные проблемы Маркса и выказывал еще меньше сочувствия по отношению к Женни. Энгельс все еще находился в Париже, пытаясь наладить контакты с социалистами и наиболее активной частью рабочего класса. В это время он встретил нескольких старых друзей.

У Мозеса Гесса обнаружился сифилис {13}. Бернайс, приговоренный к тюремному заключению за публикации в газете «Vorwärts!», получил серьезное увечье и скрывался в сельской местности, лишь изредка тайно появляясь в Париже {14}. А Гейне, живший в маленькой квартирке, окна которой выходили на унылый двор, ослеп на один глаз после удара {15}. Даже пресловутый гуляка Гервег, ныне отец троих детей, остепенился, по крайней мере временно {16}. Энгельс общался с ними и с несколькими членами Союза, но одновременно завел и новые знакомства (особенно среди французских дам).

В мартовском письме Марксу Энгельс пишет, что политическая ситуация становится все более напряженной.

«Полиция сейчас в очень дурном настроении. Мне кажется, не мытьем, так катаньем, но они полны решимости использовать нехватку еды, чтобы спровоцировать бунт или возникновение массовых заговоров».

Некоторые коммунисты были арестованы и предстали перед судом. Энгельс пытался убедить Маркса выбраться из скучного Брюсселя и приехать в Париж развеяться. Это предложение не имело никакого отношения к революционной деятельности; если мысли о какой-либо деятельности вообще приходили Энгельсу в голову, то только такие, какие обычно приводят к разрушению брака. Он сообщил Карлу, что деньги будут в апреле.

«До тех пор мы можем отлично поразвлечься в местных тавернах... У меня есть громадное желание пуститься с тобой вместе в грандиозный загул... Если бы у меня был доход в 5000 франков, я бы ничего не делал, только работал бы и развлекался с женщинами до тех пор, пока не рассыплюсь на куски... Если бы на свете не было француженок, на нем не стоило бы жить, но пока есть гризетки – все просто прекрасно!»

Возможно, сообразив, что на эту наживку Маркс не клюнет, он добавляет: «Тем не менее это никому не мешает обсудить важную тему или насладиться жизнью с известной долей утонченности, но это никак невозможно сделать ни с од-

ним из моих здешних знакомцев. Ты должен приехать!» {17}

Маркс не приехал. У него не было ни денег, ни времени. Политическая обстановка в Бельгии также становилась все более напряженной. Прусское правительство уведомило бельгийские власти, что беженцы вопреки данным ими обещаниям, занимаются политической деятельностью. Немецкий книготорговец Карл Фоглер, входивший в «брюссельский кружок», – к нему Маркс обращался с просьбой помочь опубликовать «Нищету философии» – был арестован в апреле {18}. Маркс начал писать для оппозиционной эмигрантской газеты «Deutsche Brüsseler Zeitung», и хотя его статьи не всегда были политическими, их все время держали под пристальным вниманием, ожидая от Маркса чего угодно. Он писал Гервегу, что прусское посольство установило слежку за редактором газеты, что давало Марксу все основания опасаться насчет таких же мер, предпринятых в отношении него {19}.

В июне члены Союза должны были собраться в Лондоне на свой первый съезд для обсуждения вопроса о реорганизации группы. Маркс сообщил Энгельсу, что не может позволить себе приехать ровно в той же степени, в какой хотел бы это сделать {20} (ему предстояло заплатить за «Нищету», выходящую в это месяце). Кроме того, у Маркса не было паспорта; и хотя он наверняка мог бы рискнуть пересечь границу нелегально, он счел не самым мудрым решением в сложившейся ситуации привлекать лишнее внимание полиции.

Маркс сообщил, что вместо него в качестве представителя от Брюсселя поедет Люпус. Энгельс должен был стать делегатом от Франции. Присутствие на съезде двух этих людей гарантировало, что идеи Маркса о реорганизации Союза будут представлены самым достойным образом.

Десятки членов Союза собирались в отдельном зале лондонского паба в течение недели со 2 июня и выработали проект основных изменений, заострили задачи группы, начиная прямо с названия: Союз справедливых стал Союзом коммунистов, его лозунг изменился с расплывчато-обнадеживающего «Все люди братья» на более энергичное «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В своем новом воплощении Союз стал первой международной коммунистической организацией в истории. Энгельсу, Мозесу Гессу и Карлу Шапперу было поручено составить манифест, который собирались распространять среди новичков {21}. Первый проект был написан в Лондоне, в формате «вопрос-ответ», который помогал сформулировать основные сведения о группе: кто такие коммунисты, их цели, история пролетариата, путь к революции {22}. Группа также выпустила циркуляр, полный образцов самого пышного красноречия – его планировалось распространить среди тех членов Союза, кто не смог быть на июньском съезде.

«Братья! Мы представляем вам большое, замечательное начинание. Мы провозглашаем величайшую из когда-либо провозглашенных на земле Революцию! Революцию, кото-

рая по своей значимости, мощи и далеко идущим последствиям не имеет себе равных в мировой истории. Мы не знаем, сможем ли мы сами воспользоваться плодами этой революции, но знаем, что она приближается и разворачивается во всю свою мощь, мы видим, что везде – во Франции, в Германии, в Англии, в Америке – яростные массы рассерженного пролетариата приходят в движение и требуют освобождения от оков капитала, от пут буржуазии. Голос их пока плохо различим, но он становится все громче и отчетливее.

Мы видим, что буржуазия становится все богаче, что средний класс все больше разрушается, и само историческое развитие ведет к большой революции, которая и разразится в один прекрасный день – из-за бедственного положения народа и непомерного разврата богачей» {23}.

Члены Союза коммунистов заявили из Лондона о принятии на себя исторической миссии – изменить мир. Но это был тот случай, когда мышь пыталась изобразить грозное рычание: Союз был очень малочислен. Отставной офицер берлинской полиции был отправлен в Лондон, чтобы внедриться в группу и оценить ее изнутри – так вот, он докладывал, что в группе насчитывается всего 84 человека {24}.

Когда Маркс собирал филиал Союза в Брюсселе, в него вошли 18 человек. Первой в списке шла Женни, затем ее брат Эдгар и Энгельс, а это означало, что помимо семьи Маркс в бельгийскую группу входило всего 14 человек {25}. Таковы были ударные силы революции в 1847 году.

Брюссельский Союз за редким исключением состоял из немцев и бельгийцев, живших вокруг семьи Маркс. Это был очень тесный, почти семейный круг – и в этом был источник его силы. Среди них практически не было инакомыслия, все они подчинялись Марксу, и неудивительно, что он единогласно был избран президентом этого небольшого филиала партии.

Немецкий наборщик Стефан Борн вспоминал, что дом Карла и Женни в Икселе был чрезвычайно скромн, мал, плохо обставлен – и тем не менее служил «духовным центром коммунизма». Маркс и Женни приняли его очень любезно, когда Энгельс впервые привел его к ним, но особенно Борна поразила теплота, с которой отнеслась к нему Женни – он назвал это отношение «совершенно коммунистическим».

«На протяжении всей жизни она проявляла искренний и живой интерес ко всему, что касалось и занимало ее мужа... Маркс любил свою жену, и она разделяла его страсть...» {26} Они всю жизнь держались за руки – а свободная рука у каждого была стиснута в кулак.

В Брюсселе все внезапно пришло в движение. Издатель «Дойче-Брюсселер Цайтунг» фактически полностью передал газету Марксу {27}, а Маркс и Энгельс основали Союз немецких рабочих – для привлечения и обучения рабочих, которые были недостаточно представлены в Союзе коммунистов. По средам они встречались в шикарном, обшитом деревянными панелями зале брюссельского кафе «au Cygne»

на знаменитой Гран-Пляс. Маркс читал лекции по историческому материализму, об эксплуатации пролетариата капиталом; остальные преподавали курсы языка, науки и культуры. Воскресенья были посвящены семье – в этот день у Марксов читали стихи (иногда это делала и Женни), ставили любительские спектакли, танцевали {28}.

Невероятно, но Маркс был избран вице-президентом Международной демократической ассоциации, небольшой организации, объединившей профессионалов своего дела из разных стран, – интересно то, что основали ее политические противники Маркса, собиравшиеся противостоять его растущему влиянию среди рабочих. Когда группа создавалась, Маркса в городе не было, поэтому Энгельс взял дело в свои руки, ловко кооптировался с новыми соратниками – и превратил противников в орудие в руках Маркса {29}.

Это был один из первых примеров того, как на протяжении всей жизни Маркс и Энгельс будут стремительно и порой безжалостно побеждать своих врагов – при помощи интеллекта, остроумия и политического блефа. Им самим такие политические бои пришлись по вкусу и почти всегда были успешными. Казалось, противник даже не успевал понять, в какой момент проиграл битву.

Этот всплеск активности, а также газета привлекли внимание полиции. В секретном полицейском рапорте того периода написано: «Эта вредная во всех отношениях газета оказывает самое тлетворное влияние на необразованные

массы, к кому она и адресуется. Заманчивые планы, как поделить богатство, привлекают фабричных рабочих и поденщиков своей противоправной легкостью, воспитывая в них ненависть к властям и более зажиточной части населения... То обстоятельство, что число членов организации [Союза рабочих] выросло с 37 до 70 всего за несколько дней, не может не вселять сильную озабоченность» {30}.

Маркс говорил Гервегу, что вскоре число членов Союза достигнет сотни и продолжит расти {31}.

В сентябре Марксу пришлось поехать к дяде в Голландию, чтобы обсудить вопросы наследства {32}. К этому времени они с Женни ухитрились жить практически вообще без всякого дохода – последним был аванс Леске летом 1845 года (и его он сейчас требовал вернуть). За год до этого дядя Лион и мать Женни дали им денег на переезд, но за разные мелочи Маркс никак не мог взыскивать со своих друзей, поскольку они были такими же безденежными, а жизнь между тем дорожала. Аренду за год надо было платить в декабре, а Маркс в ноябре собирался в Лондон на очередной съезд Союза – Энгельс говорил, что это необходимо для закрепления успеха и большего сплочения перед лицом новых угроз {33}.

Бакунин прибыл в Брюссель осенью и сразу же начал мутить воду. Его отношения с Карлом уже давно были напряженными, но к 1847 году обида только усугубилась – из-за Вейтлинга и Прудона. Бакунин доверял Вейтлингу и был ему благодарен за собственное превращение из студента-фило-

софа в революционера, а Прудону – за следующую ступень этого превращения: из революционера в анархиста {34}. Хотя Бакунин и вступил в Демократическую ассоциацию под нажимом Маркса, но организованность и дисциплина ему претили. Он говорил Гервегу: «В подобной компании невозможно дышать свободно» {35}. Он добавил, что Маркс, по обыкновению, вел свою «дьявольскую работу», совращая рабочих своими теориями {36}. Он называет Карла и его последователей повстанцами, утонувшими в мягких креслах: «Тщеславие, злоба, сплетни, снобизм и высокомерие... вечные теоретические рассуждения о жизни, деятельности и простоте – при полном отсутствии жизни, деятельности и простоты... Слово «буржуазия» повторяется до тошноты, до бесконечности, как лозунг, но сами они едва достают головами до самых мелких городских буржуа» {37}.

Маркс вернулся из Голландии с обещанием денег – но без единого франка в кармане. Однако важность съезда Союза – в свете новых вызовов, брошенных его идеям и его лидерству в партии, – была так велика, что Маркс все равно отправился в Лондон, хотя ему и пришлось оставить Женни в одиночестве разбираться с финансовыми проблемами. Он написал Анненкову в Париж письмо с просьбой о помощи: «Мое материальное положение в данный момент является настолько критическим, что мою жену буквально осаждают кредиторы, и она испытывает отчаянные денежные затруднения. При таком положении, о котором я без стеснения, от-

кровенно рассказываю Вам, Вы поистине спасли бы меня от величайших неприятностей, если бы смогли переслать моей жене 100–200 франков. Уплатить этот долг я, конечно, смогу только после того, как мне удастся урегулировать свои денежные отношения с моими родными...»

Если Анненков согласится, он должен прислать деньги в Иксель: «Однако моя жена не должна догадаться по содержанию письма о том, что я писал Вам... Я надеюсь, что в следующий раз смогу написать Вам о чем-нибудь более приятном» {38} ³⁵.

В остальном Женни была предоставлена самой себе...

27 ноября Маркс, Энгельс, Георг Веерт и Виктор Тедеско встретились в бельгийском порту Северного моря Остенде, где и купили билеты на пароход до Дувра, отплывающий на следующий день. Количество радикально настроенных пассажиров на судах, отправляющихся в английскую столицу, впечатляло. В конце ноября многие организации наметили свои съезды и ассамблеи. Первым делом должна была отмечаться годовщина памяти жестоко подавленного восстания в Польше 1830 года, после которого страну буквально разорвали на части, и она до сих пор не могла воссоединиться. Польша вообще стала объединяющим фактором для оппозиционеров со всей Европы, и для того, чтобы почтить память мучеников, погибших за революцию, в Сохо, в пабе на

---

³⁵ Русский перевод дан по: { } К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 27.

Виндмилл-стрит собрались делегаты из Франции, Бельгии, Италии, Польши, Дании и Англии {39}.

Маркс, никогда не блиставший в качестве публичного оратора, выступил по-немецки, говоря об уроках польско-го конфликта (эту речь переводил на английский Карл Шаппер). Он описывал мир как место, где буржуазия всех стран объединилась против пролетариата всех стран – «братство угнетателей против угнетенных, эксплуататоров против эксплуатируемых». Однако, по его словам, хотя пролетариат до сих пор не выступил в ответ единым фронтом, у него уже есть опыт попытки построения нового мира.

«Старая Польша, несомненно, погибла, и мы меньше, чем кто бы то ни было, хотели бы ее восстановления. Но погибла не только старая Польша, старая Германия, старая Франция, старая Англия – все старое общество отжило свой век. Но гибель старого общества не является потерей для тех, кому нечего терять в старом обществе, а во всех современных странах в таком положении находится огромное большинство. Больше того, они должны приобрести все благодаря гибели старого общества – гибели, которая приведет к образованию нового общества, уже не основывающегося на классовых противоположностях» {40} ³⁶.

Выступавшие дружно выразили свою солидарность с народом Польши и рабочим классом, а затем обнажили головы и спели «Марсельезу».

---

³⁶ Русский перевод дан по: { } К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4.

На следующий день в этом же пабе начался конгресс Союза коммунистов, и на нем были замечены те же самые лица. Для большинства собравшихся этот день запомнился тем, что они впервые воочию увидели Маркса, уже хорошо известного в этом узком кругу своими ядовитыми эссе и памфлетами, направленными против своих же бывших соратников-социалистов и правительства. Маркс был категоричен и делил мир на черное и белое – точно так же полярно расходились мнения о нем самом. Он внушал страх и ненависть ровно так же, как искренние любовь и восхищение. Членам Союза, избравшим Маркса своим идейным вождем, было любопытно вблизи взглянуть на этот громоотвод в человеческом обличье.

Немецкий портной Фридрих Лесснер, живший в Лондоне, описывал Энгельса как «стройного и гибкого молодого человека, больше похожего на симпатичного и умного лейтенанта гвардии, чем на ученого» {41}. Однако по-настоящему его поразил Маркс, его физическое и умственное превосходство над всеми окружающими.

«Маркс был еще молодым человеком, ему было около 28 лет, но он произвел на нас всех очень большое впечатление. Он был среднего роста, широкоплечий, мощного телосложения и очень энергичный. Лоб высокий, прекрасной формы, волосы густые и черные как смоль, взгляд острый и penetrantный. Губы вечно искривлены саркастической усмешкой – именно его сарказма так боялись его оппоненты». Он

говорит о том, что Маркс никогда не произносил лишних слов; мечтателем или болтуном его назвать было невозможно. Из первой же своей встречи с Марксом Лесснер делает вывод, что тот был прирожденным лидером, который «представлял ту часть человечества, что придерживается социалистических идей» {42}.

В течение 10 дней члены Союза собирались в небольшой комнате на втором этаже лондонского паба. Сидя на длинных лавках за сдвинутыми столами, запивая выступления пивом, они спорили на немецком, французском, итальянском и английском языках, обсуждая те принципы своей деятельности, которые впервые озвучили в июне. Даже их одежда говорила об их социальном положении: от хлопчатобумажных рабочих блуз до потертых черных сюртуков интеллектуалов из среднего класса или традиционных костюмов и причудливых головных уборов тех, кто прибыл в Лондон из далеких провинций еще более далеких стран. Маркс, Энгельс и их последователи пытались удержать эту разношерстную компанию от чрезмерного увлечения утопическими идеями и надеялись вовсе исключить любую утопию из программных документов Союза. Союз должен был напрямую соотноситься с проблемами рабочего класса – если хотел развиваться, а это означало, что действовать нужно достаточно агрессивно и решительно, с учетом истинных потребностей и желаний человека труда {43}.

К концу съезда участники выработали единые требова-

ния к членству в Союзе и создали многоуровневую, структурированную организационную систему группы {44}. Также было решено пересмотреть ранее поставленные цели. Первоначально задача Союза была сформулирована слишком общо: «Освобождение человечества путем распространения теории общественной формы собственности и скорейшего применения ее на практике» {45}. Новую цель сформулировал Маркс: «Свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности» {46} ³⁷.

В уставе было записано, что пока группа будет находиться на нелегальном положении, поскольку если в Лондоне участники и могли собираться относительно свободно, то в Пруссии, получив сведения о делегатах, полиция могла их арестовать. Однако Союзу требовался программный документ, который могли бы изучить те, кто собирается примкнуть к организации. В самом конце работы съезда члены Союза обратились к Марксу и Энгельсу с просьбой по возможности быстрее написать такой документ.

Энгельс уже набросал несколько вариантов коммунистического «катехизиса», начав работу еще в июне, однако теперь у него появились новые соображения на этот счет. В письме Марксу он пишет: «Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму ка-

---

³⁷ Русский перевод дан по: { } К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4.

техизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим *манифестом*» {47}.

12. Брюссель, 1848

Мне говорят, что нет никакой опасности, потому что нет никаких восстаний; мне говорят, что раз нет открытых проявлений недовольства, нет и революции. Господа, позвольте мне заметить: я убежден, что вы ошибаетесь.

Алексис де Токвиль {1}

Женни и Маркс вместе встретили 1848 год. Союз немецких рабочих организовал встречу Нового года в кафе «Au Cygne», организовать праздник помогла Женни Маркс. «Deutsche-Brusseler Zeitung» назвала это событие еще одним шагом к укреплению демократии в ряде стран {2}, но для Женни это было прежде всего мероприятие, укрепившее ее дух. В ушедшем году ей жилось трудно. Она писала подруге: «Мое время всегда жестко поделено между большими и малыми неприятностями и скорбями повседневной жизни, [а также] заботами о делах моего дорогого мужа». Кроме того, пишет она, пока Карл был в Лондоне, «мы все, дети и взрослые, люди и мыши, переболели так тяжело, что я, например, принуждена была оставаться в постели 14 дней» {3}. Однако к Новому году появилась надежда перевернуть эту печальную страницу семейной саги. Дети были здоровы, и Женни говорит, что малыш Эдгар «утратил часть своей ужасности». Даже их финансовое положение несколько улучши-

лось. Мать Карла наконец-то согласилась отдать ему часть наследства {4}.

Итак, 31 декабря они праздновали, на время оставив в стороне революцию. Для Женни это был первый бал за многие годы. По такому случаю она и другие дамы ее круга оделись торжественно и пышно – вечерние платья, драгоценности, тонкие перчатки. В ту ночь на Гран-Пляс переливалась и шуршала шелками целая радуга – голубые, желтые, зеленые и красные шелковые туалеты дам поражали пышностью, свет газовых рожков отражался в окнах витрин и Отеля-де-Виль, отбрасывая мириады отблесков от драгоценностей, украшавших их шеи, пальцы и прически. В обычные дни на этой площади бурлила совсем другая, простонародная жизнь, хозяевами здесь были купцы в строгих сюртуках и лавочники в красных фартуках, но новогодняя ночь на Гран-Пляс стала волшебной.

Газета сообщала, что в кафе «цветник прекрасных и элегантных женщин» аплодировал бесконечным речам {5}, в том числе – произнесенной Марксом. Она была похожа на эхо речи, произнесенной его отцом в Трире в 1835 году, когда слова Генриха Маркса были ошибочно приняты за искусно завуалированную критику правительства (впрочем, в речи его сына эта критика читалась совершенно безошибочно). Маркс восхвалял Бельгию за ее либеральную конституцию, которая, по его словам, позволит расцвести проросшим из «семян гуманизма» благим деяниям для всей Европы {6}.

Со своей стороны Женни участвовала в любительском спектакле, и газета вполне обоснованно отмечает ее «блестящий талант к декламации. Впечатляющее зрелище – когда исключительно одаренные, духовно развитые дамы стараются своим примером улучшать и питать интеллект пролетариата» {7}. Когда закончились речи, зазвучала музыка, и на паркетный пол вышли пары танцующих. Музыка играла до самого утра Нового года, и любой прохожий мог слышать ее сквозь ярко освещенные окна кафе.

Несмотря на неоднократно упоминавшуюся здесь внешнюю непривлекательность Маркса, танцевать он очень любил и проявлял к этому некоторые способности. Они с Женни кружились в вальсе, потом переходили к кадрили, которая и вовсе требовала хорошей координации и слаженности между многочисленными партнерами. Бальная публика сильно изменилась со времен чопорных аристократических балов в Рейнланде. Пышные платья больше не были привилегией дам высшего света, и отнюдь не все участники торжества носили вечерние костюмы, а некоторые по-простецки прятали в карман рабочие картузы. Мода стала более терпимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.